

СМЕНА

№ 14 июль 1980

*СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ОЛИМПИЙСКИМ ИГРАМ В МОСКВЕ*

И. Т. НОВИКОВ,
заместитель Председателя
Совета Министров СССР,
председатель Оргкомитета
«Олимпиада-80»

Остались считанные дни и часы до знаменательного момента в истории спорта и олимпийского движения — торжественного открытия Игр XXIII Олимпиады.

Прошло несколько лет с тех пор, как Международный олимпийский комитет предоставил Москве право принимать у себя Олимпиаду-80. Позади большая подготовительная работа, проведенная, чтобы этот праздник молодости и спорта стал ярким, запоминающимся, прекрасным событием для всех, кому дороги идеалы олимпизма.

В беседе с президентом МОК лордом Килланином 7 мая этого года в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев отметил, что Советский Союз полностью выполняет взятые на себя обязательства и делает все, чтобы в нынешних сложных международных условиях

Читатели уже знают, сколько спортивных сооружений было вновь построено или реконструировано в минувшие годы в городах, где будут проводиться состязания Олимпийских игр. Эту огромную работу да и другие формы многогранной деятельности, которая в конечном счете обеспечивает развитие физического и нравственного здоровья молодых людей, было бы невозможно реализовать без активной помощи комсомола и нашей молодежи. Комсомол объявил шефство над стройками Олимпиады-80, и тысячи лучших молодых мастеров съехались в Москву, чтобы помочь нашей столице в срок и с высоким качеством завершить олимпийские объекты. Миллионы часов отработали добровольцы из числа молодых москвичей на стройплощадках Олимпиады-80. Из 150 тысяч человек, которые будут заняты в обслуживании Игр, больше половины — это московские студенты; они тоже приложили много сил и старания для того, чтобы встретить гостей Олимпиады во всеоружии знания иностранных языков и своих профессий.

По итогам социалистического соревнования 2 тысячи лучших строителей

получат бесплатные путевки на Игры. Однако Оргкомитет «Олимпиада-80» считает своим долгом выразить через журнал «Смена» искреннюю признательность и благодарность не только им, но и всем участникам работы по подготовке и проведению Олимпиады в Москве.

Роль молодежи в Играх, разумеется, этим далеко не исчерпывается. К Москве уже приближается эстафета Олимпийского огня. Бегунам-факелоносцам, в большинстве своем молодым спортсменам, предстоит преодолеть в общей сложности около 5 тысяч километров по территории четырех стран, только по СССР их путь займет свыше 2300 километров. Многие тысячи молодых людей примут участие в этом торжественном «шествии», в празднествах, церемониях и соревнованиях, которые развернутся на трассе следования Олимпийского огня.

Огромные возможности для интенсивного общения и познания, укрепления международной солидарности юности планеты предоставит молодежный туризм в дни Игр. Около 180 тысяч советских и иностранных юношей и девушек

примет в Москве и других олимпийских городах бюро международного молодежного туризма «Спутник». Мы уверены, что молодые москвичи проявят в эти дни дружелюбие и гостеприимство, тепло, с достоинством встретят всех, кто придет к нам.

Нередко иностранцы нас спрашивают, на какое количество олимпийских медалей рассчитывают советские спортсмены. Мы, как правило, отвечаем в таких случаях, что не беремся предсказывать результаты напряженной спортивной борьбы, которая, несомненно, развернется на Олимпиаде, но полагаем, что главную победу эти Игры нам уже принесли. Москва пригласила к себе Олимпиаду не ради поднятия престижа советского спорта. Авторитет советских спортсменов на международной арене и без того достаточно высок, наша команда одерживала убедительные победы на Олимпиадах как в отдельных видах спорта, так и в неофициальном командном зачете.

Нет, свою цель мы видим прежде всего в новом подъеме физкультурного движения, который связываем с приближением Олимпийских игр в Москве. Если до начала подготовки к Олимпиаде у нас в стране насчитывалось около 50 миллионов физкультурников, то теперь их стало почти 80 миллионов. «Олимпийские игры — не только для олимпийцев!», «Старты надежд» — под этими и другими подобными девизами проходили в минувшие годы спортивные соревнования по всей стране. Развернулось и активное строительство простейших спортивных сооружений, пользу от которых мы ждем не меньшую, чем от олимпийских объектов. Способность спорта содействовать гармоническому развитию личности, укреплению духа и тела, совершенствованию волевых качеств — вот на что мы возлагаем самые большие свои надежды, связанные с Олимпиадой, вот в чем видим одну из самых привлекательных сторон современного олимпийского движения.

Не все, однако, разделяют уважение к гуманному принципу, заложенному в Олимпийской хартии. Тревогу у всей прогрессивной мировой общественности вызывают проiski, направленные на срыв Московской Олимпиады, на разрушение международного олимпийского движения. Именно способность Олимпийских игр к стабилизации, упрочению мира и вызывает все усиливающееся противоборство. Попытки торпедировать Игры, которые состоятся в столице первого социалистического государства, предпринимались еще несколько лет назад. Наши недоброжелатели вынашивали надежды на то, что Москва не сумеет в срок подготовиться к Играм. Но вскоре поняли, что двери олимпийских сооружений распахнутся вовремя. Наде-

был сохранен благородный дух олимпийского движения, основанный на доброй воле и дружбе между народами.

Сделано многое, и теперь уже можно сказать с уверенностью, что Оргкомитет «Олимпиада-80», координируя деятельность центральных и московских организаций, учреждений, ведомств, выполнил все обязательства, принятые на себя в соответствии с положениями Олимпийской хартии.

Советские люди всегда рассматривали олимпийское движение как важный фактор созидания лучшего и более спокойного мира, стабилизации международной обстановки. Олимпийские игры — это не только соревнования, на которых молодежь может помериться силами на спортивных полях и площадках, но и возможность непосредственного общения, прямых контактов между людьми разных национальностей, взглядов, религиозных убеждений.

**МЫ ГОВОРИМ:
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

ялись и на то, что мы не сможем обойтись без помощи фирм-поставщиков из капиталистических стран. И эти ожидания не оправдались.

Кампанию против Олимпиады-80 с самого начала возглавили определенные политические силы в США и некоторых других странах. Так, еще летом 1978 года ее поддержал вице-президент США У. Мондейл. С начала же этого года вашигтонская администрация, добиваясь от спортсменов Америки — и не только Америки — бойкота Игр в Москве, избрала политику прямых угроз и финансового давления, политику, справедливо названную «выкручиванием рук». Этот нажим привел к тому, что ряд национальных олимпийских комитетов принял решение отказаться от участия в Олимпиаде-80, чем был нанесен существенный ущерб прежде всего спортсменам-олимпийцам этих стран, а также трезво настроенным деловым кругам и многим миллионам болельщиков спорта.

И тем не менее эти своекорыстные политиканские усилия организаторов антиолимпийской кампании не смогли помешать открытию в установленные сроки и проведению по утвержденной программе Игр XXII Олимпиады. Решающим фактором в восходящей к печальным традициям «холодной войны» борьбе против миролюбивого духа олимпизма стала твердая и ясная позиция Международного олимпийского комитета, международных спортивных федераций, самых широких слоев международной спортивной общности. На своей 82-й сессии в Лейк-Плэсиде в феврале этого года члены МОК единодушно высказались против посягательства администрации Картера распрямить судьбой олимпийского движения и подтвердили ранее принятое решение о предоставлении Москве права проведения Игр XXII Олимпиады. Это решение еще раз подчеркнуло уверенность МОК и всей международной спортивной общности в том, что Олимпиада-80 будет проведена на высоком спортивном, организационном и техническом уровне.

На совместном двухдневном заседании в Лозанне в апреле исполком МОК и руководители международных спортивных федераций единогласно приняли резолюцию, в которой решительно протестуют против политического давления на олимпийское движение. Участники заседания высказали уверенность, что бойкот спортивного мероприятия не является той мерой, с помощью которой можно достигнуть политических целей, и что подлинными жертвами таких действий станут спортсмены и спортсменки всего мира.

Таким образом, верх одержали разум и спокойствие в понимании перспектив олимпийского движения. И сегодня, так же как и несколько лет назад, можно заявить со всей ответственностью: Игры XXII Олимпиады откроются в Москве на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в 16 часов 19 июля 1980 года.

Мы рады принять у себя всех членов «олимпийской семьи», которые в эти дни съезжаются со всех концов света в Москву, а также Таллин, Ленинград, Киев и Минск. Спортсмены — участники Игр, спортивные судьи, члены Международного олимпийского комитета, руководители международных спортивных федераций и национальных олимпийских комитетов, спортивные журналисты сейчас воочию убеждаются, что для открытия Игр все готово.

Завершены строительство новых двенадцати и реконструкция существовавших ранее тринадцати спортивных сооружений, на которых будут проводиться олимпийские соревнования. Принята первая жителями Олимпийская деревня на Мичуринском проспекте — хороший новый жилой микрорайон столицы, включающий в себя 18 шестнадцатиэтажных домов, спортивный корпус, культурный центр, директорат, поликлинику, предприятия питания, торговли и бытового обслуживания. Спортсмены

размещаются по два человека в комнате в двух-трехкомнатных квартирах.

Среди других олимпийских объектов — новый телерадиодом в Останкине, здание Агентства печати «Новости» и Союза журналистов СССР, которое в эти дни стало Главным пресс-центром Олимпиады-80, здание АСУ «Олимпиада» на Лужнецкой набережной, крупнейшая в Европе международная телефонная станция, новый международный почтамт, гостиницы «Космос», «Салют», «Спорт», «Севастополь», Дом туриста, большой гостиничный комплекс на 10 тысяч мест в Измайлове...

Организационный комитет по подготовке и проведению Олимпиады-80 и все, кто был занят в этой работе, видели свою задачу в создании наиболее благоприятных условий для всех участников Игр и гостей столицы. Речь идет не только о бытовых удобствах, которые сами по себе, разумеется, очень важны, но и о моральном комфорте для олимпийцев, заботе о том, чтобы они находились в равных условиях и в момент борьбы, и в период тренировок, и во время отдыха. Так, на год раньше обусловленного правилами срока всем национальным олимпийским комитетам, признанным МОК, была разослана разработанная нами спортивная программа Игр по дням и часам. Это позволило спортсменам заранее рассчитать графики тренировок и соревнований с тем, чтобы выйти на старт в наилучшей форме. Так же заблаговременно мы распространили и список спортивного инвентаря Олимпиады-80, что дало возможность совершенствовать свое мастерство на тех же спортивных снарядах, на каких олимпийцам предстоит выступать.

Проявлением заботы о здоровье спортсменов стало создание в Москве целого комплекса медицинских специальных учреждений. Почти 5 тысяч врачей постоянно готовы оказать медицинскую помощь олимпийцам, официальным лицам, журналистам, туристам. Что же касается эффективной системы допинг-контроля, то этим целям будет служить новый антидопинговый центр. Сам факт его организации, на наш взгляд, послужит серьезной профилактической мерой против применения запрещенных препаратов. А значит, будет соблюдено еще одно условие честной и бескомпромиссной борьбы, которая продемонстрирует благородство и мужество олимпийцев и явит всему миру прекраснейшее зрелище.

Олимпиаду-80 смогут увидеть многие миллионы людей — как с помощью телевидения, так и непосредственно с трибун олимпийских сооружений. Продано уже 5,8 миллиона билетов на соревнования Игр (это в 1,6 раза больше, чем на прошлой Олимпиаде в Монреале). Надо отметить, что цены на билеты установлены несколько ниже, чем на Играх 1976 года, учащиеся же получают билеты на утренние соревнования бесплатно.

Картина, рисующая размах подготовки к Играм XXII Олимпиады, будет неполной, если не сказать о предусмотренной Олимпийской хартией национальной культурной программе. Праздник искусств, по традиции сопутствующий спортивным соревнованиям Олимпиады, уже открылся. Он продемонстрирует достижения многонациональной советской культуры.

В своем приветствии участникам и гостям прошлогодней VII летней Спартакиады народов СССР Леонид Ильич Брежнев высказал следующую мысль: «Спорт сближает людей, помогает народам лучше познать и понять друг друга. Хотелось бы, чтобы идеалы братства, дружбы, взаимопонимания, которыми руководствуется олимпийское спортивное движение, всегда определяли атмосферу встреч спортсменов разных стран». Мы твердо верим, что Игры XXII Олимпиады в Москве реализуют это пожелание и зададут оптимистический тон всему будущему развитию международного любительского спорта.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 14 (1276) ИЮЛЬ 1980

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
рисунок
художника
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

- 1 И. Т. НОВИКОВ, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Оргкомитета «Олимпиада-80». «МЫ ГОВОРИМ: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!»
- 2 Станислав ТОКАРЕВ. «ОСНОВАНИЕ ПИРАМИДЫ, ИЛИ ЧТО ОЗНАЧАЕТ ДЕВИЗ «ОЛИМПИАДА — НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ ОЛИМПИЙЦЕВ».
- 4 Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. «САМОЕ МИРНОЕ СРАЖЕНИЕ».
- 6 «МОСКВА ВСТРЕЧАЕТ ПРАЗДНИК».
- 12 ПУТЬ НА ОЛИМП: СЛАГАЕМЫЕ ПОБЕДЫ. Владимир КОНДРА, комсорг сборной команды СССР по волейболу. «СПЛОЧЕННОСТЬ».
- 14 «ОЛИМПИАДА — ДА!». Международная анкета.
- 16 ПУТЬ НА ОЛИМП: СЛАГАЕМЫЕ ПОБЕДЫ. Аркадий ВОРОБЬЕВ, ректор Московского областного института физической культуры. «ХАРАКТЕР».
- 18 Александр ИВАНИЦКИЙ, главный редактор Главной редакции спортивных программ телевидения и радио. «ТВ: СТАДИОН ДЛЯ ВСЕХ».
- 20 ПУТЬ НА ОЛИМП: СЛАГАЕМЫЕ ПОБЕДЫ. Юрий ТИТОВ, президент Международной федерации гимнастики. «МАСТЕРСТВО».
- 22 «БОЛЕЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ!»
- 24 Рассказ Анатолия ГОЛУБЕВА «ЗОЛОТО».
- 27 Стихи Александра ТКАЧЕНКО, Юрия КАРТАШОВА, Вячеслава ЕГИЗАРОВА.
- 28 Повесть Николая ОГАНЕСОВА «МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ».

Редакция журнала «Смена» благодарит корреспондентов АПН Э. БАСКАКОВА, Г. БАУТДИНОВА, С. ВОЛОКИТИНА, А. ГОРОХОВА, А. ДОБРОВОЛЬСКОГО, А. ЗДИТОВЕЦКОГО, О. ОЛЕЙНИКА, Ю. ПОПОВА, В. ШКАЛЯБИНА и фотокорреспондентов М. БОТАШЕВА, А. БОЧИНИНА, Р. МАКСИМОВА, Ю. СОКОЛОВА за участие в подготовке этого номера.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

ОСНОВАНИЕ

ИЛИ ЧТО ОЗНАЧАЕТ ДЕВИЗ «ОЛИМПИ»

1
Начнем с азбучных истин. О них писано-переписано, и я сотни раз писал. Но давно не бегал по утрам.

Когда-то давал себе ежеутреннее веселое слово пробежать по набережной несколько километров, и выполнял его, и день продолжал свой бег в бодром ритме. Потом подступил возраст, подхватила лень — замолчи, уймись, окайми будильник!

И вот специально для того, чтобы начать эти заметки, которые никак не давались, я решил: хватит. Всей, какая есть, силой воли я сгрел себя за руки, за ноги. Встал. Вышел на улицу, слыша из чьей-то открытой форточкой ранние перезвоны радиопозывных.

Утро было перламутрово-серым, над рекой клубилась дымка, сквозь нее посвечивали алым и белым бакены, пофыркивала, поплескивала тудяга баржа. Город тихо дышал, я тоже вдохнул, и ноги мои сами по себе упруго оттолкнулись от асфальта.

Это называется фазой полета — когда ты воспаряешь над землей.

Летая во сне, ребенок растет. Летая наяву, ты тоже растешь. Над чем-то дряблым и

области социальной философии и демографии, профессора Эдварда Араб-Оглы. Говоря о постоянном возрастании роли спорта в обществе, он констатирует:

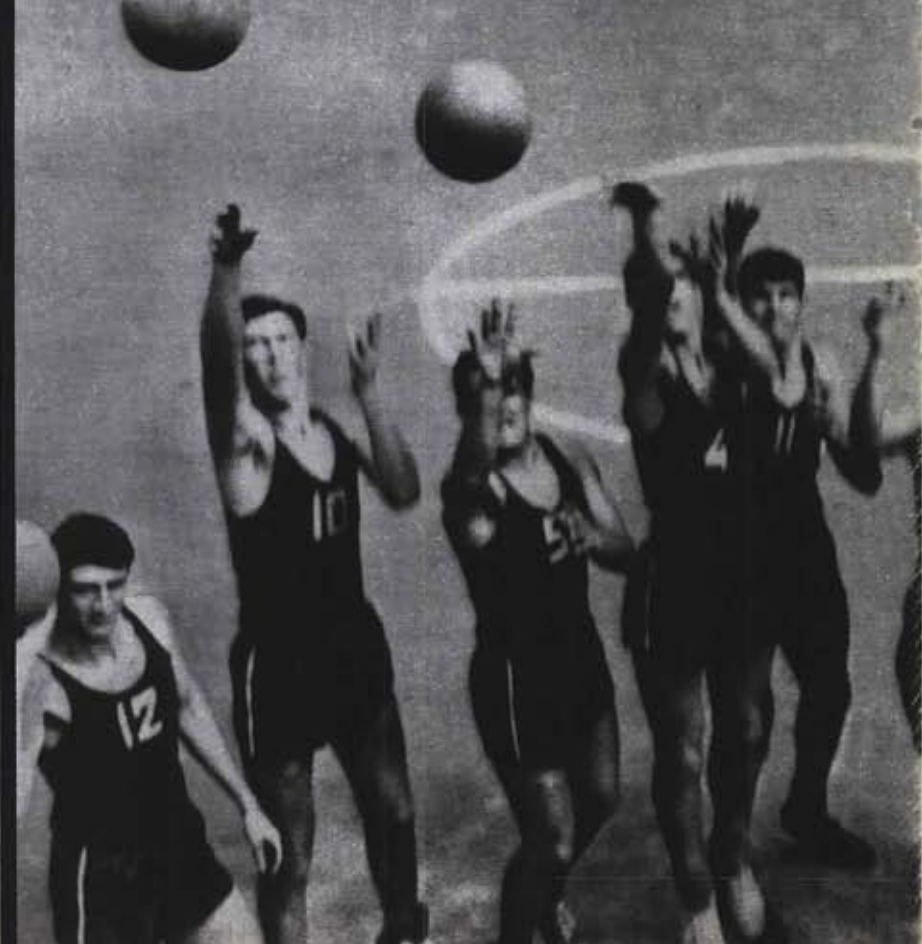
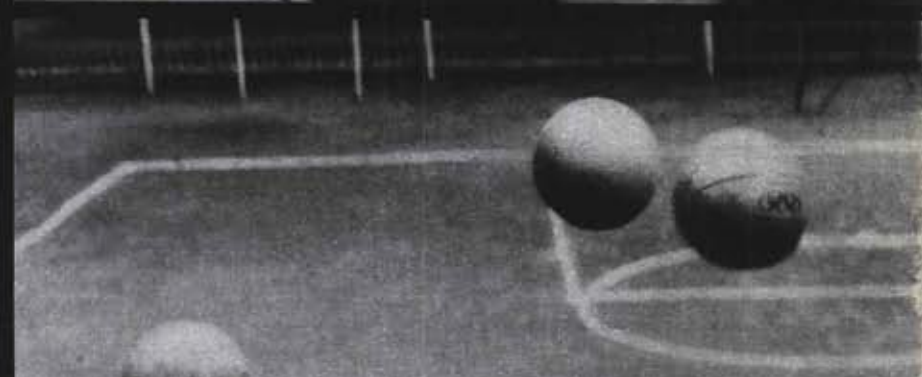
«Утописты прошлого полагали, что всестороннего развития добиться легко: достаточно, чтобы часть своего времени человек отводил физическому труду, другую часть — умственному. Но современное общество осуществить эти утопические идеи не может. Ведь даже труд в сельском хозяйстве, который, как было принято считать прежде, требует только мускульных усилий, ныне предполагает — и чем дальше, тем больше — возрастание не физической, а интеллектуальной энергии. Если бы мы шли путем деления физического труда поровну на всех, очень быстро оказалось бы, что его не хватает, чтобы дать необходимую нагрузку на человека. Спорт призван восполнить недостающую долю физического труда. Поэтому когда ставится задача, скажем, механизировать тяжелые работы, то она одновременно служит требованием и к организаторам физкультуры и спорта: мы будем уменьшать, а вы, будьте любезны, увеличьте роль физических упражнений».

Наоборот, они возрастают. Известны колоссальные катастрофы, которые происходили из-за отключения энергосистем, а причина в том, что выходили из строя прежде всего человеческая сообразительность, оперативность, воля...»

Итак, исходя из сказанного профессором Араб-Оглы, мы понимаем, как важно, чтобы каждый из нас прошел через спорт. Не результат играет роль в данном случае, но знание того, на какие нагрузки ты способен. Важно ведь познать себя. Это познание дает уверенность — ту которую мы вправе именовать спортивной...

Физическая и психологическая спортивность — крепкое здоровье, уверенность в себе, оптимизм — особенно важна в эпоху научно-технического прогресса для сложного современного производства.

В моем блокноте сохранилась интересная запись, касающаяся Волжского автозавода. Сравниваются показатели двух соседних цехов — литейного и кузнечного. В литейном физкультурой и спортом занимаются 62,4 процента работников, в кузнечном — 14,4. Производительность труда литейного цеха на 13,3 процента больше, чем в кузнечном. На треть ниже в литейном количество забо-

сморщенным в душе. Она распрямляется, крепнет вместе с мышцами.

В то утро на набережной я встретил бегущего человека, который был много моложе меня. Может быть, студента. И другого, который был старше меня, может быть, профессора. Их лица рдели, были устремленны, их шаг был ладнее моего, и я, позавидовав им, дал себе слово добиться такого же.

Начнем же с азбучных истин. «Здравствуйтесь», — говорим мы друг другу. То есть желаем здоровья. Размышляя о том, зачем нам Олимпиада — всем нам, каждому, — мы с этого и должны начать.

С утреннего «здравствуйтесь».

Извинившись перед вами за размеры цитат, я приведу еще одну из той же беседы — тоже, по-моему, принципиально важную и интересную: «Пианист тренирует пальцы, балерина накачивает силу... А хирург, например? Ему ведь важно сделать операцию не только хорошо, но и быстро. В грядущем человек будет выступать в роли «дрессировщика машин». А кто сказал, что дрессировщик может быть хил? Так же, как в работе с животными, в работе с механизмами необходимы сила, воля, умные и быстрые руки. Если мы поручаем машине действия, находящиеся нередко за порогом человеческого восприятия, это не значит, что требования к нашей реакции снижают-

...И вдруг мы замечаем, что рядом с нами, неуклюже переваливаясь, старательно топя ногами, смешно перелазящая наши движения, бегут наши дети. Он будет длиться долго, этот бег. Рядом с детьми нашими обязательно потом окажутся внуки, за ними правнуки... Физическая культура — она и потому еще культура, что относится к общественным, артельным, совместным с кем-то, лучше всего с единомышленниками, занятиям. Хорошо почувствовать себя здоровым, бодрым, легким на подъем, очень хорошо! Еще лучше испытать это ощущение среди других людей, чувствующих то же самое. А отсюда, от физкультурного товарищества, — прямая дорога к большому спорту.

2
Цифры условны. Мы пишем, что в таком-то городе столько-то тысяч физкультурников, в такой-то области столько-то десятков тысяч, в такой-то республике столько-то миллионов. Но как учесть всех бегающих, плавающих, катающихся в воскресенье на лыжах, шагающих с рюкзаками в походы?

Говорят, в стране потому не хватает на всех спортивного инвентаря — некоторых его предметов, во всяком случае, — что Госплану никак не удается получить точные данные, свидетельствующие о потребности, которая каждодневно растет.

Смешно было бы доказывать сегодня, что физкультура и спорт вообще полезны для здоровья.

Но вот цитаты из интервью, взятого мною вместе с коллегой у видного ученого в

ПИРАМИДЫ,

АДА — НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ ОЛИМПИЙЦЕВ»

леваней. Там рабочие имеют в среднем 5-й разряд, в кузнечном — 3-й. В литейном продолжают учиться в заочных институтах и техникумах 36 процентов работающих, в кузнечном — 2. Вот какие красноречивые цифры.

Вдумаемся в смысл привычной аббревиатуры ГТО. «Готов к труду и обороне». Это же страна у каждого из нас строго спрашивает: готов ли? И строит стадионы, залы, бассейны, чтобы эту готовность обеспечить. И каждый из нас делом должен дать ответ, что готов.

Партия поручила заботу о ГТО комсомо-

лу. Это не случайно: ведь еще в далеком двадцатом, на III съезде, где Ленин выступил с исторической речью «О задачах союзов молодежи», в решениях было записано: «Физическое воспитание подрастающего поколения является одним из необходимых элементов общей системы коммунистического воспитания молодежи, направленной к созданию гармонически развитой личности, творца — гражданина коммунистического общества».

Отнюдь не ново, но достаточно точно сравнение спорта страны с пирамидой, вершину которой являет собой так называемый

Большой Спорт — олимпийский. Мы с вами — мы все — являем собой основание этой пирамиды. Поэтому в стране бодрый, оптимистичный, я бы сказал, физкультурный, спортивный духовный климат.

И это одна из причин того, почему нам — нам всем — нужна Олимпиада.

3

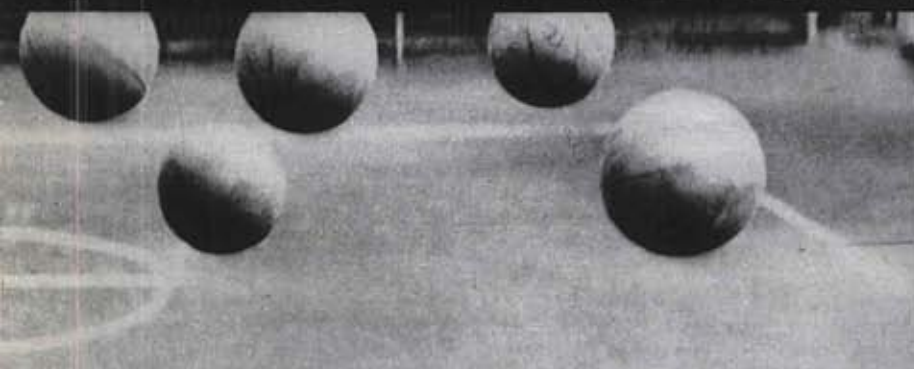
Для того, кто любит кататься на велосипеде, велосипедист-мастер — ну, скажем, мастер международного класса — герой. И в то же время герой близкий, понятный, потому что дело верчения педалей знакомо и близко. Человек, хоть немного боксировавший в детстве, научившийся разбираться в крюках и ашперкотах, не пропускает турниров по боксу или уж, во всяком случае, смотрит их по телевизору с особым удовольствием. Я уж не говорю о футболе, истинно народной игре, вызывающей единение многотысячных трибун, на которых — особенно когда играет сборная — плечом к плечу теснятся люди, которые, возможно, до сих пор в глаза друг друга ни разу не видели, но они сейчас как родные, они кровно связаны тем, что сами пинали и в свободное время пинают

Мне трудно описать, что творилось в комнате. Как мучились эти парни, как они чуть не плакали, как гневались, соболезновали, искали оправданий и, споря, отменяли эти оправдания. Они в досаде били тяжелыми кулаками по коленям: происходившее касалось их — каждого.

Разъяренный Михайлов, бодая воздух шлемом, не мог протолкнуться на пятачок сквозь стену соперников, и Виктор Кяхер, форвард из Золотинки, в миру председатель постройкома, судорожно тянулся туда, вперед, на помощь. Третьяк падал на лед, над ним пролетала проклятая шайба, и бородастый Юрий Погибельный, экскаваторщик, вратарь, резко наклонялся в ту же сторону, чуть не слетая на пол со стула.

Я с новой силой ощутил тогда, как высоко и бескорыстно чувство нашего «боления»: ни от одной шайбы, забитой или пропущенной за океаном, нам лично — материально, будем говорить так — ни убудет, ни прибудет, что мы Гекубе, что нам Гекуба, не правда ли? Но «боление» было болью.

И как они потом играли, хоккеисты Золотинки! Отчаянно пластался в своих воротах Погибельный, рвался к чужим Кяхер, и

мячик, и потому им близки мысли и чувства двадцати двух молодцов на поле.

Когда-то, помню, один писатель ополчился — не где-нибудь, а на страницах «Крокодила» — на неуклюжее слово «болельщик». Но оно прижилось, потому что по душевной сути верно. Разве не отдается в нас сладкой, счастливой болью миг, когда наши забил гол, и горькой душевной мукой, коль его забил нашим?

Ученые говорят, что у болельщиков непроизвольно сокращаются те самые группы мышц, которые действуют у спортсменов.

Помнится, во время чемпионата мира по конькам в Москве, в Лужниках, сидел рядом со мной известный в прошлом конькобежец-спринтер Юрий Сергеев по прозвищу «Стриж», а по ледяной дорожке размашисто несли Евгений Гришин, человек-пуля. И плечо Сергеева, прижатое к моему плечу, было каменно, и он, не сходя с места, словно бы сам устремлялся вперед, и лицо его искажалось прекрасным и страдальческим напряжением бега на короткую дистанцию.

— Что с тобой? — спросил я, а он в ответ: — Ты-то смотришь, а я-то бегу.

Тот драматический хоккейный поединок Олимпиады в Лейк-Плэсиде, когда наши проиграли американцам, я смотрел на БАМе, на его якутском участке, в поселке Золотинка. Рядом со мной у телевизора сидели шоферы, бульдозеристы, монтажники, электрики. Они же хоккеисты Золотинки, которым через час самим предстояло выйти на площадку в традиционной встрече ветеранов и молодежи.

борта новенькой, сооруженной в поселке площадки трещали от того, как кидали его на них защитники, но он жаждал гола.

Не было у этих ребят такой техники, как у тех, и хода такого не было, и дыхание у них сбивалось, но они словно компенсировали, словно восполняли то, что не смогли наши в Лейк-Плэсиде.

Мальчишки из «Золотой шайбы» — это, конечно, резервы мастерских команд. Отчаянно честолюбивые по молодости лет, еще не иссеченные шрамами юнцы из боевых пятерок московских, сибирских, уральских мастерских команд — резервы сборной.

Но не сочтем ли мы духовным резервом нашего хоккея неиссякаемый азарт многочисленных обыкновенных рабочих коллективов, играющих не во дворцах, а под открытым небом, в мороз и пургу, и за кубки не хрустальные, а жестяные?

Вот откуда, кроме всего прочего, у нас физкультурный климат.

Когда выйдет на дорожку Лужников многоцветный парад участников Олимпиады, это мы с вами будем шагать рядом с ними в шеренгах. Каждый, кто на трибуне. Каждый, кто перед телевизором.

4

Вновь и вновь возвращаюсь воспоминаниями к фразе, которую сказала мне когда-то олимпийская чемпионка Мехико по гимнастике Лариса Петрик. Трепещущим голосом, от которого и у меня подкатило к горлу, она говорила:

— Ты стоишь на пьедестале, и в честь

Роберт
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

САМОЕ МИРНОЕ СРАЖЕНИЕ

Мы говорим Олимпиаде-80: «Добро пожаловать!» Говорим от всего сердца...
Московская летняя Олимпиада будет двадцать второй по счету, и все-таки она будет первой. Первой Олимпиадой, проводимой не просто в очередной стране, а в стране социалистической, более того — в Москве, столице Советского Союза!

Я специально подчеркиваю этот факт. Потому что именно против него выступали и выступают самые оголтелые противники разрядки, самые непримиримые враги международного сотруд-

ничества, мастодонты «холодной войны».

Олимпиада их в общем-то устраивает. Их не устраивает Москва. Не устраивает само ее существование. В этом-то все и дело! Отсюда идет и сама идея бойкота Московских Олимпийских игр. Идея эта возникла сразу же после того, как Международный олимпийский комитет предоставил нашей столице право проведения Игр XXII Олимпиады.

Им просто физически больно от мысли, что в Москву из разных стран приедут тысячи спортсменов и сотни тысяч туристов. Им неприятно, что эти люди увидят нашу страну, почувствуют ее красоту, щедрость и широту ее души,

доброжелательность ее граждан. Поэтому они так нервничают, так клеветают на нас и так кричат...

Но Олимпиада откроется в срок! Она вознесет в небо многоцветье спортивных знамен, распахнет объятия своих стадионов и спортивных залов, восславит честную борьбу на беговых и водных дорожках, коврах и рингах, волейбольных и баскетбольных площадках, треках и футбольных полях... Она назовет имена победителей и утешит побежденных.

Один из основателей олимпийского движения, Пьер де Кубертэн, сказал: «Главное в Олимпиаде не победа, а участие».

Я понимаю всю глубину и многогранность этой прекрасной фразы и все-таки должен заметить: как правило, все спортсмены приезжают на Олимпийские игры с желанием не только участвовать, но — обязательно — участвовать и победить!

Во всяком случае, внимательно следя за Олимпийскими играми последних лет и побывав на двух Олимпиадах (в Салпоре и Мюнхене), я как-то не заметил там спортсменов, которые бы стремились «только участвовать». Впрочем, может быть, мне просто не везло...

Но зато я заметил другое: все стремились к победе! Все!

Второй непременно хотел быть первым, третий — вторым, даже последний (а уж казалось бы, ему-то что?) жаждал быть предпоследним.

И никто этому не удивлялся. Потому что это Олимпиада! Самая высшая ступень спорта!

Не зря же перед стартами древних Олимпиад судьи говорили спортсменам: «Если вы тренировались так, чтобы быть достойными величайших соревнований, смело приступайте к ним!»

Чувствуете, как говорится еще тогда: величайшие соревнования.

Поэтому и сегодня к Олимпиаде готовятся особенно тщательно. К ней готовятся загодя, задолго. Готовятся, наращивая силы, накапливая опыт, оттачивая мастерство и волю, отказывая себе во многом, тренируясь «через не могу», падая и поднимаясь, уставая и снова готовясь, вчера и сегодня, завтра и послезавтра. К ней идут, как к мечте. Как к вершине.

И действительно, о каком стремлении «только участвовать» может идти речь, если, например, перед мюнхенской Олимпиадой американские пловцы несколько месяцев подряд тренировались по три раза в день — утром, днем и вечером, — проводя в бассейне общей сложностью восемь часов!

Вдумайтесь: восемь часов ежедневно!

тебя играют гимн твоей страны. Всей огромной страны в честь одной какой-то девчонки!

Вспоминаю — видел по телевизору, — как победивший на крупном международном турнире знаменитый польский боксер Збигнев Петшиковский, тоже стоя на верхней ступеньке, когда гимн его страны звучал, пел — это отчетливо было видно — непослушно кривящимися губами, и его тяжело-доброное, измятое чужими кулаками лицо орошало слезы.

И снова, снова, хотя писал об этом, говорил со многими людьми, из которых ни одного не встретил, не разделившего моих чувств, обращаюсь к самому, наверное, трогательному для нас, болельщиков, мигу трансляции из Лейк-Плэсида. Гремит гимн, и во весь экран усталое лицо Родины с глазами — спелыми сливами, они влажны, и мелко дрожит подбородок, Ира сдерживается, как может, — всегда насмешливая и дерзкая внешне, она стыдится обнажить себя плачем, но телережиссер держит, не упускает кадр, и вот блеснула в прожекторном луче ползущая по щеке слезинка.

Черт с тобой, что ты нескромна, камера, но спасибо тебе за взлет наших чувств! Мы ведь — кто голову закидывает, чтобы не пролилась набухшая влага, кто торопливо достает платок...

Нас возносит, омывая сердца, высокое сопереживание.

Сопереживание тому, о чем говорила чемпионка мира и Олимпийских игр Елена Петушкова:

«В такой момент словно какое-то озарение нисходит на тебя, и кажется, что в его ослепительном свете ты вдруг постигаешь некий высший смысл, величайшую мудрость жизни. Ты живешь в ином, ускоренном в сотни раз ритме, упиваясь каждой крохой нового бытия и по-особому ярко чувствуешь свою жизнь на этом свете — в стране, которая тебя вырастила, среди людей, один из которых — ты».

Высший смысл, величайшая мудрость — это многократно усиленное по сравнению с обыденностью, заполняющее всего человека мажорное чувство Родины.

Но — как в песне поется — «с чего начинается Родина?»

Она ведь начинается и «с хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе».

Вот сражаются две мальчишеские личные сборные — где-то на первом этапе приза «Кожаный мяч», и пыль столбом (холодных футбольных газонов и не на все взрослые классные команды хватает, хотя, честно говоря, мальчишкам они нужнее), и такую сплоченность, такое трогательное единство показывает ребятам — любю смотреть.

Не с того ль начинается Родина, что здесь, на этом поле, в этой горячей игре, мальчиш-

ка учится ощущать себя частью команды, частью целого, и понятие «мы» занимает в его сердце большее место, чем «я»? В спорте это сознание возникает, что называется, с младых ногтей.

А вместе с коллективизмом воспитывается патриотизм — он и есть коллективизм, возведенный в высочайшую степень.

Коллектив — детский в данном случае — спланируется в спорте сознанием единой цели, реальной, близкой, повседневной.

Ты учишься, ты получаешь знания, которые пригодятся тебе в будущем. Это ты, если говорить честно, до поры до времени не очень четко осознаешь. Просто пятерка радует тебя, двойка огорчает. А тренируешься ты, чтобы завтра, послезавтра, через месяц выступать в соревнованиях.

Получая двойку, ты подводишь прежде всего себя. Конечно, и класс и комсомольскую группу (или пионерский отряд). Однако коллективные итоги будут в школе подведены в конце четверти, даже года. А очередной турнир — через неделю: детский спортивный календарь обычно очень насыщен. И если ты лодырничал всю неделю, то в проигрыше не только ты сам — команда, тренер, клуб, который недосчитался очков, не получил желанный кубок.

Все мы видели картину, когда капитану команды вручается этот кубок, и он передает его стоящему рядом, тот — другому, другой — третьему, трофей переходит из рук в руки, и в этой символической эстафете знак того, что кубок — общий, один на всех, и на его завоевание потрачены усилия всех.

И еще одно обстоятельство. Спорт доброволен. Это в школу тебе обязательно ходить, даже если уж очень по утрам не хочется. А, например, в уставе барнаульской школы борьбы самбо «Спарта», о которой упоминала в своем выступлении на XVIII съезде комсомола Ирина Роднина, сказано: «Те, кому наш устав покажется чрезмерно трудным, кому с нами не по пути, пусть уйдут сразу... Лучше пусть нас останется меньше, но мы будем истинными спартацами, чем наши ряды будут иметь ржавые звенья».

Итак, юный человек приходит в спорт добровольно, принимает на себя обязательства добровольно и сознательно и вправе, вообще говоря, сознательно от них отказаться, добровольно захлопнуть за собой дверь. Но, как я уже сказал, спорт буквально с первых шагов заставляет человека ощущать ответственность перед коллективом, и уйти — значит нарушить слово, данное коллективу.

Если ты уйдешь, если бросишь команду, товарищи могут назвать тебя предателем, дезертиром. В таких суровых формулировках звучит, конечно, юношеский максимализм. Но это неплохо — уж во всяком случае, без компромиссов.

И вот сперва твой коллектив — спортшкола, за которую ты выступаешь, потом город, область, республика и, наконец, на высшей ступени, на ступени главной сборной, — страна, чья эмблема украшает твою майку.

Чувство патриотизма, которое воспитывает спорт, множит это чувство и в нас, болельщиках, и гордость за наших, которые победили в честной борьбе, есть в конце концов подлинное чувство национальной гордости.

Во время Спартакиады народов СССР пламя в чаше над Лужниками зажгли два факела. Один из них получил свой огонь от мартена в горячем цеху, другой — от Вечного огня на могиле Неизвестного солдата. Какая прекрасная символика!

А когда ты стоишь на пьедестале и в честь тебя играют гимн, то это не только в честь тебя одного, но в честь Родины, которой ты обязан всем и которой даришь свою победу.

5

На Олимпиаде в Салпоре, когда у нашего биатлониста Александра Тихонова сломалась лыжа, известный мастер из ГДР и его многолетний соперник Дитер Шпейер отдал ему свою. А ведь шла эстафета, каждая секунда была на вес золота.

Приходит на память красивый эпизод московской Универсиады: играли баскетбольные сборные Бразилии и Пуэрто-Рико, у пуэрториканцев остались на площадке четыре игрока — остальные были удалены за пять фолов, и бразильцы тоже решили играть вчетвером. Пуэрториканцев стало трое, и четвертый бразилец также добровольно отправился на скамейку.

Как это противоречит ультрашовинистическим взрывам драк на иных трибунах, дисквалификации целых стадионов за грубость по отношению к гостям — да в конце концов настоящему военному конфликту между Сальвадором и Гондурасом, вспыхнушему вследствие конфликта футбольного!

Отборочный матч чемпионата мира, игравшийся в Сан-Сальвадоре, не был окончен из-за побоища на трибунах — местные набросились на гондурасских туристов. На следующий день правительство Сальвадора в своем заявлении обвинило гостей в подстрекательстве. В ответ Гондурас стянул войска к границе Сальвадора, соперники ответили тем же, и имели место военные действия — с убитыми и ранеными.

...Однако высокий парадокс мирового спорта, очищенного от наслоений политиканства, состоит в том, что, воспламеняя бескорыстную любовь к «своим», к «нашим», к молодым людям в майках родной мне расцветки, он одновременно рождает столь же чистый восторг по поводу высшего взлета человеческих сил и духа, вопло-

щенного в рекорде, в победе, просто в неповторимом мастерстве и искусстве движения.

Ах, как любила Москва блистательного канадского фигуриста Толлера Крэнстона, как забрасывала она его букетами во время показательных выступлений, сколько писем приходило в редакции газет и на телевидение — писем, полных пылкой нежности к Крэнстону и возмущения арбитрами, которые, с точки зрения наших болельщиков, не отдавали ему должного. А в Канаде я видел, как тоже во время показательного концерта зал стоя приветствовал Ирину Моисееву и Андрея Миненкова после их «Ромео и Джульетты». Наша ложа прессы была среди мест публики — просто сектор, ничем не отделенный, и мы ловили на себе разгневанные взгляды зрителей, которым казалось, что мы холодноваты (мы и были холодноватыми — профессионально) в изъяснении чувств, и некая, помню, пожилая дама, яростно размахивая ладонями, все показывала нам, как, с ее точки зрения, надо хлопать.

Спорт роднит людей. Объединяет, а не разъединяет народы. В этом его общечеловеческое, интернациональное значение.

6

Вдумывались ли вы когда-нибудь в моральный смысл чисто спортивно-технического понятия «весовая категория»? Скажем, почему боксеру весом в 71 килограмм нельзя выйти на ринг против того, который весит 72? Или почему в тяжелой атлетике вес спортсмена 67,5 — легкий, а 68 — уже полусредний?

Сколько лишений терпят люди, словно разделенные по клеточкам заметных таблиц, как запрещают они себе лишний кусок сахара, даже хлеба, глоток воды, с каким остервенением парятся в бане, сгоняя граммы, бегают закутанные по жару, сжигая их! Из закрытых для постороннего глаза комнат, где судьи проверяют вес спортсменов, бывает, технички потом выметают вороха наскоро состриженных былых лихих кудрей: тоже ведь граммы...

Зачем это делается? Да затем, чтобы уравнивать возможности, не позволить тому, кто, скажем, крупнее и богаче мышечной массой — а живые спортивные килограммы и есть мышцы в чистом виде, — ударить, побороть, превзойти того, у кого роста и мышц поменьше.

В этом честность, благородство спорта. И крохотный Александр Воронин, поднявший в Монреале 242,5 килограмма по сумме двух движений, такой же олимпийский чемпион и герой, такой же медалью награжден, как гигант Василий Алексеев, одолевший 440 килограммов.

...В «Клятве», которую принимают, вступающая на ковер, ребята из упоминавшейся уже

А ведь все это время пловцы не просто купались (кстати говоря, даже «просто купаться» по восемь часов в день — задача для обычного человека почти невыполнимая) — они занимались самой интенсивной тренировкой, плавали почти на пределе своих возможностей.

Но такие тренировки — сегодня единственный путь для достижения по-настоящему высоких результатов. Этот мифот распространён теперь во всех видах спорта. А особенно в олимпийских видах.

Большой спорт так далеко ушел от обыкновенной физкультуры, что никаким «бегом трусцой» его уже не догнать. Но в сложившейся ситуации бег трусцой тем более необходим! Для здоровья.

Надо сказать, что соревнования Олимпиады — это всегда великолепное зрелище, где любой матч, поединок, схватка, звезд, гонка или забег похожи на захватывающий, остросюжетный спектакль, в котором взаимоотношения действующих лиц меняются почти ежесекундно, и угадать, кто же в конце концов станет главным героем, совершенно невозможно!

Но даже если в каком-то виде спорта и существует общепризнанный лидер, причем лидер явный, единственный, который сегодня по своим возможностям и

по своим результатам на голову выше других, это все равно интересно. Потому что зрители жаждут увидеть, как он победит на этот раз.

Нам всем будет интересно видеть это, хотя мы заранее можем предсказать, что почти всю долгую дистанцию знаменитый ас будет держаться где-то в середине группы бегунов, на шестых-седьмых местах. И соперники его будут бежать бок о бок, прислушиваться к дыханию фаворита, маячить перед ним, закрывать ему бровку, толкать на вираже и мгновенно отвечать на любое его ускорение. А самые молодые и горячие попробуют рвануться вперед и, подбадриваемые трибунами, даже опередят грозного чемпиона метров на двадцать.

А он все стерпит, все выдержит: и выпады соперников, и слепящее солнце, и раскаленный комок в груди, и каменную тяжесть усталых мышц, и липкий пот, застилающий глаза, — стерпит и за полтора круга до конца дистанции начнет свой знаменитый финиш, начнет абсолютно новый, почти фантастический бег, даже не бег, а полет!

Этот полет будет длиться невыносимо просторно и протяжно. В нем будет яростная легкость и победный восторг! И весь стадион встанет и задохнется в непередаваемом крике!..

Однако соревнования Олимпиады тем

и интересны, что час спустя на том же стадионе, но уже в другом финале все сложится совсем по-иному.

Другой, — кстати сказать, тоже явный и прославленный — фаворит перед главным забегом будет привычно позировать фотокорреспондентам, не обращая внимания на то, что рядом с ним, на соседней дорожке, побелел от волнения, готовится принять старт долговзый юноша, фамилию которого диктор на стадионе объявил так невнятно и так буднично, что мало кто из присутствующих эту фамилию расслышал и запомнил.

И никто, ни сам прославленный фаворит, ни другие участники финала, ни судьи, ни журналисты, ни зрители, еще и не догадывается, что буквально через минуту эту «незапомнившуюся» фамилию расшумят все! Потому что она прозвучит над стадионным громко, гулко и торжественно. А через несколько часов фотографии долгового пареня будут напечатаны во всех газетах мира. И сам он будет стоять на верхней ступеньке пьедестала почета — взъерошенный, растерянный, оглушенный. И когда зазвучит гимн, он на миг зажмурит глаза, а потом улыбнется, да так счастливо и беззаботно, как умеют улыбаться лишь очень маленькие дети!..

А рядом с новым олимпийским чемпи-

оном, на второй ступеньке пьедестала, будет стоять недавний соперник, бывший фаворит, прославленный и знаменитый рекордсмен. У него хватит мужества первым поздравить победителя и почти ничем не выдать своего огорчения. Однако вечером, на пресс-конференции, он, явно не справившись со своими нервами, вдруг заявит, что выиграть ему сегодня помешал не соперник, а «неожиданный порыв встречного ветра...».

Выслушав это заявление, журналисты только переглянутся и пожмут плечами, ибо давно уже доказано: ветер, снег, дождь, град и прочие погодные неприятности почему-то особенно сильно мешают тем, кто проиграл. А на победителей вышеозначенные атмосферные явления действуют как-то меньше...

Олимпиада-80 отфиниширует, отступит, отволнуется, оттеревивает, а потом, завершив свою программу, отбудет из Москвы.

Она станет страничкой истории, а ее горячие и увлекательные спортивные сражения станут фактом взаимопонимания, фактом содружества миролюбивых людей Земли.

Но и закончившись, Олимпиада останется в нашей памяти и в нашем сердце. Останется навсегда.

мною барнаульской школы самбо «Спарта», говорится: «Кляну... вне ковра применить приемы самбо с целью самозащиты, защиты слабого, защиты справедливости». Есть у «спартацев» гимн, в их удостоверении (с синей обложкой — рядового, с красной — члена совета), в частности, сказано: «Умешь сам — научи другого. Помогай своим товарищам, не тай от них секретов. Выручка, взаимовыручка, поддержка!»

Спартацы не только учатся бороться. Они в летних походах изучают родной край, проводят всяческие интересные конкурсы — литературные, исторические...

И вот был в свое время среди тренеров «Спарты» один умелый и опытный, но решительно не приглянувшийся всего этого «лишнего». Он рассуждал так: «Мы растим мастеров, нам необходимы их сила, смелость, дерзость, агрессивность, воля, способная подавить волю противника. В ком яче проявляются эти качества? В драчунах, сорванцах, уличных атаманах. Клятвы, советы, походы, самодеятельность всякая, стишки, рисунки и прочие детские игры только отвлекают от главного дела, для которого нужны первозданная дикость и владение приемами».

Он так и работал, уверенный в своей правоте, и он потерпел поражение. Лишенные сдерживающих барьеров, моральных устоев, его «атаман» лихо применяли то, чему он их учил в зале, за стенами зала — на улице. И в конце концов многие из них оказались за решеткой. Вокруг этого тренера создался в «Спарте» вакуум, он потерпел крах и ушел из коллектива.

В этом эпизоде впрямую сталкиваются два подхода к спортивному воспитанию — гуманистический и узкопрагматический, дедаческий. Прагматизм как житейская философия расценивает пользу лишь в качестве выгоды: если цель обучения есть подготовка квалифицированного спортсмена, а квалификация представляет собой лишь сумму навыков — физических и психических, нужных для достижения успеха в данном виде спорта, то воспитание благородства, уважения к человеческому достоинству соперника, дружелюбия к нему, стремления не обидеть слабого, а, наоборот, защитить его — пустая трата времени.

Спортивное мастерство как сумма навыков — форма. Вопрос, чем она заполнена, каким моральным содержанием. Мастерством может обладать и сильный, волевой борец за наши высокие идеалы и сильный, волевой негодяй.

Но спорт больше, чем сумма навыков. Он включает в себя сумму писанных и неписанных правил. Да и сами правила писанные, если их рассматривать в единстве, все нацелены на то, чтобы победа завоевывалась честно, в условиях равенства и дружелюбия.

Нравственный кодекс спорта по сердцу нам, по душе: он нацелен на воспитание гуманистических идеалов.

7

До чего же он обаятелен, этот тренер, — глаза синие, лукавые, ямочки на румяных щеках, волготная пшеничная шевелюра и жесткие усы торчком, как колосья.

— Опять ты у меня, понимаешь, в строю вертишься, опять в одно ухо влетело, что я говорил, в другое вылетело? Назначим ему наказание? Назначим. Десять раз подтянуться на перекладине! А ну, все считаем хором — ра-аз, два-а...

Тот, другой тренер не был таким веселчаком и обаяшкой — очкастый, погруженный в себя, похожий на аспиранта-физика из кино. В разговоре пришло к слову, и я ему рассказал о веселых наказаниях, применяемых коллегой. Он внезапно возмутился.

— Разве так можно? Подтягиваться на перекладине — это труд. Спортивный труд. Если он наказание, он не может быть в охоту. Так же аппетит к труду отбивается.

И я подумал, что он, конечно, прав. И вспомнил, что в зале спортивной школы знаменитого гимнаста Гранта Шагиняна ребята за нарушения дисциплины наказывались именно бездельем: стой у стены и смотри, как другие работают именно, скажем, на перекладине.

Не станем золотить пылюю. Тренировки, конечно же, не сладкое блюдо, но черный хлеб и соль, как говорила Ирина Роднина. Соль трудового поща.

Ну, для ребятишек такую нудную работу надо елико возможно разнообразить, перемежать играми — давать им пошалить, побегать, покривать, и снова за дело — за повторы и повторы.

Но вот приходят в зал взрослые, самостоятельные люди. После работы приходят — и не только умственной, после которой хочется размять мускулы. Приходят шахтеры, каменщики...

Неужто же не хочется им вечером просто-напросто побродить, дыша свежим воздухом (а в зале бывает и душно, и стоит здесь, как ни проветривай, застарелый запах разгоряченных тел), или полежать на диване, глядя телевизор?

Привычно говорим в этих случаях о пользе физических упражнений. О том, что физкультурники меньше болеют, а следовательно, не страдает от их заблаговременности производственный процесс. О том, что они становятся ловчей и поворотливой, а значит, лучше работают... И так далее и тому подобное. Соображения все эти правильные, выведены экономистами и социологами.

Но ведь едим мы в охотку не потому

прежде всего, что поглощаем необходимые витамины, а потому, что хотим есть...

В Нерюнгри, столице якутского участка БАМа, руководит промышленно-транспортным отделом горкома КПСС Анатолий Акимович Лукьянчиков, знаменитый строитель, кавалер ордена Ленина. В недавнем прошлом он начальник мехколонны № 158, работающей в Золотинке.

Началось здесь для него все с того, что в Тынде, в тресте, ему дали номер колонны, а больше ничего — техника еще не прибыла, людей надо было набирать самолично. Он отправился на вокзал, а там по лакам обросшая, обтерханная публика — «бичи».

— Есть шоферы? Предлагаю работу. Тяжелую. Жилье будем строить для себя сами, а спать в кабинках — пока не построимся.

Пауза, а потом один за другим потянулись к нему засаленные паспорта.

Чем он проныл их, видавших виды? Полной ли откровенностью слов или внушительной внешностью, излучавшей абсолютную уверенность в будущем мехколонны 158?

Вкалывали, как он вспоминает, на совесть. Два часа до смены — на «соцкультбыт», потом — по машинам. На третий день сделали волейбольную площадку.

Среди первых строительных объектов была хоккейная коробка, потом — спортивный комплекс. На Лукьянчикова даже писали жалобу, что он расходует государственные средства не по назначению, приезжали комиссии, собирали собрания, говорили с народом, но народ здешний Лукьянчикова отстоял.

Мехколонна стала передовой. В людях недостатка не было. Наоборот, тех, кто уходил, потом решал вернуться, категорически не брали назад. Одно из бывшего «бича» потянуло в прежние странствия, но вскоре он опять возник в Золотинке, «нет» — сказал ему Лукьянчиков, и еще раз — «нет», и еще, но он целыми днями просиживал у кабинета, бродил по стройке и только через два месяца тронул людей: о нем попросили.

Что же за чудодейственное средство — спорт, что за панацея — от всех зол и бед? Ведь Анатолий Акимович всерьез убежден, что именно спорт помог создать коллектив колонны 158.

Для колонны первая простенькая волейбольная площадка стала клубом, где собирались по вечерам, теснились, зашатавали прочерченные мелом линии, весело объединялись в команды, играли «навзлет», покрикивая на ошибающихся — вне зависимости от того, бульдозерист ли под руку попался, прораб или сам начальник: демократия здесь царил полная, а героями были те, кто блеснет ударом, пасом или подачей...

Будет в свое время в Золотинке настоящий клуб, как принято писать, «из стекла и бетона», сюда станут приходить принаряженными, слушать лекции и концерты, смотреть кино, угощать девушек пирожными в буфете.

Но клуб на волейбольном пятачке, он останется в памяти, потому что он связал малознакомых на первых порах людей, дал всем вместе пошуметь, весело расковаться. Как в детстве.

Построили комплекс, стали сколачивать секции. Электрик Окунев Виталий Дмитриевич, мастер спорта по штанге, написал объявление, что будет тренировать желающих. И к нему начали приходить молодые ребята, и он их научил взваливать тяжеленные железки на грудь, подсесть, взбрасывать кверху. Они предавались этому мужскому занятию, любуясь круглеющими и каменеющими мускулами, уважая в себе и друг в друге силу, которую копили, не транжири, не пропивая, и была в этом занятии истовость детской игры.

Так же истово цокали другие в коридоре шариком для пинг-понга, в зале постукивали баскетбольным мячом.

Мы начинаем стареть в миг, когда в нас умирает детство. Спорт хранит нас от душевной старости. Потому-то, даже если человек целый день по обязанности ворочал железо, ему не тяжело вечером возиться со штангой.

Это другое дело — игра.

Да, игра. Несерьезное вроде бы дело. На семь метров прыгнешь или одним сантиметром дальше, сто килограммов поднимешь или сто два и пять десятых, обгоняешь или тебя обгонят...

Видимых материальных ценностей не прибавит от этих детских забав в мире, погруженном в тяжкие взрослые дела, терзаемом противоречиями, обгаренным кровью.

Все так, но не забудем: в детстве игра — школа жизни. Спорт сохраняет это качество навсегда.

Человечество за свою историю очень хорошо научилось производить материальные ценности, духовные даются ему с куда большим трудом.

А несерьезное дело, развлечение для детей и взрослых, великая Игра человечества в «кто быстрее и кто сильнее», она, если взглянуть, как раз и учит прежде всего мужеству и благородству, новаторству, оптимизму, гуманности, патриотизму и интернационализму — качествам, значение которых непреходяще.

Вершина мирового спорта — Олимпиада, потому она нужна нам, потому мы ее так ждали, и вот — дождался.

МОСКВА ВСТРЕЧАЕТ ПРАЗДНИК

В. А. АНИСИМОВ,
начальник Главмосолимпиады

ХЛЕБ ДА СОЛЬ!

И вот, наконец, наступает время олимпийского «урожая». Имеются в виду не созвездия сверкающих медалей благородной пробы, которыми увенчают победителей. И не впечатляющие цифры «голов, очков, секунд», о которых еще долго будут спорить спортивные специалисты. И не мгновения мужества и грации, которые навсегда запомнятся истинным любителям спорта. Все это те самые «цыплята, которых по осени считают». Мы же хотели бы рассказать здесь о некоторых итогах огромной подготовительной работы, проделанной хозяевами Игр XXII Олимпиады. Достоинно, с чувством выполненного долга, с радушной улыбкой, хлебом-солью встречают Москва и москвичи, а вместе с ними вся страна и весь советский народ гостей и участников Олимпиады-80. Много сил и старания, организационного таланта и творческих исканий было отдано для того, чтобы олимпийские соревнования могли пройти в самых благоприятных условиях. Принимая у себя в доме «олимпийскую семью», хозяева нынешних Игр позаботились и о благе семьи своей собственной — многомиллионной армии спортсменов и физкультурников, всех москвичей, любящих спорт, и жителей других олимпийских городов нашей страны. Гигантская подготовительная деятельность с самого начала осуществлялась в соответствии с духом и буквой Олимпийской хартии. Но организаторы Олимпиады-80 поставили перед собою задачу более масштабную, нежели просто создать условия для этих соревнований. По замыслу, теперь уже успешно реализованному, суть подготовки к Московским Играм состояла в том, чтобы дать новый толчок для дальнейшего развития в нашей стране спорта, дарящего молодежи физическую и нравственную силу. Рассказать обо всех без исключения сторонах подготовительной деятельности попросту невозможно, даже в рамках целой журнальной книжки, посвященной Играм XXII Олимпиады. Но о главных направлениях этой работы их руководители рассказывают по просьбе наших корреспондентов на страницах этого номера «Смены».

Город, где проходят Игры, его своеобразие, атмосфера, царящая на улицах, весь гигантский фон, окружающий всемирный праздник спорта, — вот что придает, на мой взгляд, индивидуальность и непохожесть каждой из Олимпиад. И разве были бы мы ревнителями замечательных традиций московского гостеприимства, патриотами своей прекрасной столицы, если бы заранее не подумали о том, как и чем сможем встретить тысячи гостей олимпийским летом.

В 1976 году при Мосгорисполкоме было создано Главное управление по подготовке города Москвы к проведению XXII Олимпийских игр (Главмосолимпиада). На наш главк была возложена ответственная и сложная задача организовывать и координировать действия всех подразделений Мосгорисполкома, включившихся в эту работу, осуществлять контроль за проектированием, строительством и реконструкцией спортивных сооружений, Олимпийской деревни, гостиниц, студенческих общежитий, предприятий транспорта и связи, торговли и общественного питания, учреждений культурно-бытового и медицинского назначения.

Дело это огромной трудности, и за то, что мы с ним справились, следует благодарить в первую очередь миллионы москвичей. Жители Ленинского района столицы выступили с инициативой: отработать каждому по четыре дня на строительстве олимпийских объектов и благоустройстве улиц и дворов. Население Дзержинского района объявило всестороннее шефство над сооружениями Олимпиады-80. Эти и другие подобные им благородные начинания обрели в Москве за последнее время значительный масштаб. Причем главной здесь была не просто любовь к спорту, хотя москвичи знают толк в физической культуре и уважают спорт (приятно сознавать, что я тоже разделяю это пристрастие — смолоду увлекаюсь хоккеем и по сей день возглавляю Федерацию хоккея Москвы, занимался пулевой стрельбой из винтовки и выполнил норматив кандидата в мастера спорта). И все же я думаю, что основным мотивом такого общегородского энтузиазма явилось именно желание не ударить в грязь лицом, принимая в своем доме гостей со всего света.

Самой острой проблемой подготовки к Играм стало олимпийское строительство. Здесь Главмосолимпиада выступала

НОВЫЙ АЭРОПОРТ «ШЕРЕМЕТЬЕВО-2».

ОЛИМПИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ — СОЛНЕЧНЫЕ КВАРТАЛЫ.

в качестве не только организатора, но и заказчика важнейших строек. Мы взяли на себя заботу о создании фронта работ для строителей. Так, чтобы высвободить необходимые площади, потребовалось пустить «под нож» бульдозера сотни ветхих строений, гаражей индивидуального пользования, которые вовсе не украшали город, переселить в новые дома свыше 13 тысяч москвичей и перевести в другие помещения 125 предприятий и учреждений.

Фронт работ для строителей — это и 200 с лишним новых видов железобетонных и металлических конструкций, производство которых в сжатые сроки освоили московские предприятия. Индустрия столицы начала изготавливать санитарные кабины повышенной комфортабельности, металлические каркасы из тонкостенного стального листа, холодногнутые профили из оцинкованной ленты, самонарезающиеся винты и многое другое, что называется, быть может, скучными словами, но для строителей, а значит, и для олимпийцев, совершенно необходимо.

Фронт работ — это и сами строители, люди, умеющие быстро и качественно делать чрезвычайно сложное дело. И без того немалая армия московских строителей при нашем содействии пополнилась 16 тысячами молодых рабочих, направленных на олимпийские объекты по путевкам комсо-

мола, 14 тысячами выпускников профтехучилищ, 6 тысячами производственников с предприятий столицы и почти 9 тысячами специалистов-отделочников из союзных республик.

Но мы, повторяю, видели смысл своей деятельности не только в том, чтобы создать соответствующие положениям Олимпийской хартии условия для проведения соревнований. Гостей ведь надо еще и поселить по-человечески, накормить, обеспечить их культурные, бытовые, медицинские нужды и вообще сделать так, чтобы им у нас в городе было хорошо. А «хорошо» — это в такой ситуации понятие необычайно емкое.

Начнем с «ворот столицы». В преддверии Олимпиады-80 вступил в строй новый современный аэропорт «Шереметьево-2», способный пропускать за час до 2100 пассажиров, были реконструированы или обновлены и все остальные аэро-, железнодорожные и речные вокзалы.

Затем жилье. Известно, что к открытию Игр было сооружено много новых гостиниц и гостиничных комплексов, в их числе Олимпийская деревня, которую зарубежные эксперты признали лучшей за всю историю современного олимпийского движения. Но и этого количества помещений, по нашим расчетам, оказывалось недостаточно. Вот почему было принято решение использовать свыше 100 лучших студенческих общежитий столицы, поскольку их обычные жильцы

АВТОПОЕЗД ДЛЯ ОЛИМПИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ.

В ТАКИХ КОМНАТАХ БУДУТ ЖИТЬ ОЛИМПИЙЦЫ.

ДОМ ТУРИСТА НА ЛЕНИНСКОМ ПРОСПЕКТЕ.

Москва в эти дни удивительно похорошела. Можно сказать, предположим, сколько тысяч деревьев и кустов высажено на бульварах и скверах, сколько миллионов цветов распустилось на клумбах и в розариях, нетрудно привести и другие данные, описывающие, к примеру, оформление города, детали и подробности его праздничного наряда. Но как подсчитать улыбки на лицах? В какие цифры уместить готовность любого прохожего показать дорогу приезжему, посоветовать гостю, что стоит посмотреть в первую очередь? Я не сторонник рекордов в области человеческих отношений, тут все так трудно исчислимо. И все же думаю, что главным рекордом Олимпиады-80 станет высочайший уровень радушия жителей нашей столицы — достойный, без пресловутой «девяноушной ухи», но и без малейших признаков равнодушия к человеку, который с добром пришел к нам в дом.

М. В. ПОСОХИН,
главный архитектор города Москвы, лауреат Ленинской и Государственной премий, народный архитектор СССР

СПОРТИВНЫЙ СИЛУЭТ СТОЛИЦЫ

Неведомые прежде ни нашему городу, ни всей стране масштабы спортивного праздника, каким станет Олимпиада-80, заставили московских зодчих самым серьезным образом изучить опыт наших предшественников. Исследовать и по долгу и глубоко размышлении отказаться от тех принципов, которые закладывались ранее в олимпийское строительство и которые не соответствуют нашим взглядам и задачам. Например, в Мюнхене, где проводились Игры 1972 года, было принято решение объединить основную массу олимпийских сооружений в единый комплекс. Польза и удобство такого варианта очевидны — расстояния между олимпийскими стадионами и иными объектами настолько малы, что практически не требуют строительства транспортных артерий, кроме подъездных путей.

И тем не менее мы на это не пошли. Дело в том, что Москва вот уже почти десятилетие развивается по новому Генеральному плану. Эта программа рассчитана на формирование города гармоничного и полицентрического (то есть разбитого на самостоятельные зоны со своими жилыми кварталами, общественными, спортивными и культурными центрами и

вообще всем, что нужно для нормальной жизни человека). Прогресс жилищного строительства в нашей столице известен всем, а вот в некоторых сооружениях, например, спортивных, ощущалась до последнего времени нехватка. И приближение Олимпиады-80 ничего принципиально не изменило в нашей градостроительной программе, а лишь ускорило возведение прежде запланированных стадионов и дворцов спорта.

Исходя из этой точки зрения, архитекторы предложили такую схему размещения олимпийских объектов, при которой москвичам в дальнейшем было бы не очень далеко добираться до своего, привычного, можно сказать, районного стадиона, а олимпийцы смогли бы доехать до места соревнований за считанные минуты по реконструированным или специально проложенным трассам. Выполняя сегодняшнюю градостроительную задачу, нужно думать о будущем, и это всегда оправдывает себя во всех отношениях.

Вот почему олимпийское проектирование и строительство приобрело, я бы сказал, фундаментальный характер, что потребовало от нас поисков серьезных, глубоко и всесторонне обоснованных решений. Мы не могли себе позволить в своем неизбежном стремлении к остроумным, ярким, зрительно выигрышным проектным находкам начать строить довольно бессмысленные сооружения, как попытались хозяева предыдущих Игр в Монреале (впрочем, и они вынуждены были оставить некоторые из этих затей нереализованными). Оригинальность, а не оригинальничанье — вот девиз олимпийского строительства в Москве.

Еще в 1975 году состоялся конкурс, в ходе которого определились основные конструкции перекрытий спортивных сооружений, которые обеспечивали бы простоту изготовления и монтажа, а вместе с тем и формирование ярких архитектурных образов. Основной такой конструкцией стала мембрана из сварной рулонной стали толщиной 4—5 миллиметров, которая была использована для изготовления крыши стадиона «Олимпийский» и расположенного рядом бассейна, велотрека в Крылатском и спортивного зала в Измайлово. Подготовка к Олимпиаде-80 вызвала к жизни и другие весьма перспективные новшества в строительстве, например, блитчера на воздушной подушке, то есть передвижные секции зрительских мест, благодаря которым можно в кратчайшие сроки увеличить или уменьшить размер спортивной площадки в залах и количестве мест для зрителей. Интересные инженерные идеи заложены в устройство акустической перегородки в крытом стадионе «Олимпийский» на проспекте Мира. Она по характеру, размеру и исполнению универсальна. Проект ее разрабатывался совместно с инженером Г. С. Хромовым, а изготовлялась она машиностроительным заводом «Знамя труда» и институтом ВНИИМетмаш.

Этот дворец стал крупнейшим в Европе закрытым стадионом, что таит в себе и понятное преимущество и потенциальные трудности. Когда Игры уйдут в прошлое, эффективно использовать такое пространство будет нелегко, а если поделить его пополам, то применение зала станет гораздо универсальнее. Вот почему авторской группе, которой мне довелось руководить, пришлось разработать систему, позволяющую очень быстро поставить или убрать перегородку, которая делает и невидимым и неслышим происходящее в разных половинах дворца. Трансформацию зала выполняют мощные механизмы, они без особого труда достают из специальных сейфов большие металлические секции и соединяют их между собой. Нечто подобное предусмотрено и в универсальном спортивном зале «Дружба» в Лужниках — там фойе и гардеробы второго этажа превращаются при необходимости в четыре тренировочные площадки.

Хотя читателям уже хорошо известны наиболее значительные олимпийские сооружения, я хотел бы кратко охарактеризовать основные спортивные зоны, сложившиеся в Москве в ходе подготовки к Играм XXII Олимпиады. Но прежде две цифры: 76 олимпийских объектов возведено за минувшее пятилетие в Москве, в результате болельщиков Олимпиады-80 ожидает около 350 тысяч посадочных мест.

Центральная зона — комплекс стадиона имени В. И. Ленина. Здесь на Большой спортивной арене были заменены

разъехались по домам на летние каникулы. Словом, можно сказать с уверенностью, что всем без исключения приедем в эти дни обеспечена не просто крыша над головой, но удобное, просторное и красивое жилье.

Важная сторона дела — хлебосольство, которым истари славилась наша столица. Дополнительно к существовавшей прежде разветвленной сети общественного питания было открыто 30 постоянных кафе, ресторанов, столовых да плюс сооружено 65 временных летних столовых на 25 тысяч посадочных мест, да плюс отремонтировано 17 студенческих столовых на 8 тысяч мест. За этим гигантским столом мы сможем накормить всех гостей города и сделать это быстро и радушно, вкусно и сытно. В меню включены традиционные европейские блюда, национальные русские кушанья и наиболее популярные «произведения» кухонь народов СССР. Можно не сомневаться, что самые бывалые гурманы не будут разочарованы гостеприимством нашего города, как это случилось на предыдущих Играх, где даже олимпийцы, чуть-чуть опоздав на ужин, рисковали остаться голодными...

Многое сделано и по части торговли. Распахнули двери 32 новых магазина. Улицы Москвы украсили сотни новых нарядных киосков, на прилавках которых — мороженое, прохладительные напитки, табачные изделия, периодические издания. Позаботились мы и о справочной службе — 200 таксофонов дают любому желающему информацию на пяти языках. Кстати, москвичи вообще многое сделали для преодоления языкового барьера: помимо специальной службы переводчиков, владеющих 45 языками, в этой роли готовы выступить продавцы и официанты, горничные и шоферы.

А. П. НОЗДРЯКОВ,
генерал-майор милиции, начальник
Управления ГАИ ГУВД Исполкома
Моссовета

«ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА»

Спортсмены, журналисты, спортивные специалисты, побывавшие на зимней Олимпиаде в Лейк-Плэсиде, отмечают чрезвычайно слабую организацию работы транспорта на этих состязаниях. В олимпийской Москве, можно это утверждать с уверенностью, будут приложены все возможные усилия, чтобы избежать автомобильных «пробок», срывов графика движения общественного транспорта, других подобных неприятностей.

На первый взгляд у скептиков есть основание сомневаться в безукоризненной работе транспорта в условиях большого города, куда внезапно хлынет миллионная волна туристов, в том числе и на автомобилях. К тому же олимпийские объекты строились в Москве с некоторым удалением друг от друга, подчиняясь Генеральному плану строительства и реконструк-

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СПОРТИВНЫЙ ЗАЛ «ДРУЖБА».

ОЛИМПИЙСКИЙ ЦЕНТР ПАРУСНОГО СПОРТА В ТАЛЛИНЕ.

конструкции трибун и сиденья, реконструированы подтрибунные помещения, заменено тартановое покрытие поля, установлены осветительные мачты для более мощных, чем прежде, прожекторных батарей. Малая спортивная арена превращена в крытый зал. Пережил вторую молодость плавательный бассейн. И, наконец, поблизости вырос необычной формы зал «Дружба», напоминающий благодаря своей конструкции морскую звезду.

Северная зона — связанные в единый комплекс крытый стадион «Олимпийский» и бассейн для соревнований по плаванию и прыжкам в воду. Этот совершенно новый спортивный центр, возникший между проспектом Мира и площадью Коммуны, легко доступен большинству москвичей благодаря тому, что расположен практически в центре города и вблизи от нескольких станций метро.

Северо-западная зона — реконструированные комплекс ЦСКА, стадионы «Динамо» и «Юных пионеров» и вновь построенные спортивный зал «Динамо» и большой футбольно-легкоатлетический манеж ЦСКА. Восточная зона — присоединившийся к ансамблю Государственного института физкультуры новый универсальный спортивный зал. Юго-западная зона — выросшая в Битцевском лесопарке уникальная конноспортивная база, включающая в себя открытый стадион для конных состязаний, крытый манеж, конюшни, маленькую гостиницу.

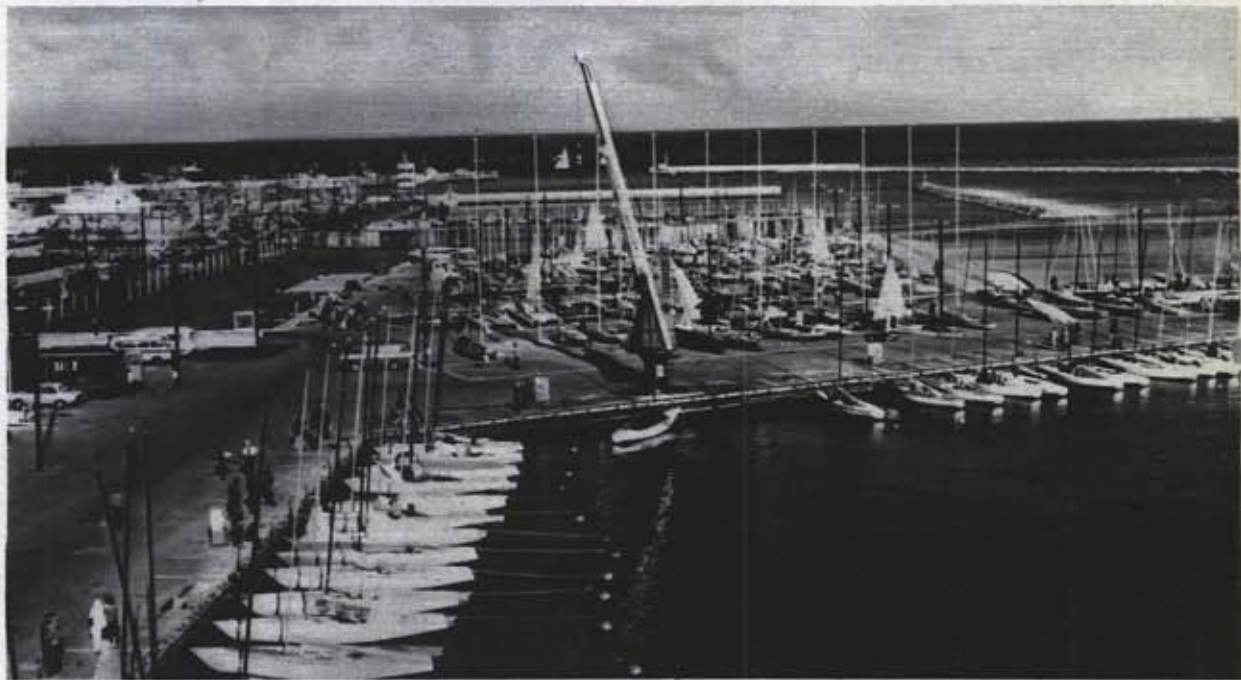
Спортивная зона в Крылатском — к гребному каналу, пережившему реконструкцию, здесь прибавились оригинальной архитектуры крытый велотрек, ездоев полотно которого длиной в 333,3 метра покрыто знаменитой сибирской лиственницей, новая кольцевая велотрасса, поля для стрельбы из лука. И все это весьма удачно вписалось в Татаровскую пойму Москвы-реки.

Особое место в ряду олимпийских строек столицы занимает Олимпийская деревня, которая сейчас уже заселяется спортсменами. Это чрезвычайно интересный, глубоко продуманный комплекс, своего рода современный городок в миниатюре площадью 100 гектаров, выросший в одном из красивейших районов Москвы. Можно понять радость тех 14 с половиной тысяч москвичей, которые получат здесь квартиры после завершения Игр. Стоит отметить интересный проект благоустройства этого района, по которому здесь сооружен каскад искусственных водоемов, наполненных водами двух маленьких здешних речушек, разнообразные цветники, фонтаны, террасы площадей, пляжи. Вполне уместной здесь стала «архитектура малых форм», пространство украшают и произведений скульптуры.

Москва в дни Олимпиады-80 станет еще наряднее, чем всегда, для чего проведены большие работы по озеленению и праздничному оформлению столицы (последнее будет к тому же служить красноречивой и броской информацией о нашем городе, доступной иностранцам не меньше, чем москвичам).

Можно было бы еще долго рассказывать о зданиях, возведенных по олимпийской программе, стоит хотя бы упомянуть Главный пресс-центр, весьма тактично включенный в заповедный архитектурный ансамбль и расположенный рядом с ценным памятником архитектуры, так называемыми Интендантскими складами, но важнее все-таки сказать о другом.

Олимпийское строительство при всей его объемности и сложности наглядно продемонстрировало не только высокий профессионализм строителей и одаренность архитекторов, но и очевидные преимущества социалистического строя, который благодаря своей целеустремленной плановой основе способен успешно решать проблемы практически любого масштаба. Советские люди не пожалели сил и стараний для выполнения обязательств своей столицы перед международным олимпийским движением — в этом теперь уже не может быть сомнений. Но еще большего эффекта, несомненно, достигнет олимпийское строительство в деле приобщения молодых поколений страны к спорту и физической культуре. Мы строили на совесть, а значит, не только для сегодняшних участников Олимпийских игр, но и для олимпийцев будущего. И, разумеется, для всех москвичей...

ции столицы, заглядывающему в XXI век. На пути от одного спортивного комплекса к другому — оживленные магистрали, где в часы «пик» интенсивность транспортных потоков нередко превышает 10 тысяч автомашин в час. Город не может включить «красный светофор» перед целым отрядом грузовых и легковых машин, удовлетворяющих его жизненные потребности...

Но если так, что же дает основания утверждать, что Игры в Москве станут образцом транспортного комфорта?

Немного о московской уличной «географии». Олимпийские трассы, то есть те, магистрали и улицы, которые соединят места спортивных соревнований, проживания и отдыха «олимпийской семьи» и туристов, протянутся примерно на 400 километров. За последнее время проделана большая работа по реконструкции и совершенствованию организации движения на этих улицах. Расширились такие знаменитые магистрали, как Садовое кольцо, Ленинградский проспект. От Олимпийской деревни, выстроенной на бывшей окраине города, беспрепятственно и быстро можно проехать в центр по просторным Мичуринскому, Университетскому, Ленинскому и Комсомольскому проспектам. Целые кварталы деревянных домов и кривых улочек уступили место спортивным сооружениям и прямому, как стрела, Олимпийскому проспекту — магистрали, ведущей от Садового кольца к гостиничным комплексам ВДНХ СССР, телерадиоцентра в Останкине. На олимпийских трассах — около 400 перекрестков, регулируемых светофорами, по принципу «зеленой волны», задается безопасная равномерная скорость, а частично движением здесь управляют электроника и счетно-решающие устройства. На пути олимпийских автомашин — 60 транспортных развязок, мостов и путепроводов, исключаящих пересечение транспортных потоков. Разминуться водителям и пешеходам помогут свыше 150 пешеходных подземных тоннелей. Наконец, огромное значение в преддверии Игр столица придавала уличной информации. Наряду со светофорами обновлены и установлены впервые современные уличные указатели, дорожные знаки, светящиеся в сумерках, среди них есть и пиктограммы с олимпийской символикой.

Чтобы создать необходимый комфорт для олимпийского транспорта и обеспечить в дни Игр безопасность движения, Исполком Моссовета с одобрения всех москвичей пошел на некоторые ограничительные меры в отношении движения

автотранспорта по Москве на период с 10 июля по 5 августа. На это время вводится пропускной режим для въезда в Москву иногородних автомобилей, а на олимпийских магистралях — и для московских автомашин.

Госавтоинспекция развернула широкую подготовку к Олимпиаде в самых разных направлениях. Вступило в строй два больших подразделения, которые несут службу в олимпийском городе на патрульных машинах и мотоциклах. Создано вертолетное подразделение для контроля за движением по кольцевой автостраде вокруг города. Но это лишь одна сторона работы. Другая — в автохозяйствах и первичных организациях ВДОАМ, где усиленно повышается квалификация водителей, среди них пропагандируется лучший опыт безаварийного движения автомобиля, нормы этики участия в движении. Пресса, телевидение и радио, средства наглядной агитации широко используются в этих целях. За плечами у москвичей — богатый опыт прошлогодней VII летней Спартакиады народов СССР, во время которой благодаря продуманным мерам число дорожных происшествий уменьшилось, а порядок на улицах был признан весьма высоким.

К слову сказать, ни повышенная требовательность Госавтоинспекции к техническому состоянию и опрятности автомобилей, к соблюдению правил дорожного движения, ни олимпийские транспортные ограничения не причинят ущерба москвичам. Ведь ставят же свои машины «на прикол» в зимние месяцы многие автолюбители — и не испытывают особых мучений. В известных случаях мы сделали исключения: беспрепятственно смогут следовать по Москве в дни Игр

и машины аварийных служб, дипломатический транспорт, и автомобили с ручным управлением, принадлежащие инвалидам войны и труда. Предусмотрены объездные маршруты мимо олимпийских трасс для тех, чьи поездки по городу связаны с экстренной необходимостью. И еще одна важная деталь: внутригородские ограничения движения транспорта будут действовать лишь в период с 8 до 21 часа.

Ко многому обязывает москвичей высокий долг хозяев Олимпийских игр. И прежде всего, как мы понимаем это, к гостеприимству, к проявлению лучших качеств советского человека, таких, как высокая моральная ответственность, доброжелательность, вежливость и дисциплинированность. Нет сомнений, что именно эти качества определят в дни Олимпиады климат взаимоотношений хозяев и гостей Игр — водителей, пассажиров и пешеходов.

В. И. МИТРОШИН, начальник управления транспорта Орг- комитета «Олимпиада-80»

ОЛИМПИАДА НА КОЛЕСАХ

Олимпийский автотранспортный парк — это большое хозяйство. 1500 новеньких «Волг» доставили в Москву для обслуживания Игр прямо с конвейера Горьковского автозавода, 550 автобусов выпустил Львовский автобусный завод, да еще сотни юрких «рафиков» прибыли из Риги. Впрочем, ничем особенным, кроме олимпийской символики на бортах и некоторых деталей кузова, эти машины не отличаются.

Гораздо интереснее автомобили спортивно-технологические, хоть их и будет использовано гораздо меньше. Прежде всего о моделях, созданных официальным поставщиком микроавтобусов Олимпиады-80 — рижским заводом РАФ. Некоторые из автомобилей с этой маркой впервые разработаны в нашей стране и по своим техническим характеристикам не имеют аналогов за рубежом.

Самая торжественная миссия выпала на долю машины «РАФ-2907», предназначенной для перевозки Олимпийского огня. Хотя конструкция олимпийского факела и признана

ПЛАВАТЕЛЬНЫЙ БАССЕЙН ЦЕНТРАЛЬНОГО СТАДИОНА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА.

чрезвычайно надежной, все же понадобились и эти автомобили — с тем чтобы напрочь исключить любую случайность, скажем, ураганный порыв ветра, который может погасить огонь. Для этого в машине предусмотрен специальный отсек, где будут постоянно храниться четыре лампы с запасным Олимпийским огнем. В салоне созданы условия для нормальной работы специалистов, сопровождающих эстафету длиной в 5 тысяч километров, и место для сменного водителя. Конструкторы учли и то обстоятельство, что машина будет двигаться со скоростью бегуна-факелоносца — 12—15 километров в час, возможно, в жару, на отдельных участках — по горам. Внесены изменения в систему охлаждения двигателя, чтобы избежать его перегрева. Ну и, разумеется, «огненный» «РАФ» празднично оформлен.

Другой представитель этого автосемейства предназначен для оперативного руководства состязаниями — здесь в салоне установлены цветной телевизор, пишущая машинка, радиоприемник и радиотелефон, что обеспечит надежную связь, штабную работу на полном ходу, возможность в пути следить за соревнованиями. В микроавтобусе для спортивных судей предусмотрены магнитофон и секундомеры, пульт управления специальным табло, установленным на крыше, благодаря чему можно будет сообщать зрителям и спортсменам время старта, результат лидера и точное время суток. Другой вариант судейского «рафика» — впервые созданный в Советском Союзе электробус «РАФ-2911», который станут использовать на дистанциях марафонского бега и спортивной ходьбы. Замысел ясен и благороден — не отравлять легкие спортсменов и вместе с тем находиться максимально близко к ним.

Также впервые в СССР создана машина для технической помощи велосипедистам, которая позволяет ремонтировать велосипеды во время движения автомобиля, и специальный автопоезд, который уже сейчас бежит по улицам Олимпийской деревни. Конструкторы позаботились не только о том,

ФУТБОЛЬНО-ЛЕГКОАТЛЕТИЧЕСКИЙ МАНЕЖ ЦСКА.

ГРЕБНОЙ КАНАЛ В КРЫЛАТСКОМ.

к лошадям, чтобы успокоить или накормить их. Над крышей кабины водителя предусмотрен отсек, куда помещается до 300 килограммов сена. Короче говоря, лошади будут путешествовать с таким комфортом, который позволяет задуматься о благодарности человечества к этому безотказному и многие века незаменимому транспортному средству...

Все специальные автомобили, созданные для Игр XXII Олимпиады, успешно прошли ходовые и иные испытания, а многие уже заслужили высокую оценку не только специалистов, но спортсменов-олимпийцев.

А. А. ВДОВИН,
главный конструктор АСУ «Олимпиада», директор Московского научно-исследовательского и проектного института систем сетевого планирования и управления промышленностью Минприбора СССР, кандидат технических наук

50 СЕКУНД НА РАЗМЫШЛЕНИЕ

Автоматизированная система управления, названная словом «Олимпиада» и работающая на московские летние Игры, значительно превосходит свою монреальскую предшественницу. На Играх XXI Олимпиады использовалось около 100 терминалов (устройств для ввода информации в вычислительную систему и вывода ее по запросам потребителя), а наша АСУ включает в себя 202 терминала. Это значит, что будет вдвое больше пунктов, где журналисты, тренеры, представители олимпийских комитетов и другие лица, заинтересованные в каких бы то ни было сведениях, смогут получить ответы на свои вопросы.

Но самое существенное отличие АСУ «Олимпиада» состоит в следующем. Оставаясь системой для информационного сервиса, она теперь взялась непосредственно за организацию и проведение соревнований. Приведу пример. На состязаниях по фехтованию большое значение имеют жеребьевки.

чтобы автопоезд имел улучшенную амортизацию и сверхнадежные тормоза, но даже о том, чтобы при желании в вагончике можно было стоять в полный рост. А есть еще микроавтобусы для буксирования прицепов с катамаранами, яхтами и гребными судами. Словом, рижские автомобилестроители с честью оправдали высокую репутацию своего предприятия.

Необычный автомобиль изготовили на Курганском автобусном заводе, используя шасси серийной машины «ЗИЛ-133Г1». Это длинный фургон, в котором размещаются шесть спортивных лошадей. Кузов разделен на три отсека. В передний и задний отсеки лошадей заводят по специальным трапам, выдвигающимся из-под пола. Во время движения машины лошади отделены друг от друга перегородками с мягкими накладками. А в среднем отсеке устроены спальные места и откидные столики для конюха, тренера и ветеринарного врача. Сопровождающие могут в любой момент подойти

СТРЕЛЬБИЩЕ В МЫТИЩАХ.

Они требуют порою довольно много времени, и прежде соревнования длились иногда непомерно долго из-за того, что судьи, «дедовским методом» бросая жребий, затыгивали распределение спортсменов по парам. АСУ же способна проделывать эту работу быстрее.

АСУ «Олимпиада» приняла на себя обязанности формировать стартовые протоколы результатов соревнований по 203 дисциплинам 21 вида спорта Московских Игр, запоминать, систематизировать и корректировать сведения обо всех участниках, судьях и официальных лицах, переводить на английский и французский языки, размножать и в течение 15 минут с момента события доставлять (с помощью курьеров) в отпечатанном виде на специальном бланке всем заинтересованным лицам.

Можно было бы попытаться удивить читателя сообщениями о том, что в систему входит 12 компьютеров, установленных в четырех вычислительных центрах (три в Москве и один в Таллине), что АСУ предназначена для выпуска примерно 12 тысяч документов тиражом в 28 миллионов экземпляров, что она выполняет 3,5 миллиона коротких операций в секунду, а память ее хранит на весьма незначительной площади «библиотеку» в 10 тысяч томов, но полагаю, что в наши дни это уже не особенно удивительно.

Мне кажется, что скорее люди станут поражаться другому: как это Игры могли раньше проводиться без помощи такой системы? Как это тренеры оценивали выступления спортсменов без данных, полученных от АСУ? И как это журналисты могли писать свои отчеты и комментарии, не пользуясь гигантским «электронным справочником»?

А настанет время, когда АСУ будет определять, например, оптимальные составы сборных команд, и думаю, что у нее получится ничуть не хуже, нежели у тех, кто занят этим сейчас. И близок уже момент, когда судьи забудут о том, что часами писали от руки длиннейшие протоколы, рискуя механически ошибиться и что-нибудь напутать. Ведь есть система, которая выдает такие тексты много быстрее и притом совершенно без ошибок. К слову сказать, судьи по баскетболу оказались восприимчивее иных своих коллег и, не дожидаясь особых приглашений, сами сели за пульт оператора АСУ. Можно не сомневаться, что Игры XXII Олимпиады привлекут арбитров к услугам электроники.

Чтобы продемонстрировать дополнительные возможности нашей системы, мы по собственной инициативе разработали несколько способов ее применения, не предусмотренных техническим заданием. Вот, например, парусный спорт. За ходом регаты следить практически невозможно. Что делается в море, знают только сами спортсмены и судьи, а зрители и большинство журналистов остаются в неведении. Мы предложили оперативно выдавать всю информацию о прохождении парусной гонки на телевизоры — надписями и цифрами. Для этого у каждого поворотного знака, который должны обогнуть яхты, мы собираем с помощью не слишком сложных приемных устройств информацию о времени, когда знак миновало спортивное судно. Затем система, оперируя своей памятью, молниеносно пишет на экране номер яхты, фамилию спортсмена, место, занятое им в тот момент среди других соревнующихся, и даже данные о погоде.

Поскольку почти одновременно состязания проводятся в шести классах яхт, мы решили присвоить каждому из них свой цвет, так получается и красивее и понятнее. Прошлогодня Балтийская регата, проводившаяся в Таллине, показала, что сухие и скудные, казалось бы, сведения АСУ привлекают к себе внимание покрепче любого теледетектива — от экрана трудно было отойти и опытным журналистам-парусникам и просто любителям этого вида спорта.

Аналогичные функции станут исполнять АСУ и во время олимпийских соревнований по легкой атлетике, когда на одном лужниковском поле будет совершаться одновременно столько стартов, забегов, прыжков, метаний, что даже искусственному глазу не уследить за всем интересным и что-то обязательно останется вне поля зрения.

И это, на мой взгляд, далеко не предел возможностей АСУ в современном спорте... При обучении системы мы предусмотрели и разговор о самой системе. Вот, представьте, подходит журналист к оператору терминала и спрашивает, сколько лет, скажем, такому-то спортсмену, или как долго держался такой-то рекорд, или как идут сейчас соревнования на другом стадионе, или какова «палитра» культурной программы на сегодня... А потом решает задать вопрос АСУ... об АСУ. Что ж, АСУ «Олимпиада» готова и к этому. 50 секунд на размышление — и отпечатан ответ, где говорится об устройстве, принципах работы и информационных возможностях нашей автоматизированной системы управления.

Ю. П. ЯШИН,
главный специалист отдела судейско-информационной аппаратуры управления спортивных программ оргкомитета «Олимпиада-80»

ТАБЛО ЛИСТАЕТ «ЛЕПЕСТКИ»

Олимпиада невозможна без точных измерений. Иначе многолетнее восхождение спортсмена к вершинам мировых и олимпийских рекордов останется неподтвержденным результатом и может утратить смысл. А это значит, что Игры нуждаются в аппаратуре, способной измерять время и расстояния в микроскопических долях. Но, кроме того, что нужно установить результат, о нем надо еще и проинформировать публику, журналистов, спортивных специалистов и, разумеется, самих спортсменов.

Судейско-информационная аппаратура Игр XXII Олимпиады не имеет аналогов в мировой практике по своему техническому совершенству, разнообразию и широте применения. Прежде всего надо сказать об информационных табло, установленных на всех спортивных сооружениях, где будут проходить олимпийские состязания. Самое интересное из них — видеоматричное — поставлено нашей стране венгерским внешнеторговым объединением «Электромлекс». Две панели такого устройства смонтированы на Северной и Южной трибунах Большой спортивной арены Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Два гигантских «телевизионных» экрана размером 10 на 25 метров способны с помощью 56 тысяч лампочек воспроизводить не только буквы и цифры разнообразных надписей, но и укрупнять движущиеся изображения любого рода.

Подобные табло применялись и в Монреале, но там они были гораздо менее выразительны, обладали девятью градациями полутонов, тогда как нынешнее имеет шестнадцать таких оттенков. Управляет табло самостоятельная ЭВМ с помощью оператора-программиста, причем память машины позволяет заранее заложить в нее массу сведений, скажем, номера и имена участников и судей и многое другое. Движущееся изображение табло принимает с помощью нескольких собственных телекамер.

Остальные табло, поменьше размером, «буквенно-цифровые», как мы их называем, относятся к третьему поколению этих электронных устройств. Они также обладают высокой надежностью, памятью на магнитных дисках, которой оперирует микроЭВМ, и другими достоинствами.

Швейцарская компания «Свисс-Тайминг» — официальный хронометрист Московских летних Игр — поставила нам устройства для прецизионного (особо точного) хронометража соревнований по плаванию, гребле, велосипедному и конному спорту, легкой атлетике, современному пятиборью. Например, в плавании эта аппаратура обходится почти без помощи судейско-технического персонала — как только спортсмены коснутся «финишной» стенки бассейна, на табло сразу же всплывают их имена, названия стран, которые они представляют, и официальные результаты (в порядке занятых мест и уже соотнесенные с прежними рекордами).

Любопытное устройство разработали студенты и преподаватели Московского энергетического института под руководством профессора, доктора технических наук Е. Ивоботенко — оно автоматически поднимает планку во время соревнований по прыжкам в высоту и прыжкам с шестом на заданный уровень и фиксирует результат, а также с помощью специального механизма водворяет на место сбитую планку. Другой прибор, разработанный этим столичным вузом, очень точно измеряет результаты соревнований по прыжкам в длину и тройным прыжкам.

Рижский завод ВЭФ, радиоприемники которого пользуются популярностью не только в нашей стране, создал для олимпийского гимнастического турнира систему «Гимнаст-2». Она соединяет пульты судей с вычислительным устройством и информационным табло, упрощает и ускоряет подсчеты, позволяет спортсменам быстрее узнать результаты и многое проясняет зрителям. По оценкам специалистов, система «Гимнаст-2» окажет чрезвычайно важную услугу развитию этого вида спорта.

Впервые на Играх в Москве судьи во время соревнований по метанию диска, копья и молота смогут обходиться без помощи рулетки. Предприятие «Карл Смейтс Йена» (ГДР) поставило нам оригинальное устройство, значительно упро-

щающее процедуру измерения. Один судья устанавливает кольцеобразный уголкообразный отражатель в точку приземления снаряда, а другой арбитр с помощью электронно-оптического прибора, сочетающего в себе дальномер, угломер и микрокомпьютер, за несколько секунд определяет результат.

Также впервые на Олимпиаде-80 будут использоваться не только световые, но и так называемые светоточечные венгерские табло «Визинформ», работа которых в отличие от световых строится не на том, что зажигаются и гаснут лампочки, а на том, что как бы перелистываются крохотные «лепестки». Такое табло потребляет необычайно мало электроэнергии. Приблизительно как пять обычных домашних утюгов. Согласитесь, фактор немаловажный.

И все же главное в судейско-информационной аппаратуре — ее способность надежно выполнять свои функции. Могут сказать, что ни сама эта аппаратура, ни обслуживающие ее работники во время Олимпиады не подведут. Дело за спортсменами — пусть показывают результаты они. А уж мы их предельно точно зафиксируем и максимально быстро обнародуем.

У ПОДМОСКОВНОЙ ДЕРЕВНИ ИВАКИНО ПОДНЯЛИСЬ КОРПУСА МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ОЛИМПИЙСКОГО ЛАГЕРЯ.

ЗАЛ ДЛЯ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ В ГЛАВНОМ ПРЕСС-ЦЕНТРЕ.

ПУЛЬТ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ РЕЖИССЕРОВ.

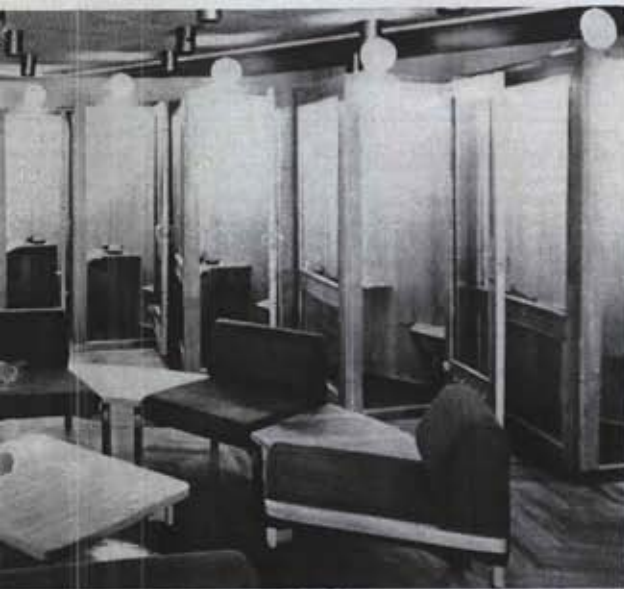
Г. С. АГАДЖАНОВ,
директор Центральной дирекции культурной программы Игр XXII Олимпиады в Москве
МАРАФОН ИСКУССТВ

Всемирному празднику спорта по традиции сопутствует национальная культурная программа, она, как сказано в Олимпийской хартии, должна пройти «на столь же высоком уровне, что и спортивные соревнования». Понимая всю трудность соперничества с таким ярким, драматичным, красивым зрелищем, каким, несомненно, станут состязания Олимпиады-80, организаторы и участники культурной программы тем не менее убеждены, что театральные, концертные, музейные залы нашей столицы и других олимпийских городов страны не будут пустовать в эти дни.

Наша уверенность основана на том, что в олимпийском фестивале примут участие лучшие из лучших представителей многонационального советского искусства. И сама наша программа настолько разнообразна и обширна, что описать ее в подробностях просто не представляется возможным. Мне кажется, что стоит привести здесь лишь самый краткий перечень имен, названий, цифр, чтобы охарактеризовать это грандиозное, не знающее себе равных в истории олимпийского движения празднество.

Вот основные вехи культурной программы Московских Игр, стартовавшей 28 июня 1980 года. 30 июня в Культурном центре Олимпийской деревни состоялся концерт мастеров искусств, приуроченный к ее открытию. Кстати, впервые непосредственно в «деревне» организуется своя собственная, предназначенная для спортсменов-олимпийцев культурная программа. В нее включено 37 концертов и множество творческих встреч. Началу 83-й сессии Международного олимпийского комитета посвящен торжественный концерт в Большом театре Союза ССР, назначенный на 14 июля. А 18 июля в Кремлевском Дворце съездов пройдет большой праздничный концерт, которым мастера искусств будут приветствовать открытие Игр XXII Олимпиады.

За время Олимпиады-80 будет показано 144 балетных и оперных спектакля и 450 постановок на сценах драматических театров, около 1500 концертов и 350 цирковых представлений. 40 музеев и выставочных залов распахнут свои двери перед гостями и участниками Игр. По олимпийской программе будут работать в эти дни 5 музыкальных и 12 драматических театров, 7 симфонических оркестров, 6 академических хоров, 15 камерных ансамблей, около 30 народных певческих и танцевальных коллективов, 4 цирка (кроме двух постоянных, еще и два шапито, развернутые в

ГАИ ПРИВЕТСТВУЕТ ГОСТЕЙ ОЛИМПИАДЫ.

московских парках). Специально подготовленный кинорепертуар ждет посетителей 40 кинотеатров столицы.

К началу Игр приурочены вернисажи во многих московских музеях и картинных галереях. Например, в залах Музея имени А. С. Пушкина развернута выставка «100 произведений из Государственного Эрмитажа», в Центральном выставочном зале — экспозиция «Спорт — посол мира», в залах Академии художеств СССР — международная выставка детского рисунка «Я вижу мир». Можно также назвать экспозиции декоративно-прикладного искусства «Художественный фарфор и стекло», «Русские самовары» и многие другие.

Среди участников культурной программы — наиболее уважаемые и талантливые художественные коллективы: Большой театр Союза ССР, МХАТ, Малый театр, театр кукол под руководством Сергея Образцова, Государственный симфонический оркестр СССР, ансамбль народного танца СССР под руководством Игоря Моисеева, хореографический ансамбль «Березка», ансамбли танца Грузии, Армении, Молдавии, узбекский «Бахор», латвийский «Дайле» и другие. В спектаклях, концертах, представлениях выступают народные артисты СССР, талантливые исполнители, прославленные в нашей стране и за рубежом.

Интересными событиями станут праздники искусств: День поэзии, День советской музыки, День кино, День театра, День эстрады и цирка, День творческой молодежи. Обширные культурные программы подготовлены и в других олимпийских городах. В Ленинграде участников и гостей Игр ждет знаком-

ство со знаменитыми дворцами-музеями и парками Петродворца, Павловска, Пушкина. В Минске состоится фестиваль народного творчества. В Таллине запланированы народные певческие празднества и театрализованные представления и шествия, которым придаст особый колорит исторический центр города с его памятниками архитектуры.

Олимпийские игры — это встреча спортивной молодежи планеты. Поэтому и в культурной программе Олимпиады-80 примет самое активное участие творческая молодежь нашей страны. Центральным событием Дня творческой молодежи станет праздничный театрализованный концерт в киноконцертном зале «Октябрь», построенный как приветствие молодого поколения нашей страны участникам Олимпиады. Названием одного из эпизодов этого представления стала строка из популярной советской песни: «Друга я никогда не забуду, если с ним подружился в Москве!». В сущности, эти слова можно было бы сделать эпиграфом и ко всей культурной программе Олимпиады-80.

И. М. ТУМАНОВ,
главный режиссер церемоний открытия и закрытия Игр XXII Олимпиады в Москве, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР

...И ЗАСИЯЕТ СОЛНЦЕ

Главное на Олимпиаде — это, разумеется, спортивные соревнования, но все, кто когда-либо побывал на Олимпийских играх, вспоминают не только состязания, но и волнующие церемонии открытия и закрытия Игр. В самом деле, эти два события — начинающее и завершающее всемирный праздник молодости и дружбы — неизменно становятся удивительным, неповторимым, символическим зрелищем.

Около двух лет готовились мы к проведению этих церемоний. Изучали опыт наших предшественников, исследовали иконографический материал и кинодокументы, расспрашивали тех, кто наблюдал такие торжества и участвовал в них. Но главным руководством к действию стала, естественно, Олимпийская хартия, в которой четко регламентируется весь распорядок церемоний и их кульминационные моменты: парад участников Игр, внесение и поднятие олимпийского флага, зажжение Олимпийского огня и другие эпизоды.

Задачу режиссуры мы видели в том, чтобы, ни в чем не отступая от буквы и духа хартии, сделать церемонии максимально выразительными. Один из самых торжественных и ярких моментов открытия — зажжение Олимпийского огня. Разные режиссерские приемы использовались в этом эпизоде праздника: факел несли юноша и девушка или только юноша, под музыку или под многократно усиленный стук человеческого сердца... На открытии же Игр XXII Олимпиады завершающий этап эстафеты пробежит прославленный советский спортсмен Виктор Санеев. Под звуки исполняемой большим хором оратории, написанной на слова оды Пьера де Кубертзена, Санеев доставит факел с Олимпийским огнем к гигантской чаше, которая установлена над Восточной трибуной Большой спортивной арены Центрального стадиона имени В. И. Ленина. И как только огонь вспыхнет в чаше, в небо взвоются пять тысяч голубей.

О подробностях этого ритуала рассказывать, пожалуй, не стоит, здесь зрители ждут некоторые режиссерские сюрпризы. А вот о самом носителе огня сказать надо. Трехкратный чемпион Олимпийских игр в тройном прыжке, обладатель несметного множества спортивных титулов и рекордов, Виктор Санеев пользуется большим

авторитетом и у миллионов болельщиков и у олимпийцев всего мира. Виктор родился в 1945 году. Это совпадение представляется мне символическим. Появившийся на свет, когда отгремели уже мирные залпы победной салюта, Виктор Санеев принадлежит к тому поколению, которое никогда не слышало звука падающей бомбы и которое выросло в ощущении, что дружба и взаимопонимание — единственно правильные взаимоотношения между людьми.

Символичны и многозначны будут и многие другие эпизоды торжественных церемоний. Так, по нашему замыслу, парад участников Игр откроет головная колонна, как бы воскрешающая прекрасные страницы истории олимпизма. Живописные группы юношей и девушек в древнегреческих костюмах и колесницы, запряженные четверками лошадей, доставят на поле символ олимпийского движения — пять олимпийских колец и эмблему Московской Олимпиады. Замыкающие эту колонну девушки с цветами в руках усыпят путь, по которому затем пройдут олимпийцы, лепестками роз...

Церемонии открытия и закрытия будут состоять не только из обязательных элементов, возвещающих о начале и завершении Игр, но и, так сказать, из «показательной программы». Перед собравшимися на стадионе и миллионами телезрителей выступят мастера спорта по гимнастике и юные спортсмены, а также мастера народного танца.

Зрелищным аккомпанементом обеих церемоний явится художественный фон Восточной трибуны — тысячи спортсменов с помощью деталей костюмов, разноцветных флажков, вееров и других изобразительных элементов словно бы нарисуют на наклонной плоскости около сотни разнообразных рисунков, начиная от национальных орнаментов союзных республик нашей страны и кончая олимпийским Мишкой. Талисману Игр Мишке, кстати говоря, отводится особая роль в торжествах — симпатичный, лукавый медвежонок не раз появится на поле стадиона, а в финальной части церемонии закрытия его фигура, освещенная огнями праздничного фейерверка, поднимется в московское небо.

Но, пока до этого чуточку грустного момента расставания еще далеко, хочу сказать несколько слов об участниках торжественных церемоний. Помимо спортсменов-олимпийцев и официальных лиц, к этим празднествам готовятся свыше 17 тысяч физкультурников и артистов. Для них шито более 30 тысяч костюмов по эскизам, выполненным группой талантливых художников-модельеров под руководством главного художника церемонии Рафаила Казачека. В торжествах примет участие сводный духовой оркестр в составе 600 музыкантов. Большую работу проделали для подготовки церемоний видные советские композиторы Александра Пахмутова, Эдуард Артемьев, Карен Хачатурян, Евгений Дога, Владимир Шаинский, Раймонд Паулс. Ода на стихи Кубертзена прозвучит в переводе поэтессы Наталии Кончаловской, а греческий Олимпийский гимн перевел на русский язык Роберт Рождественский.

И еще об одной стороне наших приготовлений хотелось бы рассказать. Почти четверть века назад, в канун открытия Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве, я объявил по телевидению, что гарантирую в этот день хорошую, солнечную погоду. Утро началось с дождя, но за час до торжественного шествия, постановщиком которого я явился, дождь кончился и засияло солнце. Поначалу, должно быть, телезрители мне не поверили, зато потом меня начали подозревать в неких мистических способностях. Ничего подобного — тогда я просто угадал.

Но вот что касается открытия Олимпиады-80, тут уж могу заявить со всей ответственностью: солнечная погода в этот день обеспечена. Я так смело даю гарантии потому, что надеюсь на советских ученых, которые научились защищать от произвола стихий, скажем, виноградники и хлебные поля. Так что 19 июля зонт брать с собой не стоит: в этот день Играм XXII Олимпиады в Москве улыбнется солнце.

НОВЫЕ ЛЕТНИЕ КАФЕ ОТКРЫЛИСЬ В МОСКВЕ.

Владимир КОНДРА, чемпион мира и Европы, заслуженный мастер спорта, комсорг сборной команды СССР по волейболу

Из сотен возможных примеров память почему-то выбирает два этих матча, хотя, вероятно или даже наверняка, случались и потруднее...

Может быть, потому, что разделяет два этих матча почти вся моя сознательная, под черкну, сознательная, жизнь в спорте, в волейболе.

...Семьдесят первый год. Пятая Спартакиада народов СССР. Мы с моим земляком из Ростова и впоследствии тоже игроком сборной Ефимом Чулаком выступаем за команду России. Матч с командой Москвы — фаворитом турнира, командой, действительно сильнейшей по составу игроков. По ту сторону сетки — до сих пор при воспоминании к горлу подступает холодный ком волнения — Пустятов, Старунский, Борщ, Домани, Зайко, Паскин. Все преимущества на стороне тех громких имен.

А мы, хоть и нет среди нас знаменитостей, полны решимости. Вздвигаясь возможностью сражения с сильнейшими, испытываем

небывалый подъем, готовы отдать борьбе все. Нас охватывает какой-то злой и упрямый восторг. Мы не то чтобы знаем, нет, мы интуитивно ощущаем, что наши именитые противники не смогут «завести» себя на борьбу подобного накала против нас — людей без настоящего положения в волейбольном обществе.

Мы же отдаем себя игре целиком. Однако это не просто порыв, не просто мальчишеская горячность — мы действуем и умело, и хитро, и даже тонко. И откуда что берется?! Но мы ведем игру к победе, мы делаем больше, чем, казалось бы, можем. И в результате сенсация: москвичи нам проигрывают.

По сей день я горжусь той игрой. Меня и сейчас согревает воспоминание о пережитом чувстве сплоченности, единения с партнерами. Я испытал тогда доверчивое, истинно дружеское отношение к товарищам на площадке, даже к тем, с которыми в принятом смысле слова не дружил.

...Сентябрь семьдесят восьмого года. Италия. Чемпионат мира по волейболу. Мы играем финальный матч с итальянской командой.

Путь на Олимп: слагаемые победы

СПЛОЧЕННОСТЬ

«Но нам нужна одна победа, одна — на всех. Мы за ценой не постоим...» Чувство локтя, товарищеская спайка, взаимовыручка, коллективное самолюбие — все эти понятия в спорте сводятся к «общему знаменателю»: сплоченности. И вот вратарь ложится в яростном броске под мяч, пущенный противником. И вот велогонщик задает адскую скорость, изматывая и себя и соперников, чтобы дать потом вырваться вперед своему товарищу по команде. И вот вся восьмерка гребцов начинает жить как бы общим, одним на всех, ритмом огромного человеческого сердца. Это и есть сплоченность.

Шестнадцать лет наша сборная не могла вернуть себе титул сильнейшей. А сейчас — верный шанс снова стать чемпионами. Мы — фавориты, мы — лидеры. Наша команда в прекрасной форме, контакт у игроков между собой и с новым тренером Вячеславом Платоновым полный. Состав у нас тоже, на мой взгляд, отличный — стремительно выросли и превратились в замечательных игроков волейболисты нового призыва сборной: Зайцев, Савин, Лоор... Для окончательной победы нам надо одолеть итальянцев — команду объективно более слабую, чем наша.

Но итальянцы играют у себя дома. И всех приехавших на чемпионат удивляет их высочайший психологический настрой на игру. В полуфинале они обыгрывают команду Кубы, несомненно, превосходящую итальянцев. Но прежде чем рассказать о том, как кончился наш финальный матч с хозяевами площадки, — несколько слов о том, что значит настроиться на игру для нас, для советской сборной по волейболу.

...Теперь я на семь лет старше, чем был тогда, когда в самозабвенном азарте человека, только-только претендующего на что-то в

большом волейболе, сражался против асов. За минувшие годы в моем самоощущении игрока не могло не произойти существенных перемен. Я переехал в Москву, стал выступать за сильнейший клуб страны — ЦСКА, прочно вошел в основной состав сборной, был призером двух олимпиад.

Я уже вроде бы привык, что выхожу на площадку в ряду фаворитов, плечом к плечу с лучшими современными игроками, — и соперники должны, по идее, нас бояться. Привык? В том-то, оказывается, и заключается опыт, накопленный в большом спорте, чтобы ни к чему подобному не привыкать. Опыт заставляет вспомнить, как много у сильнейших команд есть соперников, мгновенно загорающихся при одной только честолюбивой мысли, что могут победить лидеров. И не верить в чудеса такого рода нельзя: без них спорт не был бы спортом.

Что главное в сегодняшней игре? Мне кажется — сохранение в себе огня. Каждый игрок в отдельности и командой в целом. Того огня, который побуждает к бескомпромиссной борьбе с любым противником. Это чистое пламя — в нем сгорают невольное благодушие и высокомерная амбиция, возникающие временами у классных игроков.

...Итальянцы, неистово поддерживаемые трибунами, были, несомненно, достойны своих темпераментных болельщиков. Что творилось в зале, когда решалась в нашем матче судьба мирового чемпионата! Что творили на площадке наши соперники! Они играли выше всяческих похвал, значительно сильнее, чем мы ожидали, я бы сказал, выше своих возможностей. Страстью и вдохновением компенсировали они пробелы в тактике и классе. Но мы были тогда командой не просто выше классом. Мы были и вдохновеннее и выше в психологическом настрое. Итальянцы, как я понимаю, настраивали себя примерно так: сегодня или никогда. У нас же не было сомнений: и сегодня, и завтра, и на Олимпи-

аде в Москве... Мы стали чемпионами, и я вижу в этом не случайность, а закономерность.

...В Мюнхене, после первых моих Игр, тогдашний лидер нашей сборной, двукратный олимпийский чемпион, в третий раз игравший на олимпийском турнире, Юрий Поляков сказал: «Ты, Володя, молодой еще. Успеешь, наверное, еще в двух олимпиадах поучаствовать. Очень тебе этого желаю...»

Мне доводилось быть бронзовым призером и серебряным. Но спортсмена из команды, прежде побеждавшей на Олимпиаде, вряд ли удовлетворит какое-либо место, кроме первого. И после Мюнхена и после Монреаля я сразу же начинал настраиваться на следующие Игры.

Игры в Мюнхене запомнились мне еще и тем новым, живым, интересным, что увидел я в комсомольской работе, которая велась среди советских олимпийцев.

В Международном молодежном олимпийском лагере по инициативе наших спортсменов проводились двусторонние встречи, острые дискуссии. В расположении советской делегации ежедневно выходило не менее трех стенных газет, действовала фотовитрина, выпускались «молнии», вывешивались дружеские шаржи. Торжественно и трогательно чествовали победителей и призеров, зачитывали вслух решения Бюро, Секретариата ЦК ВЛКСМ о присуждении спортсменам комсомольских наград, оглашали приветствия в адрес олимпийцев.

Был создан совет комсоров сборных. Он координировал и направлял всю комсомольскую работу среди советских олимпийцев. В него входили такие авторитетные спортсмены, как Виктор Путьятин (комсорт сборной по фехтованию), Владимир Васин (комсорт сборной по прыжкам в воду), Владимир Борзов (комсорт сборной по легкой атлетике), Людмила Турищева (комсорт сборной по спортивной гимнастике) и другие... В дальнейшем и мне выпала честь стать комсоргом своего клуба ЦСКА, а затем и сборной страны. Комсорт, на мой взгляд, это человек, необходимый команде так же, как капитан и тренер. Он вроде бы не принимает глобальных решений, но ответственность несет огромную. Все дело в том, что комсорт ведает, если можно так выразиться, уровнем взаимоотношений внутри команды. Он помогает возникнуть душевному контакту между игроками.

Я стараюсь быть комсоргом, действительно влияющим на ход событий в игре, а для этого необходимо, чтобы товарищи воспринимали мои замечания, подсказки, просьбы естественно, как должное. Надо, чтобы они знали: это не просто Володя Кондра говорит, а тот самый их товарищ, которого они же и выбрали комсоргом. И, значит, облекли доверием.

Ну, например, у Саши Савина вдруг блок не идет, я ему говорю: «Сашенька, ну покажи им, как надо блок ставить. Давай: на этой линии два-три очка...»

Или: «Толя, — прошу я, — давай, как на тренировке, на задней линии ни одного мяча не пропускаешь...»

Лоор в концовке партии хорошо подает. Это очень важно! Надо его настроить, подбодрить. «Ну, — говорю я Вильяру, — твое время подходит». И Лоор подает что надо...

Вне площадки приходится иногда брать в разговор с товарищем, весьма почитаемым за спортивный талант, тон весьма серьезный. Здесь я уже говорю от имени комсомола, указывая на вещи недопустимые. Не скрою, мне было нелегко говорить о нарушениях режима с Володией Чернышовым — игроком, который, кажется, в одиночку может выигрывать игры, лидером, способным повести всех за собой, замечательным, компанейским парнем. И, надо сказать, что Володя задумался над моими словами, пережил много и теперь полностью пересмотрел свое поведение.

Я очень верю в своих нынешних партнеров. И надеюсь оказаться достойным их молодости и силы благодаря опыту и умению, а в особенности благодаря выработанной за годы привычке отдавать игре всего себя.

Мои более молодые партнеры, как и положено спортсменам, претендующим на олимпийскую победу, не только большие таланты, но и большие характеры.

Саша Зайцев — один из сильнейших связующих игроков мира. У него так поставлена передача, что, если говоришь ему: дай на метр — он «выдает» тебе мяч ровно на метр. Все у него предельно выверено. Школа Мондзюлевского — нашего двукратного олимпийского чемпиона. Но, на мой взгляд, Зайцев даже превзошел учителя. Мондзюлевский, уверен, на меня за это признание в обиде не будет. Мы и должны идти дальше предшественников, а наши преемники, не сомневаюсь, пойдут дальше нас.

Саша Савин — звезда. Не боюсь столь громкого слова. Это уж действительно талант. Дар от природы. В нем два метра роста, и играет он, говоря нашим языком, «с первого темпа». С такими игроками только и можно строить самую что ни на есть современную игру.

Вильяр Лоор — по технике игры в нападении ему сейчас, на мой взгляд, нет равных. Помимо необычайно сильного удара, он обладает очень тонким пониманием игры. И обычно посылает мяч туда, где его всего труднее взять противнику.

Про талант Владимира Чернышова я уже говорил.

Олег Молибога теперь сменил меня на посту комсорта ЦСКА. Он волейболист, выполняющий особую роль. Когда команда «поднимает» наиболее тяжелый мяч, необычайно важно, чтобы мяч пришел именно к Олегу. Таким мячом он распоряжается особенно эффективно. К этой игровой характеристике комсорта нашего сильнейшего клуба добавлю, что Молибога — парень общительный и очень располагающий к себе в быту.

Саша Ермилов — мой ближайший друг, мы с ним всегда вместе живем на сборах. Много говорим, порою спорим и всегда понимаем друг друга. О классе скромного, застенчивого, самоотверженного Саши Ермилова говорит сам факт участия его в основной шестерке сборной команды страны. А пользуясь терминологией волейболистов, можно добавить, что этот рослый, двухметровый игрок обладает прекрасным нападением с высокими передачами.

...После побед на первенстве мира и чемпионате Европы тренеры нас не только хвалили. Чемпионам пришлось выслушать немало и критических замечаний. Говорилось, например, про определенные недостатки игры в защите. Мне, тридцатилетнему ветерану, приятно было, что никто из молодых чемпионов не удивился замечаниям и вновь поставленным требованиям. Значит, все понимают, что предстоящий московский олимпийский турнир — соревнование уникальное.

Противники нас ждут серьезные. К началу Олимпиады, подзреваю, снова станут грозными олимпийские чемпионы — волейболисты Польши. Сильно должна сыграть команда Кубы. Мощные команды у Югославии, Бразилии. Да и итальянцы, серебряные призеры чемпионата мира, теперь наверняка попытаются взять реванш.

Жизнь современного спортсмена, претендующего на олимпийскую награду, совсем не проста. Но ведь и внимание и уважение к нам сегодня какое! Оно же ощутимо ежедневно. На нас надеются, в нас верят... Так что жалеть себя в тренировках и играх мы не имеем права. Все для победы.

Надеюсь, после Игр в Москве пожелать, как пожелал мне когда-то Поляков, долгой жизни в спорте кому-то из самых молодых игроков. И еще надеюсь сделать это, как и Поляков, будучи олимпийским чемпионом...

Мигель Урбану РОДРИГЕС,
главный редактор газеты «Диариу»
Португалия

РАДУШИЕ И ОПТИМИЗМ

В апреле этого года, когда весеннее солнце уже растопило снег на московских улицах, я побывал там, где вскоре будут проходить XXII летние Олимпийские игры. Своими глазами увидел великолепные стадионы, образцовую Олимпийскую деревню, отличный гребной канал. И сразу почувствовал тот энтузиазм, с которым советская столица готовится к спортивному празднику всемирного значения, ощутил радушие москвичей и заразился их оптимизмом.

А ведь еще совсем недавно не только спортсмены, но и десятки и сотни миллионов людей задавали себе вопрос: каковы будут последствия американского бойкота Олимпийских игр в Москве?

Что ж, друзья, ответ получен. Возможно, что президент США Картер сейчас понимает, что совершил крупный стратегический просчет. Ведь, несмотря на грубое давление и шантаж, к которым беззастенчиво прибегли Белый дом и его нынешний хозяин, в олимпийском празднике в июле этого года в Москве примут участие представители большинства стран земного шара.

Я несказанно рад, что сорваны попытки саботировать Московскую Олимпиаду. Провал бойкота означает победу всех людей доброй воли. Хочу выразить уверенность в том, что Олимпийские игры в Москве ознаменуются новыми спортивными достижениями, станут крупным культурным событием, будут способствовать сближению и взаимопониманию между народами мира.

Тсегау АУЭЛЕ,
генеральный секретарь Национального
олимпийского комитета
Эфиопия

УЧИТЬСЯ УВАЖЕНИЮ

В советскую столицу для участия в Играх XXII Олимпиады придут посланцы большинства африканских стран. Думаю, что сам факт присутствия в Москве представителей молодых государств станет демонстрацией жизнеспособности олимпийского движения, которое сегодня объединяет под своими знаменами молодежь всего мира, вне зависимости от политических убеждений и цвета кожи.

Мы в Эфиопии высоко ценим олимпийские идеалы. Мы уверены в необходимости всемерно развивать олимпийское движение, ибо оно является той ареной, где молодежь всего мира может свободно демонстрировать свои спортивные достижения, обмениваться опытом, знаниями. По самой сути олимпийское движение — важнейший инструмент мира. Каждые четыре года молодежь всех континентов встречается в одном месте, в мирных условиях, и учится решать свои проблемы мирным путем. И это очень важно, потому что через несколько лет на плечи этих юношей и девушек ляжет ответственность за судьбу планеты, и если сегодня они научатся жить в мире и уважении друг к другу, то можно будет надеяться на прочный мир в будущем.

Проведение Олимпиады в столице первого в мире социалистического государства вдвойне важно. Это позволит молодежи мира убедиться в том, каких огромных успехов добилась за шесть десятилетий Советская страна, увидеть, какими свободами пользуются граждане СССР. Уже одна только возможность увидеть все это своими глазами сведет на нет многолетние усилия западных пропагандистов, которые изображают жизнь в Советском Союзе как кошмар.

Мы в Эфиопии давно поняли, что в действительности кроется за попытками бойкотировать Московскую Олимпиаду. С самого начала мы боролись за то, чтобы в московских Играх приняло участие как можно больше спортсменов. Мы выступали в защиту Москвы и в Международном олимпийском комитете и на зональном уровне в Африке. Мне лично довелось быть представителем Эфи-

опии в комиссии по выработке проекта резолюции генеральной ассамблеи Высшего совета африканского спорта, которая, как известно, в Уганде высказалась за участие всех стран нашего континента в Играх.

Уже сегодня наши спортсмены достигли прекрасной спортивной формы. Наше революционное правительство создало для этого все условия. Значительная помощь была оказана Эфиопии Советским Союзом и ГДР, которые прислали своих тренеров, направляли сюда свои команды, в товарищеских встречах с которыми наши спортсмены повышали свое мастерство.

Так что у нас все готово. Мы ждем того момента, когда сможем сказать «здравствуй» олимпийской Москве, «здравствуй» всемирному празднику спорта.

Моро КЕККОЛИ,
олимпийский чемпион по конному
спорту
Италия

РАЗВЕ ЗАБУДЕШЬ?

Олимпиада дает прекрасную возможность для общения представителей самых разных стран, служит делу мира и разрядки в интересах всех народов. Предстоящие Олимпийские игры привлекают внимание потому, что Москва, насколько мне известно, провела интенсивную подготовку к ним и предоставит спортсменам и туристам целую серию первоклассных сооружений, с фотографиями которых нас познакомили болонские архитекторы, недавно возвратившиеся из СССР. Кстати, у нас в Болонье, как и в других городах Италии, к Московской Олимпиаде проявляется большой интерес, причем сами спортсмены и любители спорта делают все возможное, чтобы Олимпиада и спорт не стали предметом политической игры, чтобы было сохранено международное олимпийское движение.

Мне посчастливилось принять участие в Олимпиадах в Токио и Мехико, и эти воспоминания ни с чем не сравнимы. Мы жили там в единой братской семье спортсменов. Я встречался и с симпатичными ребятами из сборной СССР. Советские конники произвели на меня самое приятное впечатление. Поразила их спортивная подготовка, причем не только в выступлениях по выездке, где они имеют и олимпийские победы (С. Филатов в Риме и И. Кизимов в Мехико), но и в моем виде — конном троеборье.

Я от всей души желаю успеха предстоящей Олимпиаде и уверен, что она явится важным вкладом в дело взаимопонимания, дружбы и сотрудничества между народами.

Вольф ЛЮБЕРГ,
заместитель генерального секретаря
Национального олимпийского комитета
Швеция

УРОВЕНЬ — ВЫСШИЙ

Все, что мы узнали и увидели в Москве, куда ездили передать организаторам Олимпиады официальную заявку Швеции, свидетельствует об одном: Московская Олимпиада станет праздником, хорошо организованными состязаниями высокого класса. Редко мне приходилось видеть такие замечательные спортивные сооружения, как в столице Олимпийских игр 1980 года. Например, новым спортивным комплексом на Проспекте Мира невозможно не восхищаться. И он и другие спортивные арены, без сомнения, получат высокую оценку участников Игр. Я уверен, что в Москве родится не один олимпийский рекорд.

Хозяевами Игр проделана большая и эффективная работа. Самое лучшее впечатление оставила Олимпийская деревня. Она отвечает наивысшим требованиям. Ни на одной из предыдущих Олимпиад шведским спортсменам не приходилось жить в таких прекрасных условиях.

Мы с удовольствием констатируем, что попытки администрации Картера организовать бойкот Московской Олимпиады потерпели провал, и уверены, что московские Игры

утвердят благородные идеалы олимпийского движения, будут способствовать укреплению мира и взаимопонимания между народами.

Ле Дык ТИнь,
председатель Национального
олимпийского комитета
Вьетнам

НАША ПРЕМЬЕРА

В конце апреля на сессии Международного олимпийского комитета в Лозанне было принято решение о приеме Вьетнама в МОК. Это очень важно для нашего спорта, получившего широкие возможности для выхода на мировую арену. Первой нашей Олимпиадой будет Московская. Мы возлагаем на нее большие надежды. Надеемся многому научиться у известных спортсменов, и прежде всего у советских. Постараемся добиться в спортивной борьбе первых успехов, способствовать своим участием успешному проведению Московской Олимпиады и укреплению олимпийской дружбы между спортсменами мира.

Наша олимпийская команда будет состоять из 40 спортсменов, которые выступят в четырех видах спорта — пулевой стрельбе, плаванию, борьбе, легкой атлетике. Наши спортсмены очень молоды, и почти никто из них не имеет опыта участия в международных состязаниях, но бороться они будут с полной отдачей сил.

Большую помощь в развитии физкультуры и спорта нам оказывают братские социалистические страны. Так, в прошлом году около 100 вьетнамских спортсменов проводили тренировки на спортивных базах в Советском Союзе. НРБ, ГДР, ПНР, СССР и ЧССР оказали нам большую помощь спортивным инвентарем и оборудованием, помогли в подготовке к Олимпийским играм 1980 года.

Вьетнамский НОК — вместе с теми, кто выступает против бойкота Олимпиады в Москве. Мы уверены, что Олимпиада-80 будет одной из лучших по своей организации и по спортивным достижениям, внесет новый большой вклад в укрепление мирового Олимпийского движения.

Джеймс ОЛДРИДЖ,
писатель, лауреат международной
Ленинской премии «За укрепление
мира между народами»
Англия

ПРЕКРАСНА, КАК ЮНОСТЬ!..

Когда «Смена» попросила меня написать статью об Олимпийских играх, я подумал: вот бы неплохо попытаться узнать, каким был возраст первых олимпийцев во времена Древней Греции. Каковы были традиции? Были ли атлеты подростками или они были старше и опытнее? Трудно было найти ответ на эти вопросы. В самом деле, я не мог обнаружить никакого намека на возраст первых участников древних Олимпийских игр.

Лучшим источником информации об Олимпиадах античной эпохи был двухтомник, подаренный мне моим отцом. Название книги — «Памятники Древней Греции». Она издана в 1697 году, почти триста лет тому назад, и представляет собой изумительную коллекцию фактов, которые собрал Джон Поттер, в то время аспирант колледжа Линкольна в Оксфорде.

Однако книга Поттера, несмотря на удивительные детали, касающиеся событий из истории Древней Греции и Олимпийских игр, не сообщала возраст участников состязаний. Ничем не смогли помочь и другие справочники. Хотя путем сопоставлений можно догадаться, что первым бегуном, метателям и борцам было около двадцати пяти лет. Могли быть и более молодые бегуны или метатели, но в основном возраст греческих атлетов превышал двадцать лет. Они были в том возрасте, когда можно демонстрировать красоту, мастерство и способность бороться за победу. Они являлись профессиональными атлетами только в том смысле, что искусство в беге, метаниях и борьбе имело весьма важное значение в их

Олимпиада в Москве — ДА! Такова позиция миллионов спортсменов и любителей спорта, большинства международных и национальных спортивных организаций. Таково зеркало общественно-го мнения планеты.

У каждой из двадцати двух Олимпиад нового времени своя биография, своя судьба — далеко не всегда безоблачная. И когда сегодня, в канун Московской Олимпиады, мы обратились к видным спортсменам и общественным деятелям разных стран, то в строках, написанных ими, наряду с удовлетворением и радостью по поводу предстоящего всемирного праздника спорта звучит решительное осуждение провокационной политики бойкота Игр, искреннее огорчение в связи с тем, что некоторые замечательные атлеты лишены возможности выступить в Москве.

Олимпиаду в столице Советской страны ждет большой успех — в этом единодушны авторы заметок, полученных «Сменой».

Олимпиада — ДА!

жизни. Трудно сказать, что еще они делали, но мы определенно знаем, что в их жизни спорт занимал выдающееся место.

Когда в 1896 году проводились первые современные Олимпийские игры, большинство атлетов было значительно старше. Некоторым бегунам даже перевалило за тридцать. А, вероятно, самыми старшими участниками Олимпиад были борцы и представители конного спорта. Однако средний возраст участников неизбежно и быстро уменьшался. Например, говорят, что лучший возраст для женщины-пловчихи — между пятнадцатую и восемнадцатую годами. На Московской Олимпиаде нынешнего года, вероятно, мы увидим самых молодых участников в истории состязаний.

Я считаю, что представители всех видов спорта стали более симпатичными, а что касается женщин, то они стали более красивыми. Спортсмены всегда были прекрасно сложены, но с каждым годом уровень физического совершенства повышается.

В Древней Греции участники Олимпийских игр должны были десять месяцев жить в специально отведенном месте, занимаясь подготовкой. Сегодня спортсмены остаются дома, но они тренируются все четыре года до олимпийской встречи. Вот почему так много атлетов в Америке, Западной Германии и Канаде испытывают сейчас столь легко объяснимое чувство горечи. Несколько лет жизни они затратили на подготовку к Играм, но под нажимом правительства Соединенных Штатов не смогут выступить в состязаниях. Немногие из них смогут сохранить спортивную форму еще на четыре года, до следующих Игр... а к тому времени они станут слишком старыми.

Москва, и это очевидно, предоставит участникам Игр немало возможностей — лучших, чем когда-либо имели участники Олимпиад. По нашему телевидению мы видели фотографии квартир, в которых будут жить спортсмены в Москве и которые после Игр станут отличным жилищем для тысяч москвичей, в отличие от недавней зимней Олимпиады в Соединенных Штатах и предыдущих Игр в Монреале, где многие помещения для спортсменов стали после Игр тюрьмами. Это не соответствует традициям Игр, ибо во время первых Олимпиад место соревнований было, по существу, священным и дискредитировать его запрещалось.

Я считаю, что эта Олимпиада будет прекрасной не только из-за своего молодежного настроя, плодотворных приготовлений и веры в старые олимпийские идеалы, но и потому, что она говорит молодежи планеты: думайте о мире, а не о войне.

Раджа БАЛЕНДР СИНГХ,
член Международного олимпийского комитета, президент Олимпийской ассоциации Индия

СМЕТАЯ БАРЬЕРЫ

Меня крайне огорчил призыв к бойкоту Олимпиады, вызванный исключительно политическими причинами. Я представляю, что из-за этого возникнет большая опасность для Олимпийских игр 1984 и 1988 годов. Как член Международного олимпийского комитета я решительно поддерживаю его принципиальную позицию и выступаю против бойкота.

Я не раз видел, как после ежедневных соревнований на Олимпийских играх молодые люди из различных частей света устраивали товарищеские встречи. Они танцевали, смеялись, обнимались, завязывали дружеские отношения. Это прекрасно! Призыв к бойкоту может нарушить, подорвать олимпийское движение, суть которого — преодолеть многочисленные и сложные разногласия в мире. Я бы назвал бойкот нелепой выходкой со стороны человека, занимающего столь высокий пост.

Однажды прозвучавший призыв к бойкоту может повториться, к нему могут прибегать еще и еще раз по самому разному поводу. Таким путем можно разрушить олимпийское движение, которое подобно великому произведению искусства. Если же его разрушить, то едва ли можно будет потом восстановить.

Думаю, американские спортсмены достаточно хорошо представляют себе несправедливость принятого решения, которое лишило их возможности состязаться на Олимпиаде. Во многих видах спорта возраст является серьезным

фактором, и может случиться, что многие спортсмены потеряют свой единственный шанс.

Олимпиады — это движение, сближающее людей. Непонимание между людьми возникает главным образом из-за незнания друг друга. Спорт сметает эти барьеры между народами. Я хотел бы надеяться, что здравый смысл сможет восторжествовать и в последний момент.

Сейчас наши команды готовятся к Олимпиаде. Конечно, по уровню достижений мы не можем соперничать с главными спортивными державами мира. Но есть ряд видов, где индийские спортсмены занимают ведущее положение в Азии, и мы решили выступить в этих видах спорта. Мы примем участие в соревнованиях по легкой атлетике, борьбе, тяжелой атлетике, стрельбе и хоккею на траве.

Целью олимпийского движения является в большей мере участие, чем завоевание золотых, серебряных и бронзовых медалей. Медали — это очень важно, но это не начало и не конец всему.

Очень важным является изучение организации Игр и их технического обеспечения. Олимпийские игры в Москве принесут несомненную пользу в подготовке IX Азиатских игр, которые состоятся в Индии в 1982 году. Я собираюсь, когда приеду в Москву, попросить Советский олимпийский комитет оказать нам содействие в техническом обеспечении Азиатских игр. У нас есть трудности, нам недостает опыта. Поэтому мы попросили Москву о помощи в проведении Азиатских игр 1982 года.

Аннегрет РИХТЕР,
олимпийская чемпионка, рекордсменка мира в беге на 100 метров ФРГ

УСПЕХА ВАМ, ИГРЫ!

Я, как и большинство западногерманских спортсменов, категорически против какого-либо бойкота. Нормальному человеку просто невозможно понять, почему спорт должен быть принесен в жертву сомнительной политической игре. То, что делает Картер, для нас совершенно неприемлемо. Он все время твердит о «солидарности», но бойкот Олимпиады не имеет ничего общего с солидарностью. Требование Картера — это грубый нажим. Ничего, кроме вреда, для развития международных спортивных связей это не принесет.

Я и многие мои коллеги по спорту имели бы реальные шансы на призовые места Московской Олимпиады, мы интенсивно готовились к этому событию на протяжении четырех лет, для многих это было, вероятно, последней возможностью принять участие в столь ответственных соревнованиях. И теперь мы должны отказаться от этого.

Конечно, можно было бы пересмотреть решение НОК ФРГ, но это еще раз показало бы всю недалекость и несерьезность людей, которые должны быть объективными. Они теперь вынуждены сохранять хорошую мину при плохой игре. И хотя наша олимпийская команда остается дома, я рада, что XXII Олимпийские игры состоятся в Москве несмотря ни на что и многие сильнейшие спортсмены мира примут в них участие. Без сомнения, эти Игры станут выдающимся спортивным событием нашего времени. Чтобы участвовать в них, мы, со своей стороны, сделали все, что могли. И не наша вина, что нам не удастся стартовать в Москве.

Том КАРЛСОН,
секретарь организации «Олимпийская коалиция США» США

БОЙКОТ — ЭТО АБСУРД

Никто не сомневается в том, что решение олимпийского комитета США об отказе участвовать в Московской Олимпиаде было принято под грубым беспрецедентным нажимом со стороны администрации Картера. Президент и его

чиновники использовали при этом самые неприглядные методы выкручивания рук — шантаж и запугивание членов Национального олимпийского комитета США, спортивных активистов и самих спортсменов.

Сначала, как известно, около 150 ведущих американских спортсменов-олимпийцев были приглашены на «торжественный прием» в Белом доме, хозяин которого не дал им и рта раскрыть, но усиленно убеждал «добровольно» отказаться от поездки в Москву. Затем в публичных заявлениях Картера и некоторых членов его кабинета зазвучали откровенные угрозы.

Во-первых, прямая угроза финансовой расправы. В свое время правительство США, не балующее вниманием олимпийский спорт в стране, было вынуждено принять под давлением общественности решение об освобождении олимпийского комитета США от уплаты налогов. Только благодаря этому олимпийские спортивные федерации в стране, живущие исключительно за счет добровольных пожертвований, кое-как сводят концы с концами. А если придется платить налоги? По мнению большинства членов олимпийского комитета США, это приведет олимпийское движение в стране к катастрофе.

Кроме того, представители правительства США недвусмысленно намекали тем американским спортсменам, которые вопреки позиции официального Вашингтона собирались участвовать в Московской Олимпиаде, что государственный департамент вообще лишит их паспортов для выезда за границу. В газетах замелькали сообщения о вероятности других репрессий в отношении непокорных спортсменов и спортивных активистов (вплоть до отдачи под суд по обвинению в... заговоре).

Формально говоря, администрация Картера — в том, что касается олимпийцев Америки, — пока добилась своего, однако, по моему убеждению, для правительства США это пиррова победа. В газетах замелькали сообщения о абсурдном решении Белого дома о бойкоте Московской Олимпиады продиктовано исключительно предвыборными политическими соображениями. Отказ США от участия в выдающемся международном спортивном событии — это очевидная попытка подстегнуть антисоветскую и антикоммунистическую истерию в Соединенных Штатах, повернуть историю на ржавые рельсы «холодной войны», затормозить развитие международного сотрудничества в целом.

Такуми УЕДА,
депутат парламента от социалистической партии Японии

БИЛЕТ В МОСКВУ

Японское правительство под давлением США занимает, к сожалению, позицию неучастия Японии в Московской Олимпиаде. Я убежден, что японско-американское сотрудничество должно состоять не в том, чтобы Япония поступала так, как говорит Вашингтон, а отстаивала собственную точку зрения. В этом со мной согласны даже некоторые представители правящей либерально-демократической партии. Большинство японцев выступает за то, чтобы японские спортсмены принимали участие в Олимпиаде. По моему депутатскому запросу канцелярия премьер-министра сообщила, что проведенные ею опросы свидетельствуют: число японцев, выступающих за участие Японии в московских Олимпийских играх, неизменно растет.

В поддержку участия японских спортсменов в Олимпиаде-80 активно включились социалистическая партия, крупнейшие профобъединения страны — «Сохио» и «Тюрицу Рорэн».

Во всей Японии проявляется значительный интерес к Олимпиаде-80. В моем избирательном округе в городе Осака я выступил с предложением направить в Москву и Ленинград на время Олимпийских игр группу болельщиков. И сразу это предложение встретило поддержку со стороны молодых рабочих, студентов, женщин. Мы — 300 человек — на двух самолетах Аэрофлота отправимся в СССР для того, чтобы следить за олимпийскими соревнованиями и знакомиться с жизнью советских людей.

Мы верим в успех Московской Олимпиады и в то, что никакие маневры ее противников не в состоянии повлиять на атмосферу выдающегося праздника спорта.

Аркадий ВОРОБЬЕВ, двукратный чемпион Олимпийских игр, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР, доктор медицинских наук, профессор, ректор Московского областного института физической культуры

На пьедестале почета — чемпион. Только что на глазах у всех он в тяжелой борьбе добыл свою победу. Зрители радуются вместе с ним, а журналисты уже вписывают в блокноты будоражащий воображение факт: оказывается, в детстве спортсмен не только не был сильнее своих сверстников, но даже уступал им в физическом развитии!

Такое встречается чаще, чем можно предположить. Из сильнейших людей мира — тяжелоатлетов — Алексей Вахнин и Давид Ригерт из-за болезней лишь к пяти-шести годам научились ходить. И я, к слову сказать, тоже не был крепким парнишкой, то и дело кружилась и болела голова... Конечно, не новость, что занятия физкультурой и спортом способны вернуть здоровье и придать

силы. Только почему-то не каждый принимает такое «лекарство». Это сложнее, чем, зажмурясь, проглотить горькое, тут приходится перестраивать всю жизнь. А для этого нужен характер.

...В детском саду рядом с моим домом установили шведскую стенку. Дети сразу же стали ее «покорять». Вот один, самый ловкий, уже наверху. За ним, срываясь и цепляясь снова, карабкается другой. А третий, завистливо глядя на них, стоит внизу. Постоял-постоял да и пошел пересыпать песочек. Я далек от мысли пророчить этому, третьему, цепь жизненных неудач. Но все же мне кажется, что любое проявление слабости, боязливости и снисходительности к себе не проходит для человека бесследно. Создавая свой характер, мы создаем свою судьбу.

К началу Олимпиады в Риме мне было 35 лет, и о моей судьбе можно уже было

Путь на Олимп: слагаемые победы

ХАРАКТЕР

говорить с большой определенностью. Были высшие спортивные титулы — чемпиона мира и Олимпийских игр, был диплом выпускника медицинского института, были и травмы, жестокие отметины поединков со штангой. Я чувствовал тогда, что эти Игры будут для меня последними.

Переполненный туристами Рим грохотал и плавился в жарких солнечных лучах. Но буйство красок, разноязыкий говор, кипение спортивных страстей почти не задевали меня. Мне казалось порой, что я остался совсем один, в мертвой тишине. А впереди ждал помост. Мой решающий бой.

Наши ребята хорошо начали свои выступления. Счет зачетных очков увеличивался, как вдруг выяснилось, что один из советских штангистов не может участвовать в борьбе: травматический радикулит. А это «баранка» для команды. Нетрудно понять, что ответственность каждого из оставшихся возросла еще больше.

На взвешивании выяснилось, что я тяжелее своих основных соперников. Стало быть, нужна была только убедительная победа. Судья-информатор вызывает меня на помост. Сначала жим. Все идет хорошо. Затем рывок. Тоже нормально. Последнее упражнение — толчок. Беру для начала 172,5 и заказываю 177,5. Если толкну, золотая медаль будет моей. У меня последний подход. Наклоняюсь к штанге — снова мы с ней один на один, и отступить некуда.

Штанга на груди! Теперь вверх. Но что это? Неудачно отцентрированная мною штанга «ожил»: повела, потащила меня вбок, прочь с помоста... «Держать!» — приказываю себе. «Держать!» — кричат все наши ребята. Больше ничего нет в мире, только одно — держать! И штанга останавливает-

ся. Я застываю на самом краю помоста. Судья фиксирует взятие веса — и новый мировой рекорд.

Несколькими днями раньше на шоссе Гроттаросса велосипедисты разыгрывали призы в групповой гонке. Италия ждала победы своего лидера Трапе, но все 175 километров его сторожил советский гонщик Виктор Капитонов. И вдруг, выйдя на один из последних кругов, он вырвался вперед, вложив все силы в стремительный спурт. И вот уже вскинуты вверх его руки — он первый! Но почему Трапе проносится дальше? Рев толпа по бокам шоссе — Капитонов сбился со счета и финишировал на 12 километров раньше!

Где взял он силы, какое нечеловеческое напряжение испытал, чтобы все-таки завершить эту драматическую гонку победой?!

Как спортсмену, как тренеру, как педагогу, мне не раз приходилось задумываться о содержании известного всем понятия «спортивный характер». Советский спортсмен — это прежде всего советский человек. Когда лучшие из лучших выходят на помост, на поле, на трек мировых первенств и олимпиад, они чувствуют и знают, что за ними стоит вся наша страна. И они делают невозможное!

Тогда в Риме на торжественном открытии и закрытии Олимпиады флаг советской делегации нес Юрий Власов, нес, как писали газеты, в одной недрогнувшей вытянутой руке. С его именем связана целая эпоха в отечественной тяжелой атлетике. Обаяние личности этого умного, интеллигентного человека, прекрасного спортсмена и одаренного писателя пленило сердца миллионов людей. Я всегда уважал его трудолюбие и скромность, ценил его чуткость и тонкость. Но как-то однажды он прочитал нам свой рассказ, герой которого,

находясь в зените спортивной славы, не понимает, какой толк от его побед, зачем вся эта суета и кому от этого станет лучше. Меня тогда просто взорвало от возмущения: я знал, что, увы, некоторые из спортсменов считают так же. Эти сомнения, на мой взгляд, небезопасны, они подрывают престиж спорта. Между тем я убежден, что спортивные успехи пусть даже одного атлета прибавляют бодрости духа и, если хотите, чувства собственного достоинства миллионам людей. И победы самого Юрия Власова, не единожды доказывавшего на помосте мощь и крепость советского спортивного характера, воспринимались людьми с восхищением и уважением. Не случайно именно Власов был признан лучшим спортсменом Олимпийских игр в Риме.

Не скрою гордости за любимую тяжелую атлетику: впереди представителей других видов спорта вышли некогда наши тяжелоатлеты и на мировую арену. Самым первым советским чемпионом мира стал именно штангист — богатырь Григорий Новак. И на первой Олимпиаде, в которой мы принимали участие — в Хельсинки, — первая же золотая медаль в турнире по тяжелой атлетике была завоевана Иваном Удодовым. Ему противостояли прекрасные подготовленные, холеные соперники. Но спорт — это схватка характеров. Несокрушим оказался Иван, на чью долю выпадали испытания и посерьезнее: в годы войны ему досталось на долю вынести все ужасы фашистских концлагерей. Когда его освободили, Иван весил 28 килограммов. Среди призеров Олимпиады в Хельсинки был и бывший разведчик Николай Саксонов. С первого до последнего дня войны он воевал на передовой, перенес четыре ранения и все же вернулся в спорт.

Я вспоминал здесь атлетов, которые

приходили к победам, борясь с физической немощью и нездоровьем, собственными сомнениями, слабостью и колебаниями. Таких немало, ибо жизненный путь редко бывает от начала и до конца усыпан розами, чаще встречаются шипы. Но если тяжелая атлетика — это максимум силы, то это и максимум волевого напряжения, обостренного сознания своего долга и ответственности. В дни соревнований, каждое из которых века на жизненном пути спортсмена, снова и снова испытывается его способность к преодолению себя. Не случайно уже упоминавшийся мною Юрий Власов свою первую книгу назвал «Себя преодолеть».

Со дня рождения мы живем среди людей. Вся биография человека можно представить себе как последовательное, сознательное стремление расширять и расширять свой круг общения. Сначала этот круг невелик — в основном родные. Потом школа, вуз, предприятие. Наше окружение растет и увеличивается — и мы растем вместе с ним. И, наконец, как великое счастье полной реализации своих общественных возможностей некоторым из нас удается познать единение со всеми людьми родной страны. Мне необычайно повезло в жизни: я испытывал это чувство, стоя на пьедесталах почета крупных международных соревнований.

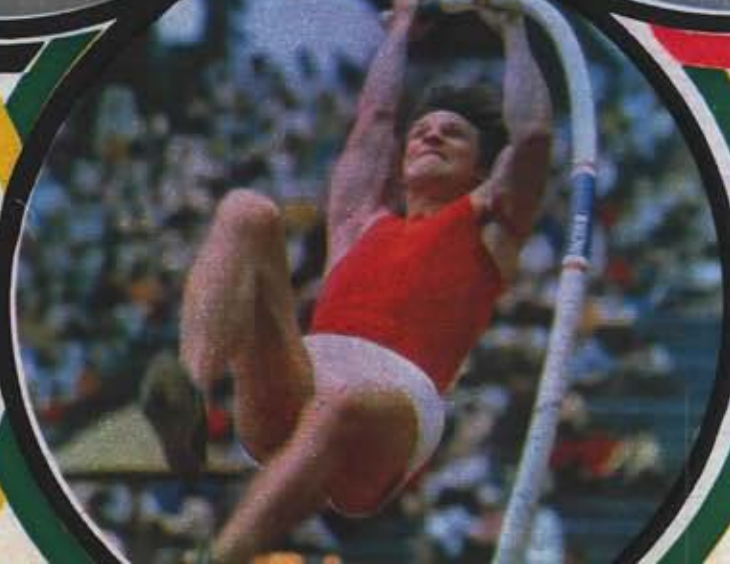
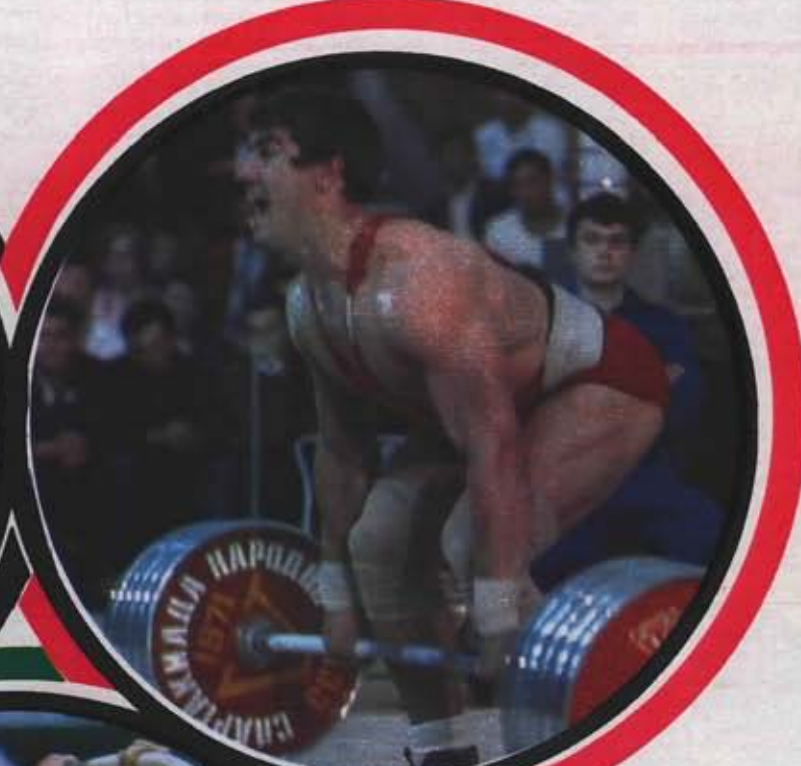
Оставив выступления, я не оставил помоста. Еще две Олимпиады встретил на посту тренера сборной команды СССР. Смело могу сказать, у нас была отличная, сплоченная команда. При этом нельзя забывать, что любая сборная — специфический организм. Дух борьбы и соперничества, спортивный азарт, который вносится буквально во все, может привести подчас к серьезным конфликтам. Быть первым — призвание спортсмена.

Победа, как лакмусовая бумажка, выявляет истинные качества человека. Один в звании чемпиона приходит в зал и с удвоенной энергией отдает себя борьбе с непреклонным «железом», а другой... Я вспоминаю, как вразвалочку спускался со ступенек отеля некий новоиспеченный чемпион, в то время как его уже полчаса ждала в автобусе вся команда. Или как другой спортсмен прямо заявлял товарищам, что отныне они должны разговаривать с ним с учетом поднятых им 375 килограммов. Смешно и грустно. Утешает только то, что подобные случаи единичны.

Помню, как, готовя команду кандидатов в олимпийскую сборную, я в порядке эксперимента предложил спортсменам самим принять участие в отборе достойнейших. Каждый заполнил анонимную анкету, назвав предполагаемый состав участников и тренера. И что же выяснилось? Слабые честно признали превосходство более сильных товарищей, а ведь им, ох, как хотелось поехать! Как потом оказалось, Владимир Голованов, например, вписал в свой список Яна Тальтса, ближайшего соперника в своей весовой категории. Думаю, что это честный поступок.

...Все начинается с малого: и сила и слабость. В воспитании характера тактических отступлений быть не должно. А после шага назад приходится заставлять себя делать не один и не два, а десять шагов вперед. Часто единственное отступление оказывается роковым. Спорт воспитывает характер, пожалуй, как никакая другая область человеческой деятельности. Мальчишка отрывает голову от подушки ранним утром и бежит в лес на тренировку... Юноша складывает в чемоданчик спортивную форму и отправляется вечером после работы или учебы в зал, отвернувшись от веселой компании... Взрослый человек (я имею в виду не возраст, а нравственную зрелость) поднимается на помост с убеждением и верой: он обязан победить!..

Быть может, я пристрастен, что, наверное, нетрудно понять, но я как-то привык больше доверять характерам, выкованным спортом.

Встать, когда упал. Выйти на старт и обратить в кулак все силы, все мужество и хладнокровие, волю к борьбе и всю страсть к победе. Старая мудрость: чтобы победить других, надо прежде победить себя. В спорте это невиданное и очевидное, чем где бы то ни было. Тут, обладая даже самым невзрачным природным дарованием, не обойтись без еще одного чрезвычайно важного человеческого качества, которое долго объяснять сложно со стороны. Тут нужен характер.

Александр ИВАНЦКИЙ,
чемпион Олимпийских игр 1964 года
по вольной борьбе,
заслуженный мастер спорта,
главный редактор Главной редакции
спортивных программ
телевидения и радио

Олимпийские сооружения нашей страны огромны, трибуны стадионов просторны и вместительны, но истинных болельщиков, поклонников бескомпромиссной спортивной борьбы, все равно неизмеримо больше, чем билетов на состязания Олимпиады-80. Стало быть, многие, очень многие останутся, что называется, за бортом и не побывают на олимпийских соревнованиях...

Не побывают... Но это совсем не значит, что болельщики будут лишены возможности посмотреть Игры XXII Олимпиады. Напротив, с моей точки зрения, они окажутся даже в более выигрышном положении, чем те счастливицы, которым удастся попасть на трибуны, поскольку очевидец, скажем, финальных боев по боксу не сможет увидеть через минуту, например, заключительный матч футбольного турнира.

Телевидение же покажет все, что только будет интересного на Олимпиаде-80. Причем сделает это с максимальной оперативностью: прокомментирует перипетии спортивной борьбы, повторит в замедленном ритме самые яркие моменты, укрупнит лица олимпийцев и, что существенно, доставит Игры со всей их красочностью и драматизмом на дом к болельщику.

Правда, такое пиршество спортивных зрелищ, каким станет в телевизионном отображении Олимпиада-80, потребует от болельщика немалых усилий и даже жертв. Придется на две недели отложить в сторону разнообразные дела и все свое свободное время отдать телевизору. Для других членов семьи, которые безо всякого интереса относятся к спорту, это грозит долгим отлучением от «ящика» — вещи, уже неотъемлемой от нашего быта. Однако давайте на минуту допустим, что с 19 июля по 3 августа нынешнего года мы не станем делиться на людей, принимающих спорт или взвращающих на него чуть свысока.

За ходом московских соревнований в июле — августе будет следить внушительная «всепланетная» аудитория. Телевизионное изображение по 20 каналам (наземным и спутниковым) можно передать практически в любой уголок земного шара.

Рядом с Останкинским телецентром выросло небольшое пятиэтажное здание современной архитектуры. По объему оно в три раза меньше существующего технического телевизионного центра. Однако электронной техникой ОТРЦ (олимпийский телерадиоцентр) начинен в три раза больше. Советские строители и инженеры в предельно короткие для мировой практики сроки создали своеобразный электронный уникум.

Московские стадионы будут буквально «нашпигованы» телевизионной техникой. Для обеспечения «международного» телевизионного изображения выставляются 250 телекамер, а для показа одной лишь легкой атлетики на Большой спортивной арене в Лужниках их предназначено 30. Между тем обычно «королеву спорта» показывают с помощью всего четырех телекамер. Год назад в Швейцарии представитель Гостелерадио СССР продемонстрировал схему расстановки электронного оборудования на Центральном стадионе имени В.И. Ленина, и в ответ раздались аплодисменты. Рукоплескали асы электронной прессы — люди, которые участвовали в организации и освещении не менее десяти зимних и летних Олимпийских игр.

Эти сотни стационарных и ручных телекамер будут установлены на земле, под водою, на вертолете, на машинах, станут передвигаться по специально проложенным рельсам, находиться в углублениях, рвах, на катамаране, под сводами спортзалов, на осветительных мачтах... И все это будет работать на «международное» изображение. Несколько слов об этом термине. Ход всех соревнований необходимо транслировать «от и до». И показывать нужно, согласно протоколу Международного олимпийского комитета, прежде всего атлетов, претендующих на призовые места, вне зависимости от их цвета кожи, гражданской принадлежности и вероисповедания.

Каждая телетрансляция по линиям связи попадает в ОТРЦ, и здесь представители телевизионных компаний выбирают то, что они считают нужным. И поэтому, например, в ГДР московскую Олимпиаду увидят под своим углом зрения. Совершенно ясно, что болельщикам этой страны будет интереснее посмотреть соревнования по плаванию, легкой атлетике, академической гребле, гандболу, гимнастике — по тем видам спорта, где лучше всего выступают спортсмены ГДР. На Кубе, видимо, предпочтут другое:

бокс, баскетбол, штангу и легкую атлетику. В Венгрии — фехтование, водное поло, пятиборье, футбол. Во Франции... Словом, предоставляя 20 каналов, мы понимаем, что наши Игры будут показаны с 20 разных точек зрения (добавьте сюда еще 100 радиоканалов).

А что увидят наши телезрители? Вопрос и простой и сложный. Простой, потому что по I программе ЦТ будет показано все самое интересное и, конечно же, практически все финалы. А сложный, потому что с маху вот этак не ответить на элементарное: «Что же считать «самым-самым»?»

Перед монреальской Олимпиадой Николай Озеров, выступая в программе «Время», задал вопрос болельщикам: «Что бы вы хотели посмотреть прежде всего и в каком объеме?» Мы получили массу писем и подытожили: на первом месте, как и ожидалось, оказался футбол. А после Игр анкетирование показало: «кожаный мяч» отодвинулся на восьмую позицию. Было ли это для нас неожиданностью? Нет. По долговому опыту мы знаем, что олимпийская табель о рангах по-своему расставляет разные виды спорта. Футбол на чемпионате мира — это одно, а на Играх — совсем другое.

Есть ряд обстоятельств, которые также влияют на формирование зрительского интереса. Победа, особенно неожиданная, может Золушку мгновенно превратить в принцессу. Вспомните легендарный финиш Валерия Борзова на стометровке в Мюнхене. Потом этот триумфальный для нас финал крутили по «телику» чуть ли не дюжину раз. И все было мало. Препятствием телевизионный легкоатлетический «паек» оказался нам скудным. Таким образом, учитывая традиционные привязанности болельщиков и динамику интереса к олимпийскому спорту, мы сейчас несколько изменим привычную иерархию видов спорта на телеэкране.

По I программе ЦТ будет ежедневно транслироваться четыре спортивных блока. Первый начнется в 8.40 и будет длиться всего 20 минут, эта спортивная информационная программа расскажет об олимпийских событиях предыдущего дня. Второй стартует в 10.00 и поведаст об утренних состязаниях. Он продлится до 15 часов. Третий начнется в 19.00 и окончится в 21.00. А вечером, после программы «Время», предполагается в течение получаса транслировать «Дневник Олимпиады». Этот четвертый блок несет, пожалуй, основную нагрузку. Если учесть, что в самую напряженную пору соревнования будут проходить одновременно на шестнадцать спортивных аренах, то перед «Дневником» задача стоит не из легких: рассказать все обо всем. Десятиминутные информационные сюжеты будут предварять и завер-

ТВ: С

Фото
 Владимира
 ЧЕЙШВИЛИ

шать второй и третий блоки, а случись что интересное на других стадионах, в ходе репортажей будут делаться перерывы для экспресс-информации (минута, не более). Кстати, ради уникального события может быть прервана и любая другая, неспортивная передача. Словом, зрителей I программы не посчитаешь обойденными. Это важно, поскольку только она имеет у нас повсеместное распространение.

IV программа ЦТ доступна в основном жителям Европейской части территории СССР. По этой программе спорт будет идти с 10 утра до 21 часа с перерывом на передачу «Спокойной ночи, малыши». Формируя IV программу, мы постараемся учесть интересы разных республик и географических районов нашей страны. Так, хорошо известно, что велоспорт, баскетбол, ручной мяч вызывают повышенное внимание в наших прибалтийских республиках. На Кавказе же вкусы несколько иные — здесь больше всего любят футбол, борьбу... Поэтому IV программа хотя и условно, но рассчитана на болельщиков не широкого профиля, а тех, кто, будь у него даже возможность свободного выбора, ходил бы только на «свой», избранный вид спорта.

Приглашая вас к олимпийскому телеэкрану, я надеюсь, что вы помните — первая наша трансляция начнется 19 июля в 16 часов по московскому времени. Торжественная церемония в Лужниках откроет новую страницу в спортивной летописи — Игры XXII Олимпиады.

И тем не менее сказано еще не все... Вы когда-нибудь видели телепередачи по марафону, спортивной ходьбе, стендовой стрельбе, парусным, велосипедным гонкам, стрельбе из лука, конному троеборью?.. Не торопитесь говорить «да». Если и видели, то киносюжеты, или спортивные документальные фильмы, или, если вам повезло, нечто вроде пробных репортажей. Это вполне объяснимо. Есть виды спорта телегеничные, есть не очень удобные для голубого экрана, а есть такие, которые вообще вроде бы невозможно продемонстрировать электронным способом. Беды тут особой нет. То, что пользуется особой популярностью и традиционно показывается по телевидению, мы дадим в виде прямых репортажей или видеозаписей. Остальное отнимем на киноленту и тоже покажем пяти- или десятиминутными сюжетами.

Но постойте, кто это и когда сказал, что спорт делится на тот, который хорошо смотрится на голубом экране, смотрится так-сяк и вообще ни в какие телевизионные ворота не лезет? Попробуем разобраться на примере хотя бы хоккея. Уж кто-кто, а он, возведенный в рыцарский ранг, на удивление, пришел к телевизионному двору. За что же такая горячая любовь? Ну, прежде всего, конечно, за успехи нашей сборной. А кроме того, за скорость, динамику и за то, что хоккей укладывается в четко ограниченное игровое время.

Телепрограммы рассчитаны по секундам. И любая задержка ставит «эфир» под угрозу срыва. Программа, как говорят на телевидении, начинает «ползти». Задерживаются другие передачи, а среди них есть такие, которые обязаны выходить в строго фиксированное время. Приходится что-то сокращать на ходу, заполнять резервом паузы, а тем временем уходит из нужной зоны космический спутник связи. Словом, замешкались на секунды, а хлопоты доставили громадному количеству людей.

Конечно, лаконичность хоккея — немаловажное его преимущество. В наш нетерпеливый век вряд ли кто-нибудь выдержит многочасовое сидение, разве что в исключительном случае. Вот и попробуйте поставить в программу, скажем, непрогнозируемый волейбол. Сколько продлится игра — три, четыре, пять партий, 30 минут или два часа? Сегодня прямая трансляция (предпочтительная форма репортажа) для волейбола — редчайшее исключение. Если матч

чательно запутать читателей, остается заявить, пожалуй, последнее. Телевидение — это сила, которая сама по себе нейтральна. Если фехтование, штанга, водное поло, самбо, виндсерфинг, пинг-понг, планеризм не подчиняются законам телевидения, они игнорируются им...

А что значит подчиниться? И надо ли? И в какой мере спорт должен идти навстречу ТВ? И почему навстречу телевидению, а не наоборот?.. Телевидение, вторгаясь в нашу жизнь, ощущение меняет ее. Развиваясь, завоевывая космос, ставя себе на службу новейшие технические открытия (лазер, волоконную оптику), оно будет влиять на действительность еще больше. Не станем вдаваться в подробности всех этих процессов. Но недаром люди, собираясь на новое место работы в дальние края, кроме традиционного: «А какая там погода?» — спрашивают: «А есть ли там телевидение?»

Если спорт достойно представлен на телеэкране, то у него есть преданная армия болельщиков. На мой взгляд, это аксиома. В таком случае тот вид спорта, который появляется на голубом экране от случая к случаю или вообще не заявлен, приверженцев не имеет или имеет так мало, что их голоса еле слышны. Все это серьезнее, чем может показаться. Для государства небезразлична судьба той или иной спортивной дисциплины: достаточно ли активно развивается, например, пинг-понг или, допустим, борьба. Виды спорта между собой различаются уровнем разносторонности, способности развить человека физически и духовно. И многие спортивные дисциплины дают людям тонны здоровья, необходимого для продуктивного труда в любой сфере деятельности, для отличного настроения, для содержательной жизни, наконец.

ТВ сделало для физической культуры уже немало. Как только оно стало цветным, притягательность спортивных зрелищ резко возросла. Телевидение изобрело замедленный повтор, и эта «машина времени» начала работать на спорт. Видеозапись, электронный монтаж, выбор наиболее удобного для людей времени — все это тоже в поте лица трудится на благо спорта. Длиннофокусные объективы, которые за сотни метров позволяют увидеть веснушки на лице, пригодились прежде всего на соревнованиях, поскольку там действие происходит не в павильоне и «актеры» находятся далеко от камер. Мощная оптика нужна была не ради веснушек, которые сами по себе достаточно симпатичны, а ради выявления эмоционального состояния атлетов. Ведь все чаще «голы, очки, секунды» вызывают гораздо меньший интерес, чем психология поединка. Через человека, с помощью

не. Например, выступление гимнастки нетрудно будет превратить в некую фантастическую феерию, своеобразное «шоу», причем воздействие его на публику может быть усилено музыкой. И это лишь десятая часть возможностей этой новой уникальной аппаратуры, которую я назвал бы «электронным вариатором».

Как видите, телевидение ищет новые и новые пути для усиления выразительности спортивных передач, привлечения к ним внимания многомиллионной аудитории. Ну, а как реагируют на это разные спортивные дисциплины? Особенно те, которые находятся в тени телевизионных юпитеров?.. Возьмем мою любимую борьбу вольного стиля. В период подготовки к московской Олимпиаде она доставила нам немало хлопот. Правила в борьбе столь сложны и запутаны, что даже не всякий мастер спорта сможет выполнить, например, роль ответственного секретаря борцовского турнира. А постоянная неразбериха со штрафными очками и прочими судейскими тонкостями... Самому опытному комментатору трудно объяснить ситуацию болельщикам. Пока начнешь расставлять точки над «i», — глядишь, один из борцов уже на лопатках.

В Монреале телевидение не сумело разобраться в специфике борьбы и потерпело конфуз. Эфирное время ценится дорого. Поэтому, решив не показывать предварительную часть турнира, все телекомпания нацелились на завершающий день. Нацелились и промахнулись. В финальной части были piedestалы почета, торжественная музыка, а поединки шли лишь за серебро и бронзу. Согласитесь, церемонии награждения, показанные десять раз подряд, — зрелище хоть и внушительное, но явно не телевизионное. Так вместо двухчасового репортажа пришлось телекомпаниям ограничиться минутным сюжетом в информационной программе. Вместо, поверьте, блестящих схваток, о которых вспоминали бы и поныне, которые бы сагитировали в «классические» и «вольные» борцы легионы мальчишек...

А казалось бы, чего проще. Рядом существуют бокс и дзюдо, которые избавлены от вышеназванных недочетов. Болельщику, следящему, скажем, за поединками на ринге, не надо дрмать голову и делать сложные математические подсчеты. Проигравший боксер выбывает из турнира. Все просто и понятно. И что самое существенное, в финале действительно происходит главный поединок и лишь затем награждение. Это называется «олимпийской системой» выявления победителей. Она общепринята и действует безошибочно во многих видах спорта и турнирах любого ранга. Но теперь проблема с показом борьбы, наконец, разрешена, в чем, я надеюсь, убедятся зрители. На Олимпиаде-80 телевидению будут непод-

МАШИН ДЛЯ ВСЕХ

начинается в 22 часа, то рискнуть можно: завершая программу этим репортажем, не допустишь передержки. После ведь все равно нет ни концерта, ни кинофильма. Хотя и тут не особенно разгуляешься — зрителям ночные телебдения ни к чему.

Но телегеничность хоккея определяется не только его временной компактностью. На одном международном симпозиуме обсуждались различные творческие подходы к показу спорта, в частности хоккея. Азартно спорили канадские, шведские, чехословацкие спортивные тележурналисты, а представители Африки, Юго-Восточной Азии, Австралии, Латинской Америки остались к дискуссии равнодушны. Реплики, которыми они обменивались в момент демонстрации хоккейных видеозаписей, прояснили ситуацию. Они просто не понимали игры, не знали ее правил и не видели шайбы на телеэкране, точнее, не успевали следить глазами за этой юркой каучуковой черной точкой.

Я поначалу удивлялся: как это не видно шайбы? А потом мне довелось оказаться на их месте, когда показывали бейсбол. Куда бьют? Зачем бегают? И разве угладишь за этой крохотулей-мячиком! Зевота, а не спорт. И чего это сотни тысяч болельщиков беснуются на трибунах?.. А возьмите теннис. В Англии знаменитый Уимблдонский турнир могут смотреть и день, и два, и три подряд. У нас же с трудом удается отстоять в программе «получасовку». Считается, что этот вид спорта мало кого способен заинтересовать.

Поэтому, чтобы не допускать несправедливости, надо принять за основу следующее. Для телевидения, вопреки сказанному выше, нет неприемлемых видов спорта. Все они для голубого экрана привлекательны. И, понимая это, телевидение ведет неустанную борьбу за будущее множества спортивных дисциплин. Но позвольте, почему надо воевать за то, что и так достаточно привлекательно? Для того, чтобы окон-

крупного плана, ярче проявляется эстетика спорта. О сюрпризах не принято говорить заранее. И тем не менее я собираюсь сообщить читателям о двух новшествах, которые мы намерены использовать в олимпийских телепередачах. Думаю, что мои слова не помешают нашей аудитории получить удовольствие от любопытнейших новых зрелищных эффектов.

Готовясь к трансляциям состязаний Олимпиады-80, мы задумались над одной проблемой. Есть фотографии, на которых движение выглядит подобно развернутому вееру. На таких снимках последовательно, одна за другой, запечатлены все фазы движения. «А если расчленим движение и на телеэкране?» — такой вопрос был задан нашим инженерам. Оказалось, что сегодня аппаратура для такого показа уже создана. С ее помощью замедленный повтор острого момента будет похож на то, как будто выстроили на столе костяшки домино, толкнули последнюю и все они плавно одна за другой повалились на стол. Так, на телеэкране, скажем, полет футбольного мяча становится зримой пунктирной линией. Вы видите, как мяч оторвался от ноги игрока, проскокил между защитниками, обогнул вратаря и срикошетил от штанги. Кстати, этот способ показа будет не только интересным для зрителей, но и полезным для спортивных специалистов, так как послужит неопровержимым аргументом в разного рода спорных ситуациях...

Второе техническое новшество не имеет прямого отношения к спортивным трансляциям, оно по своим возможностям гораздо шире, но применить его впервые мы постараемся именно на Олимпиаде-80. Вы когда-нибудь бывали в комнате, где установлены десятки зеркал, и ваше изображение дробилось, множилось, повторялось десятки раз, и двойники копировали ваши движения, заворачивая вас?.. Примерно то же сможем делать и мы теперь на телеэкра-

властны разве что только пулевая стрельба и стрельба из пистолета (одна из дисциплин пятиборья) да еще парусные гонки. Хотя последние мы все-таки постараемся показать и телевизионными средствами и с помощью кино. Все остальное стало доступно голубому экрану. И это, может быть, один из первых рекордов XXII летних Олимпийских игр!

Но не получается ли после всего сказанного престранная вещь? Отдав много лет спорту и как борец и как журналист, я вроде бы призываю зрителей к двухнедельной неподвижности. Спорт, стало быть, превратится в одну из причин гиподинамии, двигательного голода, справедливо считающегося бичом нашего времени...

Шестнадцать дней созерцания «телевизионных Игр», конечно, вряд ли пойдут на пользу вашему здоровью. Но зато за это время вы получите столь мощный эмоциональный заряд, что, несомненно, резко улучшите свое мнение о спорте. И пусть не каждый из вас захочет после этого крутануть салты с трамплина или выйти на баскетбольную площадку, все же стремление как-то приблизиться к спорту, наверное, посетит вас. И, уж безусловно, можно надеяться, что вы возьмете за руку своего ребенка и отведете его в ближайшую секцию, — кстати, не так уж важно, в какую.

Все затраты времени, сил, терпения спорт возвращает сторицей. И не только мышечной радостью. Здоровый, сильный, ловкий, смелый человек, я убежден, воспринимает мир иначе, более оптимистически, более ярко и непосредственно, а в конечном счете и более творчески (если только не лишать физическую культуру признаков культуры вообще). И я надеюсь, что олимпийский телеэкран продемонстрирует именно творческие возможности спорта во всей полноте.

Впрочем, словами этого не опишешь — Олимпиаду надо видеть!

Юрий ТИТОВ,
президент Международной федерации гимнастики, чемпион
Олимпийских игр, абсолютный чемпион мира и Европы, заслуженный мастер спорта

Они, эти маленькие румынки, просто как каменные. Такие сильные девочки — диву даешься! Почти каждая из них обладает столь мощным мышечным арсеналом, что, даже начав движение с ошибкой, может неимоверным усилием — на ходу, в полете — вывернуться и встать, как влитая. Их лидер Надя Комэнечи, героиня Игр в Монреале, мне кажется, уже миновала свой спортивный пик да к тому же совсем недавно ушла от тренера, вырастившего ее. Но юная смена Нади, целая плеяда гимнасток Румынии, способна составить самую серьезную конкуренцию советским спортсменкам.

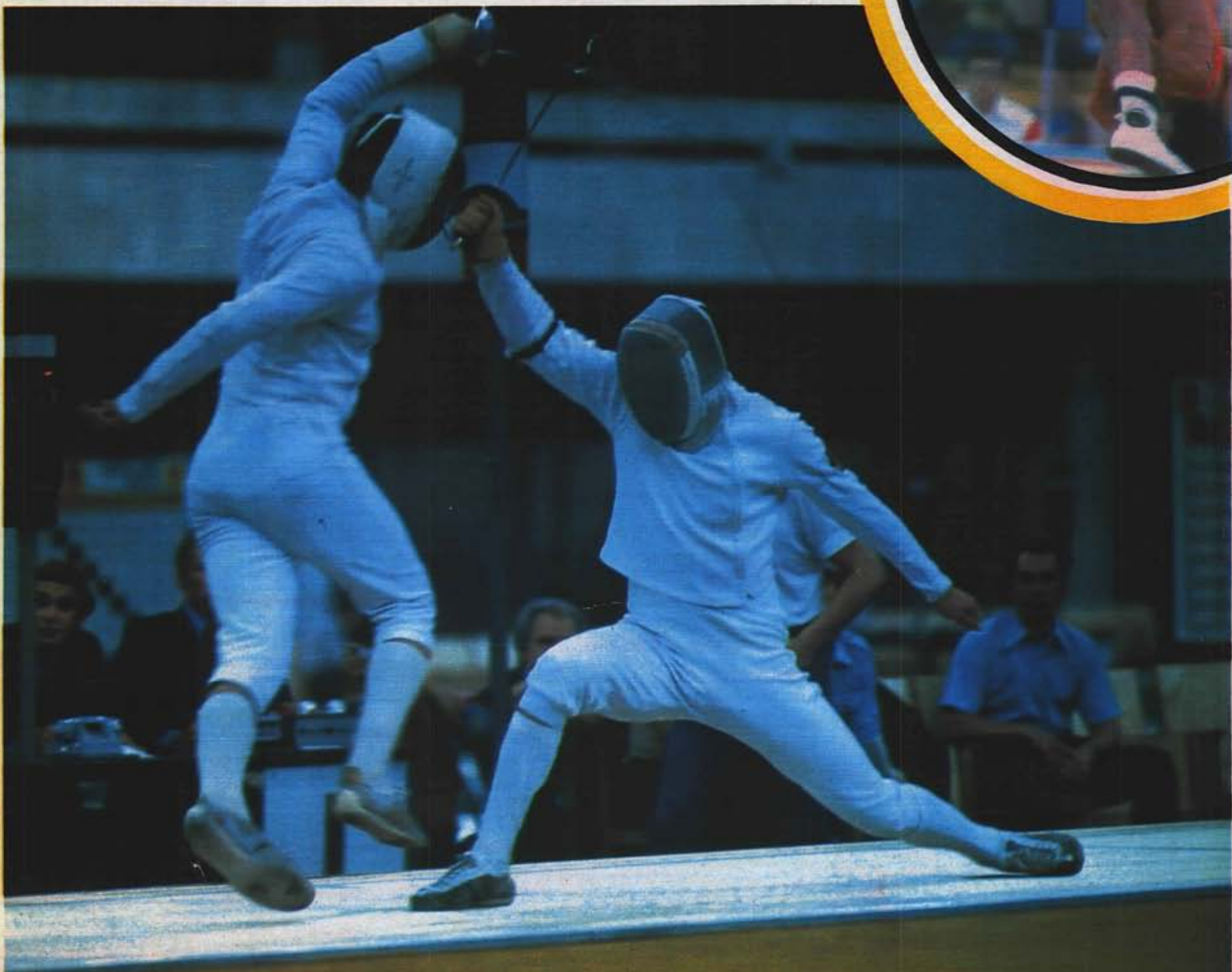
Я сознательно не называю имен наших соперниц, не хочу попасть впросак перед читателем, который сегодня знает уже боль-

ше меня. Дело в том, что строки эти будут опубликованы в дни, когда умы всех верных поклонников нашего вида спорта властно заполонит олимпийская гимнастика-80. А я-то пишу в преддверии Московских Игр, по свежим впечатлениям от чемпионата Европы среди юниоров в Лионе и не берусь предсказывать, кто из этих сосредоточенно-суровых, сильных и гибких, не ведающих страха и сомнений румынок расцветет за оставшиеся месяцы, превратится в настоящего мастера. А впрочем, это относится и к юным спортсменкам других стран.

Лион еще раз убедил меня в том, что гимнастика идет юным спортсменам, что она им к лицу. Просто приятно было смотреть, как гармонично выглядели на снарядах эти мальчишки и девочки, которых в мои времена и близко к помосту не подпустили бы. Спорт и вообще-то дело молодое, а наш вид, где

Путь на Олимп: слагаемые победы

МАСТЕРСТВО

Точные и прекрасные слова: наука побеждать. Именно наука, ей нужно долго и терпеливо учиться, ее надо упорно и неспешно постигать. Мастерство необычайно красиво в любом деле, но особенно, пожалуй, в спорте, который воочию демонстрирует безграничные возможности человеческого тела и духа. В отточенном и быстром, как молния, выпаде фехтовальщика, в полном грации и легкости полете гимнастки, в неудержимо резком броске борца, в напоминающем о мифических кентаврах слиянии всадника и лошади — во всем этом подлинное мастерство.

наряду с силой требуется изящество, наряду с уверенностью в себе — легкость, наряду с техническим совершенством — раскованная эмоциональная свобода, наряду со зрелым артистизмом — открытая искренность, моя любимая гимнастика неминуемо должна была пережить омоложение. И европейский чемпионат юниоров подтвердил, что им, школьникам, детям, по сути, удается выступать без срывов и падений, без травм, без потуг и мук — свободно и красиво. Так, что капля пота лба не оросит.

Бурный прогресс гимнастического мастерства, которым ознаменовалось минувшее десятилетие, связан, на мой взгляд, почти исключительно с совсем молодыми спортсменами. Феномен Ольги Корбут с ее отчаянно смелыми элементами — знаменитой «петлей Корбут» и сальто на бревне — вызвал в свое время необычно резкие споры среди специалистов в гимнастике. А спустя недолгое время открытия, сделанные этой обаятельной девчушкой и ее удивительным тренером, я бы сказал, большим провидцем, во многом обогнавшим свое время, Ренальдом Ивановичем Кышшем, стали достоянием многих. И «перелет Ткачева», казалось бы, разрушивший привычные представления о возможностях

человеческого тела, и выполняемые на перекладине большие обороты на одной руке — все это привнесли в наш спорт юниоры.

Мастерство куют смолоду — эта теперь уже банальная истина стала очевидной лишь совсем недавно. Мальчики и девочки, не успевшие закостенеть в двигательных навыках и штампах, естественно, оказываются гораздо восприимчивее, энергичнее, пластичнее, чем взрослые спортсмены. На то же самое, на что в двадцать лет требуются годы яростной, исполненной чудовищного самоотречения работы, в десять — достаточно бывает месяца. И притом — «как бы резвяся и играя». В сущности, возражения радителей тихой, статичной, неторопливо-степенной гимнастики, которым выступления Корбут казались потрясением основ, были не чем иным, как проявлением старческого бессилия перед веселым и дерзким напором молодости.

И главными нашими победами на мировом гимнастическом помосте мы обязаны тем, кто, понимая эти закономерности, предвидел, по каким путям будет развиваться наш спорт. Мне хотелось бы сказать здесь слова благодарности Владиславу Степановичу Растороцкому. Этот замечательный тренер, работая с Людмилой Турищевой, в ту пору гимнасткой номер один, завоевавшей все мыслимые награды и титулы, параллельно и с большим упреждением готовил Наталью Шапошникову. Ее упражнение на бревне, показанное в 1978 году, и по сей день самое сложное, самое тонкое и техническое в мире (впрочем, Олимпиада-80 вполне может внести коррективы в это утверждение). И новая воспитанница Растороцкого Елена Пономаренко, славная и, я бы сказал, весьма уже мастеровитая девочка, тоже сделала существенный шаг вперед — ее комбинация на брусьях неожиданно для всех, что было в Лионе, оказалась необычайно яркой.

Понятия о мастерстве в спорте заметно изменяются буквально на глазах. Пятнадцать — двадцать лет назад спринтеру, чтобы

получить звание мастера спорта СССР, достаточно было показать время, с каким, я думаю, сегодня и первого разряда не добудешь. А в гимнастике, на мой взгляд, перемены еще значительнее, хоть и труднее определимы.

Четыре года назад меня избрали на пост президента Международной федерации гимнастики (ФИЖ), самой почтенной по возрасту среди подобных спортивных объединений — ей 99 лет. Именно возрастом ФИЖ я и объясняю тот факт, что она накопила так много разного рода традиций и канонов, иные из которых уже отжили свое и начали тормозить развитие нашего вида спорта. В сочетании с неизбежной субъективностью судей, которым, как и всякому человеку, свойственно принимать во внимание соображения типа «нравится — не нравится», все это создавало определенные трудности.

С самого начала своей новой деятельности я занял активную позицию, в чем меня поддержало большинство членов ФИЖ. И некоторых сдвигов нам удалось добиться. Так, приняты и обнародованы новые правила проведения соревнований и оценки выступлений спортсменов — этот кодекс отличается от прежнего большей точностью, обстоятельностью и, мне кажется, справедливостью, он нацелен на стимуляцию развития нашего спорта в молодых гимнастических державах. В канун Олимпиады-80 в Москве прошли семинары судей по мужской и женской гимнастике, где все мы смогли выработать достаточно близкие точки зрения на проблемы мастерства. А главное, впервые в гимнастике стала на законных основаниях использоваться видеомониторинговая запись, которая превратилась теперь не только в электронную память для спортсменов и тренеров, но и в документ для судейской коллегии. И вот первый успех нововведения — на турнире в Лионе одна из судей ошиблась и занизила гимнастке оценку. После апелляции и просмотра видеозаписи удалось вернуть спортсменке две десятых балла. А раньше это была бы не заживающая на много лет обида для девочки.

Но все-таки даже самыми глубоко продуманными правилами всего не предусмотреть. Поэтому, я считаю, очень важно договориться до общих, глобальных предостережений о том, что же такое мастерство гимнаста. И не только договориться, но и обнажить эти принципы, как шпагу, готовую к действию. По моему мнению, мастерство складывается в гимнастике из трех основных элементов, не равных между собой по степени важности, но равно необходимых спортсмену, чтобы его стали считать большим спортсменом.

Во-первых, техническое совершенство. В сущности, выступление гимнаста — это каскад разного рода движений, выполняемых с помощью спортивного снаряда. И чем сложнее эти движения, чем неожиданнее их соединения, чем энергичнее ритм упражнения, тем и выше техника спортсмена. Загляните в любой тренировочный зал и посмотрите, что они делают долгими часами, упорно и настойчиво, в поте лица своего, эти мальчики и девочки. Они разучивают движения и связи между ними. Они вырабатывают собственную

двигательную культуру, кропотливо, по крупицам прибавляют себе силу и легкость, взрывчатость и пластичность. Они учат свое тело летать.

Во-вторых, стиль. Это слово для меня означает многое. Оно вмещает в себя и артистичность манеры, и эстетичность движения и осанки (причем в сопряжении того и другого — недаром в гимнастике прижилось понятие «динамическая осанка», то есть умение красиво, чисто, правильно держать себя не только в статичном положении, но и в махе или полете), и соответствие зримого образа спортсмена вкусам своего времени. Я говорю «стиль» и вижу перед собой Марию Гороховскую, Надю Комзечи, Наталию Кучинскую — каждая из них в разные времена обладала настолько полным попаданием в тайные мечты публики гимнастического турнира, настолько точным совпадением со вкусами, модой, понятиями о красоте, что им аплодировали стоя, до боли в ладонях.

И, в-третьих, стабильность. Мастерство в этом виде спорта требует особой надежности и потому еще, что гимнаст всегда сражается не только за свою собственную победу, но и за победу всей команды, высокие баллы для него — это прежде всего выполнение долга перед товарищами, перед тренерами, перед всеми, кто любит гимнастику. А чего стоит такая надежность порою? Я бы сказал, мужества, сильной воли, самообладания. Тут можно привести множество примеров. В олимпийском Риме Николай Милигулов выступал после того, как ему сильно прищемило четыре пальца на руке дверью автомобиля. Михаил Воронин на Играх в Мюнхене не раз выходил на помост с распухшей от неудачного соскока ногой. Виктор Клименко, будучи уже олимпийским чемпионом, разорвал однажды «ахиллесово сухожилие», но, зная, что он нужен команде, что нет у него полноценной замены, на ближайших соревнованиях он после операции — в гипсе! — вернулся в тренировочный зал и стал работать на полке и кольцах, стараясь спрыгивать на пол так, чтобы попасть на здоровую ногу. Да и мне самому на Олимпиаде в Мельбурне пришлось выступать после того, как я всадил в колено здоровенную занозу и перенес пусть и не очень сложную, но все же операцию на этом суставе.

Подобные поступки мы не считаем каким-то подвигом, это, пожалуй, норма поведения в большом спорте, который и вообще-то требует мужества. Говоря о высокой стабильности как условии настоящего мастерства, я имею в виду скорее нечто иное — подвиг всей спортивной жизни. Вот блистательная Людмила Турищева — для нее не существовало «не могу» и уж тем более «не хочу». Было только «надо». Каждый раз, вне зависимости от настроения, самочувствия, своей жизненной ситуации, она выходила на помост бороться за каждую сотую долю балла... То же можно сказать и о югославском гимнасте Мирославе Цераре, которого не только охочие до хлестких формулировок журналисты, но и свои же братья-гимнасты называли «чемпионом трудолюбия», хотя при этом он был и чемпионом олимпийским. Или Борис Шахлин, «железный Шахлин», в котором сочетание редкого спортивного таланта и необычайной силы характера породили замечательный сплав — не железный, я бы сказал, а золотой. Многие годы я соперничал с ним на помосте и не единожды проигрывал ему, так что мне лучше, чем кому-либо, известны его человеческие и «гимнастические» свойства, среди которых не последнее место занимала стабильность.

В гимнастике не существует рекордов, лишь редкие знатоки могут припомнить, какое количество баллов с десятилетиями и сотыми долями некогда чемпионы. Но зато подлинные открытия в нашем спорте навсегда сохраняют имена своих пионеров, подобно островам и горным пикам. Вот так на гимнастической «карте мира» отразились заслуги советских гимнастов: «петля Корбут», «вертушка Бурды», «перелет Ткачева», «прыжок Давыдовой»... Как знать, может быть, Игры XXII Олимпиады впишут в этот реестр новые «изобретения» Николая Андрианова и Александра Дитяткина, Нелли Ким и Наталии Шапошниковой? Но даже если этого и не случится, Олимпиада-80, я убежден, еще раз подтвердит всему миру, что без высокого, отточенного, рожденного талантом и трудолюбием мастерства — вне зависимости от вида спорта! — нет и быть не может большой спортивной победы.

НА БОЛЕЛЬЩИКОВ НА ЗАСЛОНОВЫЕ!

«Одна, но пламенная страсть» — эти слова сегодня можно с полным правом отнести к болельщикам, объединенным искренней, бескорыстной, неутомимой любовью к спорту. Вот уж воистину вселенский клуб! Стоит сойтись вместе в любой точке мира нескольким людям, любящим и понимающим, скажем, футбол, как тут же возникает особого рода братство, обнаруживается взаимопонимание, проявляется симпатия друг к другу. Пародем в этом клубе служат забываемые имена Пеле и Яшина, Маццолы и Бобби Мура, Боброва и Круиффа... Со сладостными вздохами вспоминают товарищи по «болению» легендарные голы и сказочные спурты, фантастические прыжки и исторические заплывы... И глаза их молеют, плечи распрямляются, жесты становятся исполненными энергии и мужества.

В канун открытия Игр XXII Олимпиады в Москве спортивная «болезнь», похоже, стало своеобразной эпидемией, охватившей всю нашу планету и выплеснувшейся даже в космическое пространство. Мы обратились к путешественнику Ю. Сенкевичу, сталевару В. Кляеву, кинорежиссеру С. Росточкому, дрессировщице И. Бугримовой, актеру В. Невинному с просьбой рассказать о своем отношении к спорту. А в один из дней, когда на околоземной орбите находился интернациональный экипаж научно-исследовательского комплекса «Салют-6» — «Союз-35» — «Союз-36», состоялась пресс-конференция, на которой космонавты Л. Попов и В. Рюмин, В. Кубасов и Б. Фаркаш ответили по телевизионным каналам связи на вопросы журналистов. Задал свой вопрос и журнал «Смена», адресуя его одному из космических «долгожителей», В. Рюмину:

— Какие виды спорта из олимпийской программы привлекают вас как болельщика?

Валерий РЮМИН,
Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

Я БЫ С УДОВОЛЬСТВИЕМ, ЕСЛИ БЫ БЫЛ НА ЗЕМЛЕ В ЭТО ВРЕМЯ, ПОСМОТРЕЛ БАСКЕТБОЛ, ЛЕГКУЮ АТЛЕТИКУ И ФУТБОЛ.

Прокомментировать этот краткий ответ, прозвучавший из космоса, мы попросили товарища Рюмина по предыдущему космическому полету, длившемуся около полугода, командира экипажа орбитального комплекса «Союз» — «Салют-6» — «Прогресс» полковника В. Ляхова.

Владимир ЛЯХОВ,
Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

Мне понятно, почему Валерий первым назвал баскетбол. Он самый высокий среди наших космонавтов (его рост 184 см) и очень недурно играет в баскетбол. В Московском лесотехническом институте, где он учился, Рюмин играл за третью команду, а за первую выступал нынешний капитан советской сборной по баскетболу Сергей Белов...

Даже если Валерий и не сможет прийти в эти дни на стадион, он все равно увидит состязания Олимпиады-80. Еще в нашем с ним полете космонавтам была предоставлена возможность смотреть передачу земного телевидения, и я помню, как мы с ним болели за наших ребят во время матча

СССР — Чехословакия, решавшего судьбу золотых медалей чемпионата мира и Европы по хоккею. Наши победили, и, честное слово, они нашли благодарный отклик у своих болельщиков не только на Земле, но и в космосе.

Вообще к хоккею мои коллеги традиционно относятся с большим интересом — в том числе и потому, что этим видом спорта увлеклся первый космонавт Юрий Алексеевич Гагарин. Я был еще космонавтом-слушателем, когда не раз наблюдал Гагарина на коньках и с клюшкой в Звездном городке. Играл он так же всерьез, азартно, самозабвенно, как делал в своей поразительной жизни все.

Вообще спорт для людей моей профессии — это и любовь и необходимость. Без активнейших занятий физической подготовкой, я думаю, просто невозможно успешно выполнять тот объем работы, которая нам поручена. В предполетный период мы трижды в неделю по два часа отдаем спорту, да плюс ежедневная и довольно основательная зарядка, да плюс вполне добровольные спортивные игры. И хотя врачи не рекомендуют нам футбол, поскольку опасаются всяческих травм, мы, признаюсь по секрету, все-таки играем. Кстати, отличным футболистом зарекомендовал себя венгерский космонавт-исследователь Берталан Фаркаш, который в конце мая — начале июня побывал вместе с Валерием Кубасовым в орбитальном комплексе, где продолжают работать Леонид Попов и Валерий Рюмин. Да и у меня был в годы учебы в летном училище первый разряд по футболу.

У нас с моим космическим побратимом много друзей среди спортсменов. Вот недавно приезжал ко мне выдающийся хоккеист Владимир Петров, ходили мы с ним на рыбалку и наловили штук двадцать карасей, здоровых, ну просто как лапти. Вообще космонавты и спортсмены, на мой взгляд, имеют много общего в судьбах и жизненных позициях. Так же, как у нас, у них долгая и скрытая от людских глаз, изнурительная и порою однообразная черновая работа предшествует относительно коротким и ярким периодам, когда они оказываются на виду у всей планеты. Так же, как у нас, у них успех приносит товарищеская спайка, взаимовыручка, чувство локтя. Так же, как у нас, у них наиболее сильные коллективы складываются непременно из сильных же личностей. И подобные параллели можно проводить еще долго...

Впрочем, наверное, я напрасно разделяю спортсменов и космонавтов. Хотя бы потому, что Валерию Рюмину и мне были недавно присвоены почетные звания «Заслуженный мастер спорта» за установленные нами мировые рекорды продолжительности, дальности и высоты в совместном космическом полете на орбитальном научно-исследовательском комплексе. И пусть космические полеты не включены пока в программу Олимпийских игр — мы будем смотреть эти замечательные соревнования с большим чувством личной причастности.

Станислав РОСТОЦКИЙ,
народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, лауреат премии Ленинского комсомола

Тысячи людей в газетах, журналах, по радио и телевидению говорят сейчас о том, за что они любят спорт, почему эта любовь закономерна, с каким нетерпением ждут они Олимпиаду-80. И они правы, потому что не любить спорт нельзя, так же, как нельзя не любить жизнь, землю, на которой ты родился, улыбку ребенка, цветы.

И все же я начну с того, за что я не люблю спорт или, вернее, когда я его не люблю.

Я не люблю спорт, когда огромный, тяжелейший и, несмотря на это, радостный труд ради счастья преодоления самого себя превращается в скучную — из-за отсутствия большой цели — ненужную ни спортсменам, ни зрителям работу.

Я против дилетантства в спорте, но я против и делячества. Я прекрасно понимаю, сколько усилий должен приложить и самоограничений выдержать спортсмен, чтобы сегодня добиться высоких результатов. Но никогда не надо забывать, что спорт игра и праздник, а не будни и подневольный труд.

Я не люблю спорт, когда во имя достижения результатов приносится в жертву красота, духовность, а порой и само здоровье спортсменов. Спорт должен способствовать гармоническому развитию людей, а не воспитанию монстров, ощущению полноты жизни, а не ее ограниченности.

Я не люблю спорт, когда он разъединяет людей, а не объединяет, потому что дилетантство среди зрителей тоже опасно. У настоящего любителя и ценителя спорта при всем

патриотизме всегда найдется чувство уважения и радости за красиво и честно победившего соперника.

Если суммировать все мои «не люблю», то легко обнаружить причины, порождающие эту нелюбовь.

Недаром слова «физкультура и спорт», несмотря на всю разницу наполняющего их содержания, соседствуют даже в названиях руководящих спортом организаций.

Олимпиада-80 — это для меня праздник Физкультуры и Спорта.

Я люблю спорт, потому что он объединяет людей. Потому что настоящий спорт всегда исполнен благородства, мужества, красоты, силы, самопожертвования.

Я люблю спорт, потому что это всегда спектакль, имеющий ясный и точный конфликт и сюжет, который никогда заранее не известен зрителям.

Я люблю спорт за точность и объективность результата, наверное, потому, что такой точности и объективности никогда нельзя добиться в искусстве. И в этом можно позавидовать спортсменам.

Им можно позавидовать также и в том, что, утверждая себя и побеждая соперников в честных и открытых боях, они не приносят никому вреда, позавидовать тому, что их самые горячие сражения служат миру!

Я желаю нашим спортсменам побед на олимпийских аренах, но я желаю им также и умения достойно проигрывать. Потому что самая главная цель Олимпиады — это утверждение Человека. Человека красивого, сильного, благородного. Человека, стремящегося служить другим людям.

Ирина БУГРИМОВА,
Герой Социалистического Труда,
народная артистка СССР

Мне всегда и всего было мало. Потому я и считаю себя спортсменкой. Колоссальная человеческая неуемность, стремление постоянно быть первым, неумение бегать просто так, а только наперегонки — вот что, мне кажется, объединяет настоящих спортсменов, независимо от того, участвуют ли в первенстве двора или мира, достигают ли больших высот или скромного третьего разряда. Азартное желание победить пронизывает спорт на всех его уровнях.

Родилась я в семье, отличавшейся жадным интересом к жизни в любых ее проявлениях. И выросла девочкой крепкой, подвижной и, кажется, непугливой. Отец был ветеринарным врачом, и я чуть ли не с младенческих лет стала ездить верхом, научилась любить животных, искусство и поступила в музыкальную и балетную студию при Харьковском оперном театре, причем всерьез готовилась в балерины. Но, как я уже сказала, мне всегда и всего было мало...

В ту пору огромную популярность приобрели кинобевеки, герои которых совершали головокружительные трюки. Я загорелась желанием стать такой вот актрисой. Путь к этому лежал через спорт, и я стала заниматься всем подряд: легкой атлетикой и гимнастикой, плаванием и конькобежным спортом. В 17 лет завоевала первенство Украины по легкоатлетическому пятиборью. Чем я только не занималась — и в хоккей с мячом на футбольном поле играла, и в мотогонках участвовала, и даже штангу поднимать пробовала. (А уже став артисткой цирка, однажды победила в чемпионате Нижней Волги по прыжкам в воду.)

Поступила в Харьковский физкультурный институт, думала стать инструктором по спорту. Но и этого было мало... Познакомилась как-то с мотогонщиком, Александром Буслевым, и придумали мы с ним создать необычайный цирковой аттракцион. Это была своеобразная физкультурно-хореографическая композиция на темы зимних праздников, а заключительным аккордом стал полет на «азросанях». По наклонному металлическому скату неслись, разгоняясь, легкие сани, затем трамплин подкидывал их вверх, я пролетала в воздухе над манежем, делала петлю, проскальзывала сквозь вращающиеся кольца и приземлялась вместе с санками на сетку-амортизатор. Теперь этот трюк не исполняет никто — не позволяет техника безопасности.

Ну, а дальше — вполне естественно, я и на этом не остановилась — стала выступать на лошади. Принимали, как и «на санях», неплохо, но мне опять-таки было мало. И я начала заниматься дрессурой, причем сразу же со львами. Вот этого уже хватило почти на сорок лет. Поверьте, добровольное заточение в клетке, да еще с дикими зверьями, приносит ощущение достаточно разнообразное...

Я прожила жизнь долгую и счастливую (хотя бы потому, что ни лошади меня не затоптали, ни «сани» не угробили, ни львы не съели). Ко мне всегда хорошо относились товарищи по искусству. Публика не скупилась на аплодисменты. Так что я не припомню, чтобы испытывала тоску и уныние. И если оглянуться назад, то становится ясно: причина всему — спортивность натуры.

...Когда четыре года назад я поехала туристкой на Олимпиаду в Монреаль, среди прочих чувств я испытала и некоторое тревожное ощущение. Поняла, увидела воочию, какой масштаб принимают теперь Олимпийские игры, и подумала с опаской, а успеет ли моя страна выполнить такую грандиоз-

ную работу, за которую взялась. Успели. Все, что обещали, выполнили. Просто не веришь своим глазам...

И теперь дело за спортсменами. Условия им созданы такие, о которых мы когда-то не могли и мечтать. Так что давайте, ребята, старайтесь, милые! Мы, старые спортсмены и физкультурники (а я как реликвии храню спортивные грамоты той поры, номерные почетные знаки «ГТО» и «Ворошиловский стрелок»), на вас, олимпийцев, надеемся! Побольше вам настоящего, здорового, истинно спортивного азарта!

Виктор КЛЮЕВ, Герой Социалистического Труда, сталевар завода «Серп и молот»

За нашу олимпийскую сборную по футболу я буду переживать с особым чувством. И не только потому, что она представляет наш отечественный футбол. В какой-то мере сборная представляет и... наш завод. Всем известно имя Бескова, наставника олимпийцев. Но, наверное, мало кто знает, что в свое время Константин Бесков был игроком «Металлурга» — команды завода «Серп и молот». Вместе с ним в нашей команде выступал и другой известнейший футболист — Григорий Федотов. Надо сказать, команда была довольно сильная. Она выступала в классе «А» и даже завоевывала призовые места на первенстве Союза. А тренировал ее также всем известный спортсмен, заслуженный мастер спорта Б. А. Аркадьев.

7 ноября 1922 года завод (бывший Гужона) получил знаменитое ныне имя «Серп и молот». В том же году появился и заводской коллектив физкультуры, подготовивший немало больших спортсменов. Несколько имен я уже назвал. А сколько еще можно поставить в тот же ряд!

Легендарные бегуны братья Серафим и Георгий Знаменские в тридцатые годы работали в электроцехе нашего завода. Слесарь листопркатного цеха Н. Цицинов и вальцовщик П. Строков, оба заслуженные мастера спорта, становились чемпионами страны по городкам. Но самое высокое достижение заводских спортсменов было показано на Олимпийских играх в Мельбурне. Когда участники соревнований по спортивной ходьбе, отправляясь на двадцатикилометровую дистанцию, покидали стадион, лаборант центральной заводской лаборатории Леонид Спириин шел четырнадцатым. К финишу пришел олимпийским чемпионом. Сейчас Спириин тренирует легкоатлетов «Серпа и молота», а недавно, в мае, работал в судейской коллегии на 43-й заводской легкоатлетической эстафете.

В 1961 году за высокие показатели в развитии физкультуры и спорта нашему коллективу физкультуры было присвоено звание «Спортивный клуб «Серп и молот»».

Моя спортивная «карьеря», конечно, более скромная. Вернувшись с фронта, я поступил на завод и примерно в то же время стал заниматься спортом, несмотря на то, что перенес три ранения. Играл в футбол, волейбол, хоккей с мячом. Был и вратарем, и нападающим, и защитником.

На стадион мы шли после нелегкой смены в «горячем» мартеновском цехе. Но спорт как бы придавал нам новые силы. По собственному опыту сужу, что есть определенная взаимосвязь между отношением к спорту и производственными успехами человека. Ведь спорт дисциплинирует, учит постоянно преодолевать трудности, достойно воспринимать поражения... Сейчас в нашей бригаде работает молодой формовщик Александр Бородин. Думаю, в том, что он стал отличным рабочим, не самую последнюю роль сыграла увлеченность футболом, лыжным спортом.

Условия для занятий спортом у нас прекрасные. Новый стадион не идет ни в какое сравнение со старым, послевоенным: футбольное поле, теннисные корты, площадки для волейбола и баскетбола... В спортивных секциях занимаются 3300 человек. И — кто знает? — может быть, и среди них есть будущие олимпийские чемпионы.

Юрий СЕНКЕВИЧ, судовой врач экипажей Тура Хейердала «Ра-1», «Ра-2» и «Тигрис», руководитель отдела Института медико- биологических проблем Минздрава СССР, кандидат медицинских наук, ведущий телевизионного «Клуба кинопутешествий»

Я не число себя большим спортсменом, не могу даже вообразить себя на олимпийской арене Московских Игр, но, однако, 144 дня я провел в форме участника Олимпиады-80, а на куртке моей был вытиснен герб СССР.

144 дня и 7 тысяч километров — две эти цифры, пожалуй, слишком сухо описывают путешествие, совершенное интернациональным экипажем Тура Хейердала на камышовой лодке «Тигрис», копии древнейших кораблей.

Наш капитан совсем не стремился набирать в команду спортсменов, например, японец Кей Охара вовсе не умел плавать. Научная цель экспедиции Тура состояла в том, чтобы доказать: самый обычный человек со средними физическими возможностями в состоянии совершить подобное плавание. И все же к такого рода опытам тяготеют, как правило, люди, неравнодушные если и не к спорту, то

хотя бы к физической культуре. Рядом со мной были Карло Маури, который входит в десятку лучших альпинистов мира, Норман Беккер, чемпион одного из американских штатов по плаванию, Джордж Сориал, победитель первенства Африки по дзюдо, Сантьяго Хенесес, едва не ставший профессиональным футболистом. А палитра спортивных интересов самого Хейердала еще шире: лыжи, лошади, парашют, скалолазание...

Да и я, прежде чем был включен в команду «Ра-1», занимался — на не очень, конечно, серьезном уровне — коньками, плаванием, подводным спортом, баскетболом, прыгал с парашютом. И по сей день, хоть и не имею на то достаточно времени, люблю небольшие пробежки, прирастен к парусу, не теряю надежды вновь встать на горные лыжи. Дети мои тоже не лишены интереса к спорту: дочь Даша — к теннису, а сын Коля — к каратэ, которым недавно начал заниматься с неожиданным для меня усердием. Как болельщика меня больше всего привлекает хоккей, а если бы была возможность освободиться на время Игр от всех прочих нагрузок, то обязательно поехал бы в Таллин на олимпийскую регату.

Но вернемся к олимпийской форме. В задачах летних Игр и наших экспедиций я усматриваю много общего. И там и здесь главная цель состоит не только и не столько в достижении неких технических результатов. Они лишь повышают престиж общего дела, а известно, что чем престижнее задача, тем здоровее психологический климат. В честном соревновании, как и в совместном преодолении стихий, люди забывают о вражде и предрассудках, проникаются доверием друг к другу, становятся друзьями. На «Тигрисе» было представлено девять национальностей. Олимпиада-80 обладает в этом смысле неизмеримо большими масштабами. Но итог, я полагаю, будет схожим — люди разных рас, взглядов, вероисповеданий почувствуют себя одной большой семьей.

Вот почему я считаю, что мы с полным правом носили форму со знакомой теперь всему миру эмблемой Олимпиады-80. В декларации, составленной и подписанной всем экипажем Тура Хейердала в конце предыдущего плавания на «Ра-2», есть такие строки: «То, что объединяет человечество, является естественным и должно поощряться, и наоборот, то, что разъединяет людей, является искусственным и должно быть преодолено». На мой взгляд, и наше плавание на камышовой суденышке по Индийскому океану и соревнования Игр XXII Олимпиады служат этой цели.

Вячеслав НЕВИННЫЙ, народный артист РСФСР

Прежде чем приступить к размышлениям о моем отношении к спорту, я хотел бы рассказать три истории про футбол.

Но почему про футбол, а не про велосипед, скажем, ведь родился и вырос я в Туле, где находится знаменитый на всю страну трек, и в нашем «железном» городе испокон века любят велоспорт? Не знаю, быть может, потому, что футбол — это игра, а я с самого раннего возраста сделал свой жизненный выбор — быть актером, то есть играть. И законы обеих этих игр во многом схожи, близки, родственны. Словом, я с детства привязан к кожаному мячу — про него и разговор.

Но здесь вкралась неточность. В моем детстве, пришедшем на первые послевоенные годы, кожаный мяч был почти музейной редкостью, и играли мы частенько мячом, скрученным из чулок. И записаться в секцию нам тоже как-то не удавалось. Игру в те поры любили всенародно и самозабвенно, репортажи Синявского, первые международные встречи наших команд, блистательные прыжки Хомича обсуждали как свое родное, кровное. Теперь на эту тему высказываются не без иронии: «Футбол в длинных трусах». Что ж, это правда, даже сборная играла в спортивной форме довольно забавной, а уж про нас, мальчишек, и говорить нечего... Но зато в отличие от нынешних порядков нас пусkali иногда на «взрослое» поле соседнего стадиона «Локомотив», хоть и были мы неорганизованной пацаньей, без всяких разрядов. Впрочем, если бы можно было самому себе присваивать спортивный разряд, то я, наверное, заслуживал бы третьего, никак не меньше. Это я теперь стал толстый, а тогда был худой и неутомимый, играл всегда в нападениях, представлял собою, что называется, «форварда таранного типа».

Но это еще не главная моя история. Как только я поступил в школу-студию Московского Художественного театра, я сразу же легко и естественно волился в движение, которое можно было бы назвать «театральным футболом». Очень популярна была эта игра в те времена у актеров. Мы даже изобрели свою собственную модель этой игры, приспособленную к имеющимся условиям, а точнее, к неизменным, и носившую странное имя «чхирирома».

Правила были любопытные. Воротами служили ящики из-под посылок, играли теннисным мячом, двое на двое, причем со сменой составов и в три периода, как в хоккее. Из хоккея же пришли и силовые приемы, которые не только позволялись, но даже приветствовались, — стены трещали! Помню, как хорош и опасен был в «чхирироме» Игорь Кваша, ныне народный артист РСФСР. Играли мы на любом поле — будь то институтский коридор, полянка в лесу или баскетбольная площадка.

Еще не окончив студию, я начал играть во МХАТе, сцене которого верен и по сей день. Начал играть и в команде нашего коллектива, выступавшей на городском первенстве театров (теперь эта традиция незаметно куда-то канула). А тогда — какие страсти тогда кипели! Играл по большей части рабочие сцены, электрики, но и актеры тоже участвовали. И прежде всего Николай Николаевич Озеров, еще не ведавший, что его ожидает будущее знаменитого телевизионного комментатора. Вот спортсмен до кончика ногтей! Мало того, что он замечательно играл в теннис и стал заслуженным мастером спорта, он и в футбол выступал за команду мастеров — его выставляли несколько раз за основной состав «Спартака». Играл он напористо, смело, технично, помню его отличные удары головой. И номер на его футболке помню — «десятка». Вот только с формой у него были трудности, никак не могли подобрать бутсы — размер ноги — то сорок шестой...

Участвовал в наших матчах и один из ветеранов театра Анатолий Петрович Кторов. Теперь о нем вспоминают, как о последнем актере, умевшем по-настоящему носить фрак, и удивляются, когда я рассказываю, что Кторов тоже бегал с мячиком. А мне кажется, что ничего странного здесь нет. Может быть, именно увлечение спортом и придало Анатолию Петровичу его поразительную осанку и бодрость.

Словом, вместе с Озеровым, Кторовым и другими энтузиастами этого занятия мы ниже второго-третьего места на первенстве театров ни разу не опускались. Но и это еще не самая главная моя история про футбол.

Вскоре после окончания школы-студии меня пригласили сниматься в кино — режиссер Евгений Карелов ставил тогда фильм «Третий тайм». О футболе. В основу картины было положено реальное событие времен войны, когда гитлеровцы заставили полугодолных советских военнопленных, в прошлом известных футболистов, играть с откормленной и тренированной командой фашистских офицеров. Мне, как и другим актерам, поручена была роль одного из наших. Роли врагов исполняли преимущественно спортсмены. Тренировал обе команды замечательный мастер футбола Сергей Сальников. Консультантом же был приглашен сам Андрей Петрович Старостин.

Съемки проходили в Одессе, на одном из стадионов, который еще не успели реконструировать после войны. А кино ведь дело какое: нет солнца — сиди загорай. Делать решительно нечего. И стали мы помаленьку играть с нашими экранными соперниками. Одеситы, народ, знаменитый своей любознательностью, приходили на стадион с раннего утра и с интересом наблюдали за происходящим.

И вот как-то раз был назначен «матч века» — футболисты против актеров. Необычная была игра! Мы, конечно, проиграли, но совсем не с разгромным счетом — 9:7. Ложись под мяч отчаянно, из последних сил выбивались — боролся за победу. Судил матч Сальников. В какой-то момент он назначил одиннадцатиметровый удар в ворота футболистов. Я подбежал к нему с просьбой разрешить пробить мне, поскольку четыре гола я уже забил. (А без спросу бить не посмел...) Но он заявил: «Нет-нет. Теперь очередь Володи Кашпура». Володя, тоже мхатовский артист, надо сказать, играть совсем не умел, что испукалось его большой спортивной злостью, даже яростью. И вот Кашпур сделал зверское лицо, разбежался, но тут Сальников закричал: «Подождите... Подождите!» — и кинулся к Старостину, сидевшему на трибуне: хотел, наверное, посмотреть на реакцию Андрея Петровича. Володя снова разбежался, размахнулся ногой, вспахал бутсой поле так, что вылетел огромный ком земли, а мяч тихонечко покатился... мимо ворот. Старостин от хохота повалился на руки Сальникову. Это было даже смешнее, чем знаменитое интервью Кашпура, в котором он заявил корреспонденту, что в фильме «Третий тайм» сыграл «одного из центральных нападающих» (это теперь в таком высказывании нет чепухи, поскольку играют по системе 4—2—4, с двумя центрфорвардами, а тогда-то центр нападения мог быть лишь один).

Шутки шутками, но в Одессе услышали о наших спортивных доблестях и решили устроить настоящий матч на настоящем поле: «Мосфильм» против ОДО (так именовалась игравшая в первой лиге команда Одесского Дома офицеров). И я был удостоен чести играть в нашей команде единственным из актеров. Мы потерпели поражение с небольшим разрывом в счете — может быть, потому, что мне не удалось забить ни одного гола...

Вот вам те три истории, что я собирался рассказать. Наверное, они ничуть не хуже разных мудрствований объяснили, до какой степени я люблю спорт вообще и футбол в частности (хоть и никак не связываю это с криками на трибуне и другими привычными проявлениями «болельщика»). Олимпиаду я встречаю с надеждами и огромным интересом. Буду работать в культурной программе и надеюсь в эти дни сыграть на сцене не хуже, чем те, кто выйдет на футбольное поле (а придется нашим нелегко: сборная СССР оказалась в одной подгруппе с сильной командой Аргентины, и, чтобы победить, питомцам Константина Бескова надо будет показать настоящий футбол!). Вообще искусство и спорт близки и похожи — это уже истина банальная. Впрочем, она от частого употребления истиной быть не перестала. Скажу даже больше: между театральной игрой и игрой спортивной вообще почти не вижу границ. Но это разговор долгий, и потребует от не трех, а может быть, тридцати трех историй...

Золото спортивной победы — трудное золото. Потому что на лыжне и на беговой дорожке, на треке и ринге соревнуются не просто сила и ловкость — в «звездных» минутах и секундах спрессованы годы тяжелейшего труда во имя спортивной победы. Трудно на такой же лыжне и беговой дорожке, на таком же треке и ринге, но без судей и зрителей, без аплодисментов и лавровых венков. Наедине с самим собой.

Правила у разных видов спорта отличаются друг от друга, но законы спорта, как вида человеческой деятельности, едины. И они одинаково проявляются на соревнованиях любого ранга, будь то чемпионат школы или Олимпийские игры. И те же трудности, те же страсти ожидают жаждущего победы спортсмена и на ледяной дорожке белой Олимпиады и на беговой дорожке летних Игр. Поэтому, читая рассказ Анатолия Голубева «Золото», в котором действуют спортсмены-лыжники, явственно представляешь, как трудно будет борьба на Олимпиаде-80.

Золото спортивной победы. Величайшим напряжением воли, сил физических и духовных добывается оно. И как знать, кому лучше введомо его цена — победителю или побежденному.

Анатолий ГОЛУБЕВ

РАССКАЗ

ЗОЛОТО

важные телезрители! Приветствуя вас, я рад сообщить, что этой передачей открывается новая сенсационная серия репортажей «Завтрашние герои». Хочу вам представить сильнейшего швейцарского горнолыжника Ганса Цоллера. Хотя он, по моему мнению, совсем не нуждается в представлении — его имя говорит само за себя. С выступлениями на олимпийских трассах Ганса Цоллера связаны надежды швейцарской горнолыжной школы. Он единственный, без сомнения, гонщик на олимпийских склонах, грудь которого вскоре могут украсить все три золотые медали. В том, что он завоеует олимпийское золото, уверены все. Но сумеет ли Ганс Цоллер повторить успех австрийца Тони Зайлера и француза Жана Клода Килли?! Вы видите, при этих словах Цоллер улыбается. Ганс, что означает ваша улыбка?

— Только то, что по три медали уже имели и австриец и француз. Очередь за швейцарцем!

— Вы убеждены в победе?

— Так бы не сказал. Я уверен в своих силах! И сделаю все, чтобы победить.

— Но говорят, вы слишком экспансивны для гонщика, замахнувшегося на полный комплект золотых наград?

— Об этом лучше спросите нашего командного врача... Но думаю, что победители не могут быть тихонями, а тихони — победителями.

— Bravo, Ганс! Если бы существовала олимпийская медаль за остроумие и находчивость, я присудил бы ее вам!

— Спасибо! А я бы сразу и с охотой обменял ее на золотую медаль по скоростному спуску...

— Таким образом, Цоллеру осталось завоевать лишь две: в слаломе и слаломе-гиганте!

— Еще пару наград за остроумие и, думаю, на трассу можно не выходить!

— Bravo, Ганс! Bravo! Мы не ошиблись, решив начать новую серию передач именно с вас! Завтрашние герои! Перефразируя вашу мысль о тихонях, могу сказать, что завтрашние герои должны быть героями уже сегодня.

— Сегодня ими быть легче, чем завтра!

— Отлично сказано, Ганс! И прежде чем перейти к вопросам о специфике предстоящих состязаний: о сложностях трасс, о новых тактических приемах, о различиях в итальянской и швейцарской горнолыжных школах — предмете широкой дискуссии последних лет, я хотел бы спросить: как вы считаете, Ганс, что может помешать вам добиться тройной победы?

— Все...

НАЗОВЕМ ЕГО ИВАНОМ

Он спал отлично, как не спал ни разу за последние две недели. И почему бы ему сегодня не спать?! Со сном у него будет плохо завтра, если он уступит победу по собственной глупости какому-нибудь новичку. Впрочем, «тридцатка» — его коронная дистанция. Хотя именно это утверждение и журналистов и друзей его так долго пугало.

Но пока все складывалось удачно: он приехал на Игры чемпионом мира. Легко — это, правда, радовало меньше — выиграл отборочные, но зато с такой же почти легкостью победил в предолимпийской неделе. Последняя победа вселяла уверенность.

Иван прошел олимпийскую дистанцию без напряжения, как на разминке. Остались довольны и руководство команды, и он сам, и главный тренер, а Геннадью Петровичу угодить непросто. Они работали вместе уже семь лет, и только однажды после первой победы на чемпионате мира Иван услышал от него нечто похожее на одобрение.

К победе на приюлке Геннадий Петрович отнесся настороженно — темнят соперники! Иван даже обиделся, словно все, у кого он выиграл, по мнению Геннадия Петровича, играли в подкавки.

Когда они начинали работать вместе, Иван, пожалуй, относился к успехам куда более скептически, чем Геннадий Петрович. Спорт он любил, с лыжами,

Рисунок Михаила ПАПКОВА

кажется, и родился. Сколько помнил себя, каждую долгую зиму на Вологодчине бегал с отцом, чемпионом области по лыжам, на соседний речной обрыв, а потом дальше, туда, за реку, мимо мшалога болота, к Монастырю и обратно. С годами «обратно» становилось все более долгим и долгим.

К славе Иван никогда не рвался. А пришла она еще в школе — стал лучшим в классе, лучшим в районе и, наконец, подобно отцу, в семнадцать лет — чемпионом области. Потом сборы, первенство России, чемпионат страны.

Сколько было всего, сейчас и вспомнить трудно, пока нашел его Геннадий Петрович и взвинтил до жадности тягу к победам. И чем ближе оказывался Иван к сборной страны, тем труднее давались шаги. Но как бы туго ни приходилось, он никогда не пищал, стиснув зубы, шел вперед.

Вот так и добрался до этих Игр. Вот так и стал фаворитом не только советской сборной, но и всей олимпийской лыжной братии. К нему теперь внимательно и уважительно присматривались парни с громкими лыжными фамилиями. Без конца терзали журналисты, с улыбчивой вежливостью выворачивая душу: что, где, когда...

Проснувшись, Иван лежал с закрытыми глазами. Вставать рано, можно себе позволить чуть-чуть понежиться. Да и день привычный — прокатись налегке и постарайся забыть о старте.

Ему почудилось, что за дверью возник какой-то непонятный шум: как бы морская волна подкатила и, ударившись о закрытую дверь, отхлынула.

«Ну вот, хозяйка уже на ногах!»

Иван взглянул на узкое с цветными стеклами окно — ни дать ни взять древний замок! Хотя жила советская команда в небольшом частном пансионате с очаровательной и заботливой хозяйкой, успевавшей все сделать по дому еще до того, как встанут постояльцы.

Рассвет замер на полпути: внизу, в кривых улочках зимнего курорта, еще жила темнота, но там, наверху, на снежных шапках, уже властвовало солнце и вершины светились, подобно нарядным елочным игрушкам.

— Перед смертью не надыхаешься! — произнес Иван свою любимую поговорку. — Вставать все равно придется!

Он покосился на кровать Глеба, соседа, друга и многолетнего конкурента. Где-то в глубине души кольнула жалость: Глеб на этот раз — то ли возраст сказывается, то ли перетренировался — вылетел из основной обоймы и мог рассчитывать на то, что угодно, но никак не на веру тренеров и начальства.

Иван неохотно слез с высокой старинной кровати и сделал несколько резких движений, как бы прислушиваясь: ничего не случилось за ночь в его теле и по-прежнему ли оно готово к борьбе, как вчера? Дышалось легко, двигалось легко, и Иван успокоился. Со стороны посмотреть, он неизменно выглядел спокойным, даже когда внутри все кипело от ярости. Потому и звали его за глаза «Ледянкой». В кличке этой, приклеившейся к нему после рассказов о родной деревне, пожалуй, как нельзя лучше и точнее выразилась суть его спортивного характера: хладнокровный, работавший, как зверь, в белом снежном одиночестве. Скорость и километры за спиной стали его единственной страстью.

Стоило сойти с лыжи, Иван сразу становился вялым, медлительным. И только тот, кто прошел с ним по лыжне десяток-другой километров, знал взрывную силу этой медлительности. На лыжах Иван преображался, напоминая стремительно разворачивающуюся пружину. Казалось, давно должен закончиться любой завод, а Иван все бежит и бежит. И это уже не человеческое тело, а невиданный по совершенству механизм.

Ледянка! Ныне мало кто даже из деревенских знает про ледянку — слепленное из соломы, глины или коровьего помета толстостенное круглое корыто со сверкающим слоем льда, наращенного на днище. Когда лежит ледянка в углу сарая, и не подумаешь, что может она стремительно лететь с горы с седоком внутри.

Фрау Гертруда уже давно хлопотала на кухне. На столе желтел традиционный завтрак — стакан апельсинового сока и яичница с беконом.

Иван проглотил завтрак как можно быстрее, словно отбывал повинную. Затем выскочил на улицу, в снег. Жадно схватил пригоршню белой массы с нетоптанной целины — пока добрался до чистого снега, провалился почти по пояс. Скомкал снежок, поднес к носу — пошхал, потом — как скрипит? — к уху. Опустив руку и уже машинально растирая снежок пальцами, задумался.

«Вот и попробуй попасть на мазь! Снег, как каша у плохой хозяйки: может и сырой оказаться, может и подгореть... Специалисты свое слово скажут, но бежать-то мне. Думай, Иван, думай!»

Он мысленно побежал по трассе, которую успел изучить так хорошо, словно родился в этих местах. Была у Ивана феноменальная способность, которую не раз проверяли и тренеры и товарищи, — достаточно ему единожды прокатиться по любой трассе, и он с топографической точностью обрисовывал все спуски, подъемы и повороты. Вот и сейчас он видел долгие ложбины, в которых бредет лыжня льдистой тропой, и открытые солнцу склоны, на которых она «поплывет» раньше, чем на других участках. Хорошо; если бы «поплыла» после того, как он уже пробежит.

В любое стартовое утро выбор мази, кажется, сводит лыжный спорт к одной с виду немудреной, а по сути, почти научной проблеме.

«Попасть бы в мазь!» — еще раз угрюмо подумал Иван.

Побродив по снегу с полчаса, он пощупал его и на укутанных дорогах и на любительской разбитой лыжне, такой плотной, будто прошли по ней не лыжники, а стадо слонов.

Когда Иван вернулся в дом, в небольшом холле уже собрались все участники сегодняшней программы — и тренеры сборной и тренеры, приехавшие в туристических группах, — они с радиостанциями в руках помогают вести гонщиков по трассе.

Десятки пар новых лыж стояли в коридорчике. Проходя, Иван кинул ревнивый взгляд на свои зачехленные лыжи.

«Похуже, никто не трогал», — определил он по только ему известным приметам и опустился в мягкое кресло.

Гонка практически началась уже здесь, в уютном, теплом доме. Полчаса ушло на выбор мази. Наспорились до хрипоты. Советы специалистов Иван принял — они почти совпадали с его мнением и тем, что он успел узнать у шведов.

«Толкую подкладочную мазь надо положить толще. А потом уж можно и основную, как договорились», — решил он.

Стартовая суета навалилась незаметно: маркировка лыж, последние наставления и — воротца с тонкой откидывающейся планкой... Впереди виднелся мост через дорогу, затем лыжня ныряла под другой, пешеходный, переброшенный специально. Вокруг цвело море ярких людских нарядов. Пыхало солнце. Снег сверкал, искрился. Даже темные ели под вычурными снеговыми шапками светились зеленоватым огнем.

Иван успел заметить на главной трибуне все руководство олимпийской делегации. Услышал в общем гомоне разноязыкой речи крики советских туристов: «Иван, давай!»

И он побежал. Сразу все, не имевшее отношения к процессу скольжения по снегу, перестало для него существовать. Заземилась перед глазами лыжня, а он мысленно уже пробегал отрезки трассы, лежащие там, за холмами: и долгий спуск с поворотом между двух крутых склонов, на котором разносит — только держись, и подъем «тягун», на котором так «наедаешься», что не успеваешь отдохнуть на следующем коротком спуске.

«Затяжной подъем сразу определит, у кого кишка тонка!»

Иван хорошо помнил, где стоят по трассе наблюдатели. Они выкрикивали время и его и соперников. Прибавилось работы: Иван, как счетная машина, складывал и вычитал, определяя, прибавлять ли темп или придерживаясь заданного. По секундам соперников он, бегущий в узком коридоре пустынной лесной просеки, представлял всю картину гонки.

Выскочив на пролысину, открытую солнцу, Иван почувствовал, как лыжи споткнулись.

«Тепло уже делает свое черное дело! И раньше, чем предполагали специалисты! — Сердце радостно екнуло. — Правильно, что увеличил подкладочку!»

На душе стало веселее, ровнее дыхание, и легче размах рук: еще чуть-чуть, и можно взлететь...

Первая усталость навалилась на «тягуна», о котором подумал, как о сепараторе, выключающем из борьбы слабейших. Так и случилось. Он обошел на «тягуна» сразу двух гонщиков, стартовавших перед ним. Проскочил подъем, как бы всякому показалось, эффектно и играючи. Но теперь грудь наполнялась не живительным горным воздухом, а скользкой, пахнущей потом ватой. Да и лыжи потяжелели. С каждым шагом почти незаметно набухали. На протяжении «тридцатки» усталость и неверная мазь сделают из лыж-пушинок неподъемные.

Цифры, посыпавшиеся на него от информаторов после подъема, однако, показали, что его основные соперники прошли «тягун» еще хуже. Иван

по-прежнему оставался лидером. В запасе почти пятнадцать секунд, и теперь, когда половина дистанции за спиной, надо хотя бы не растерять с таким трудом накопленное преимущество. Или растерять, но не до конца. Даже последней секунды хватит для победы...

Иван выполнил тактическую задачу — прошел первые пятнадцать километров в заданном темпе и ровно.

«Перевалить бы тот подъем и выжить!»

При мысли о «выжить» Иван усмехнулся спешимся ртом — не первый подъем и не последний!

Через минуту он настиг финна — тот стоял в снегу, вскинув руки к небу, зажав в каждой по половинке сломанной лыжи. Просил о помощи. Краем глаза Иван заметил, что к нему уже скользит лыжник в финской форме.

«Отдаст свои лыжи, но кто вернет бедолаге потерянное время?!» — подумал он. — Тыфу, тыфу, только бы пронесло...»

Он тут же отбросил глупые причитания — впереди лежал долгий облегчающий спуск. На нем надлежало сэкономить сил хотя бы столько, чтобы хватило для следующего подъема.

Иван выскочил на обрыв и, повернув вправо вместе с лыжней, скользнул вниз. Как в огромной трубе, его потянуло вперед. Лыжи заехали. Иван присел, подхватив палки под мышки. Справа и слева начали расти крутые склоны, на которых виднелись отдельные фигурки людей. Зайдлые болельщики, знавшие настоящий вкус гонки, стояли не там, на трибунах, а здесь, где решается судьба медалей.

Наибольшая опасность таилась внизу, перед самым окончанием спуска. Лыжня делала левый поворот, переваливала бугорок, образуя небольшой, коварный трамплин. Небольшой, но вполне достаточный, чтобы зазевавшегося или уставшего гонщика кинуть в поворот неготовым, раскрывшимся. И падение.

Он подумал о падении в то мгновение, когда увидел, как нечто яркое и большое вдруг начало вырастать перед ним и чуть сбоку. Мысль об опасном трамплине, очевидно, на какую-то долю секунды притушила внимание. Растерявшись, он покатился из низкой стойки. И сразу же перед ним выросла до размеров мочегуи ели фигура мужчины в оранжевом костюме. Иван сделал отчаянный рывок телом, чтобы уйти от столкновения, но запоздал. Хуже того, они столкнулись, когда Иван почти висел в воздухе, широко раскинув руки... И потому так страшен оказался удар.

Боли не почувствовал. Лишь все виденное подернулось оранжевым пламенем и потухло...

Тренер-информатор с ближайшего контрольного пункта и санитары с носилками подскочили к месту происшествия почти одновременно. Иван продолжал лежать в снегу, чувствуя, как боль медленно, будто вода в половодье, поднимается от ног к сердцу.

— Что случилось? — прошептал он, увидев знакомое лицо тренера, то ли не помня, что произошло, то ли не веря в нелепость и непоправимость случившегося.

— Идиот какой-то сорвался со склона, — буркнул тренер и отвернул лицо, чтобы Иван не видел слез в его глазах.

«Вот и все!» — подумал Иван. — Поезд ушел. Следующий придет не раньше чем через четыре года. Если придет...»

НАЗОВЕМ ЕГО ОЛАФОМ

Вообще его звали как хотели: товарищи по команде — «Тумбой», отец — «Ленцо», потому что мальчишкой Олаф частенько старался спрямить пару отцовских дуг-лыжней — пробежать по своим, коротким, когда помогал отцу обходить лес.

Их старый и просторный дом, еще дедовской рубки — не его деда, а деда его отца, — стоял в десяти километрах от городка на берегу большого озера, в котором отец промышлял рыбой да служил объездчиком окрестных лесов, принадлежащих лесопромышленной фирме. Дети регулярно помогали отцу обегать лесные владения. Правда, с годами лес, который казался неохватным, становился все меньше и до грусти знакомым.

Потом, когда Олаф стал маленькой местной знаменитостью (он выиграл районные соревнования среди мужчин, будучи совсем пацаном) и уезжал сначала по соседству, а затем в другие страны на соревнования, ему всегда до боли не хватало этого родного леса. И может быть, от неизбывности этой боли он запел — своим хрипловатым голосом, при пении совсем не заикаясь.

Он напел небольшую пластинку, охотно раскупленную почитателями его лыжного таланта. Но это, по словам продюсера, было лишь начало — после золотой медали обещали золотой диск. И он готовился к Играм упрямо. Часами бегал на лыжах, а все свободное время сочинял свои баллады, шлифовал, собирая золотой диск.

«Неважно, что и как поют, — говорил продюсер. — Важно, кто поет! А поет олимпийский чемпион Олаф Гнуссон!»

Олаф поднимался по-деревенски: не с часами, не со светом, а по наитию, когда рождается ощущение приближающегося рассвета. Всклакивал сразу, как только просыпался. От того, кто быстрее выскочит из-под старого мягкого одеяла и кинет в печь первые поленья, зависело, как тепло будет, когда сядет за стол завтрак большая семья. У каждого в ней были свои обязанности, а вот топить рано мог только Олаф. И он гордился этим. Так радостно было ощущать себя дающим тепло, дающим жизнь. Олаф так любил, когда с мороза возвращался отец и, потирая руки — большие, узловатые, — тянул их к огню и улыбался...

Сегодня Олаф поднялся, как обычно, затемно. Принялся перебирать форму — домашней вязки носки, гетры белые, как норвежский снег, и такие же белые брюки, кофту и шапочку. В его по-отцовски крепких руках и невесомые лыжи и невесомая одежда казались еще более воздушными. Он осматривал вещи с такой тщательностью, словно от них и только от них зависел успех. Увы, от вещей зависело слишком мало.

Олаф старался не думать о гонке, как не привык вообще думать о лыжах. Ибо они являлись частью его жизни, естественным его бытием, и он легко, как бы ни было трудно, переходил от состояния, когда не стоял на лыжах, к состоянию, когда сливался с ними воедино.

Его удивительную слитность с лыжами не раз отмечали специалисты. Олаф бежал, как дышал. И с годами дыхание его стало таким же мощным, как и бег. Он выиграл лыжный марафон на прошлом чемпионате мира. И теперь предстоял олимпийский марафон — гонка на пятьдесят километров. Олаф

подтвердил свое право сильнейшего во время предолимпийской недели. Он находился в отличной форме и сам чувствовал это, и тренеры чувствовали, и соперники, и журналисты, которых он не любил, — они задавали много вопросов, по его мнению, глупых, никчемных. И еще, журналисты слишком легко отдавали ему золотую олимпийскую медаль в марафоне, словно не существовало упрямых русских и соседей — шведов и зазнавшихся финнов...

Олаф сидел в трусах на кровати, разложив на ковре форму. Перебрав ее, долго и тщательно складывал в стопку. Потом, одевшись, вышел на улицу. Ночь словно и не собиралась отступать. Вдоль извилистой улочки, огражденной снежными валами, едва светились желтые фонари. В старых австрийских хижинах — с высокими и крутыми скатами крыш — уже начинали загораться окна. И в пансионате, где они поселились, половина окон тоже светилась — его земляки не очень большие любители валяться в постели. Почти все из деревень.

Олаф потянул носом — пахло морозным снегом.

«Если погода не изменится с рассветом, снег будет мой, любимый...»

Олаф послушал снег на скрип, мягко ступая с пятки на носки. Прошелся так с десяток метров. Утренний воздух, когда первое потепление с мерзким туманом еще не коснулось гор, бодрил. Дышалось легко, и удивительно спокойно было на душе. Как-то само собой получилось, что Олаф оказался перед просторными, залитыми светом окнами почты. Наверно, ночной бабочкой потянулся к самому освещенному в долине дому — почта в олимпийские дни работала круглые сутки.

За стойкой старый австриец разбирал свежую корреспонденцию, и Олаф приветствовал его:

— Хей!

— Морген! — ответил австриец.

Олаф начал было объяснять на плохом немецком языке, что ему нужно проверить, нет ли корреспонденции на его имя, но старик, видно, привыкший за долгие годы работы на зимнем курорте ко всяким лингвистическим шаратам, взял Олафа за карточку-пропуск, висевшую на груди, как у всякого олимпийца, и прочитал по слогам: «Гнус-сон».

Он подал Олафу несколько разноформатных конвертов, а потом, похоже, спохватившись, достал из горки новой почты бланк телеграммы. Олаф сунул полученное в карман куртки и, поблагодарив, медленно пошел к себе.

В комнате он, так же не спеша, снял меховые сапоги, повесил на вешалку куртку, вязаную островерхую шапку и взял за почту. Телеграмму отложил в сторону — их было так много за эти дни, телеграмм с пожеланиями успехов, будто нельзя землякам все то же высказать в письмах, ведь письма стоят дешевле!

Олаф открыл пять или шесть конвертов. Писали парни с родины, писали коротко и тепло. И он решил не открывать остальных писем, сдвинув их в ящик прикроватной тумбочки:

«После финиша и прочитаю!»

Телеграмма же оказалась сверху. Он взял ее и развернул.

«Дороге работу погиб автомобильной катастрофе отец приезжай мама».

Олаф дважды прочитал телеграмму, так и не поняв до конца смысла сообщения. Смысл изложенного в телеграмме упрямо не хотел доходить до сознания.

Перед глазами Олафа выросло морщинистое, сухое лицо отца, редко улыбавшегося даже в минуты шумного застолья по случаю семейных праздников. Глаза отца смотрели спокойно, выжидающе, будто вопрошая: «Ну, сын, что думаешь делать?»

И только тогда Олаф почувствовал, что тяжесть телеграммного сообщения неимоверна, но это еще не вся тяжесть. Надо решать, через три часа старт марафона: всего пятьдесят километров до осуществления многолетней мечты. Всего пятьдесят километров... Последних... Но где-то там, в далеком доме на берегу озера, стоит гроб с телом отца. Когда он погиб? Сколько времени осталось до похорон? Неужели он не простится с отцом?! Конечно, у него так много шансов выиграть золотую медаль, но отец...

Олаф застал. Подошел к кровати и рухнул в подушку лицом. Не хотелось думать ни о чем, он не мог ни о чем думать — глаза отца смотрели на него все так же спокойно и выжидающе.

— Олаф, вставай! — раздался над ним голос тренера.

Тяжелая рука коснулась плеча. Олаф не шевельнулся, медленно-медленно возвращаясь к действительности. Поднял голову, обвел глазами комнату, увидел тренера и села.

По лицу Олафа тренер понял, что ему известно о случившемся. Но и Олаф по лицу тренера понял, что тот знает о смерти отца. Более того, он знал об этом раньше, чем знал Олаф. И это ведь естественно — газеты сразу же должны были сообщить о смерти отца выдающегося гонщика. Значит, они не говорили ему... Значит, для них медаль важнее, чем прощание с отцом для него?!

Ярость, тихая, но уже неостановимая, начала подниматься в нем.

— Когда погиб отец? — спросил Олаф, еле сдерживаясь.

— Три дня назад, — глухо ответил тренер. Он сознавал, что не должен говорить правду, но у него не было сил лгать и дальше.

— Вы хотите, чтобы я бежал... — Олаф взял со стола телеграмму, посмотрел, когда она отправлена. Очевидно, мать уверили, что сын сразу же прилетит, а ему решили не сообщать, скрыть до гонки. Когда же все сроки прошли, мать и послала телеграмму.

Тренер догадался, о чем думал в эту минуту Олаф. Более того, они все, и королевский инспектор по спорту, и председатель национальной федерации, и тренеры, знали, что подумает Олаф в эту минуту, и они не ошиблись.

— Не делай глупости, Олаф! — тихо сказал тренер. — Отца не вернешь, но ты останешься без медали. Ты все равно не успеешь на похороны.

— Когда они?

— Сегодня... — И, опять не в силах солгать, добавил: — После полудня.

Олаф развернулся и шагнул к шкафу. Выволок из его недр объемистую адидасовскую сумку и принялся бросать в нее вещи.

Тренер молча следил, как тот трясущимися руками закидывал барахло.

— Остальное соберете сами... — сказал Олаф, задернул «молнию» и встал против тренера.

— Может, все-таки попробуешь после гонки? — неуверенно сказал тот.

Олаф покачал головой.

— Но ведь это не только твое личное дело... — Голос тренера зазвенел, наливаясь неприязнью и страхом перед ответственностью: что скажет руководство команды, узнав, что Олаф уехал?! — Ты оставляешь страну без верной золотой медали. Себя без будущего.

— Пока я остался без отца.

— Мы все разделяем твою горе, но, Олаф, отца уже не вернешь, а тебе надо жить.

— Я не смогу жить, не простившись с отцом!

— Понимаю... Но хочу, чтобы ты понял и другое — тебе будет трудно жить без этой золотой медали.

— А если я ее не выиграю?!

— Не выиграешь — одно! Откажешься выступать — другое! Потом вспомни, у тебя контракт с фирмой грамзаписи. И условие — золотая медаль!

Олаф слушал и не слушал тренера. Его слова уже не играли для него никакой роли. Он принял решение и теперь пытался взглянуть в глаза отцу, но даже не мог себе представить его черты. Быть может, присутствие чужого человека мешало увидеть дорогое лицо.

Олаф поднял сумку и пошел к выходу, сунув телеграмму в карман и оставив на столе всю пачку только что полученных писем с пожеланиями успеха.

— Тебе придется лететь за свой счет, — сказал ему в спину тренер.

Олаф не обернулся. Только на мгновение замер, как бы споткнулся, и затем стремительно шагнул за порог. Входная дверь хлопнула громко и погасила еще какие-то слова тренера, брошенные вдогонку.

Олаф не знал, как будет выбираться из этих гор, вершины которых уже зааляли от ранних солнечных лучей. Не знал, когда отправляется первый самолет из ближайшего аэропорта. Не знал, сможет ли достать билет. Не знал ничего. Но все это уже не имело для него никакого значения. Как переставали с выходом на лыжню существовать любые сомнения. Он думал тогда только о беге. Вот и сейчас он начал самую необычную гонку — домой! И непременно должен ее выиграть.

НАЗОВЕМ ЕГО МЯНТИ

Он упал сразу за финишем. Не потому, что скорость оказалась избыточной или совершенно обесценил. Он упал потому, что слишком резко обернулся в сторону табло, чтобы увидеть свой результат. Пляшущие цифры замерли как раз в момент падения. В самом верхе черного квадрата еще стояли номер и время этого выскочки-итальянца. Но Мянти уже знал, что время лидера бито. Семь секунд он отыграл у итальянца. Где отыграл? Пусть попробуют на это ответить специалисты. Там ли, на долгой, пологой, кажущейся бесконечной петле, третьей петле самой быстрой пятнадцатикилометровой гонки? А может, наскреб их уже перед самым финишем?

Что такое семь секунд, когда за спиной пятнадцать белых километров, а за ними сотни, тысячи тренировочных, набеганных за последние годы!

Падая, он ощутил, как руки друзей и тренеров подхватили его. Сверху набросили мягкий теплый плед. Мянти попытался ухватить его за край, чтобы стянуть на замерзшей груди, но пальцы, скрюченные, будто еще не освобожденные от палок, слушались плохо. Плед скользнул с плеч. И чужие руки, кажущиеся усталым мышцам железными клещами, впились в Мянти и взметнули над толпой... Раз, другой, третий...

Он не почувствовал, как сняли лыжи, как отобрали перчатки. Только одно ощущение — подступающая к горлу тошнота от переутомления — наполняло его. Триумфальное качание лишь усиливало тошноту.

Мянти улыбался, об этом он узнает лишь потом, когда увидит сотни фотографий финишного момента, но мозг сверлила единственная мысль: скорее бы лечь.

Его обнимали, целовали, говорили восторженные слова. Потом понесли на руках к большому красному зданию, в котором размещались раздевалки, судейская служба допингового контроля, врачи. Этот дом он покинул час назад обыкновенным финским парнем, одним из тех, которые принадлежат к лыжной державе, но и не более. Перед стартом, что бы ни говорили о претендентах на золото, все они были равны перед лыжной. И вот теперь он первый. Первый.

Повторение этого сладостного слова как бы сбilo тошноту, подступающую к самому горлу. Он отхлебнул горячего шоколада, поднесенного тренером. Кое-как укутал пледом плечи. И теперь с комфортом плыл на плечах друзей и болельщиков. Плыл среди безумного колыхания белых с синим крестом флагов, флагов его родины, которые — нет им числа — привезли сюда, в Австрию, его земляки. И большие флаги, так что двое держались за древко, и маленькие, которые сжимали ручки детей, сидевших на клочках возбужденных победой родителей.

Его опустили перед самой дверью комнаты допингового контроля. Самый шустрый комментатор ринулся к нему, сунув почти в лицо микрофон, но тренер отстранил.

— Потерпите! Потерпите! — кричал он. — Дайте отдышаться! Через пять минут пресс-конференция! Спрашивайте тогда что угодно и сколько угодно!

И впрямь, опущенный на землю, Мянти ощутил, как стало труднее дышать. Там, на плечах, было так просторно, так легко. Или это только казалось?!

Он еще раз широко улыбнулся в десятки фотообъективов, нацеленных ему прямо в лицо, и неверными шагами скрылся за дверью комнаты.

Мянти сделал все, что требовалось, и вновь вернулся в радостно мятущуюся толпу. Теперь журналисты уже не слушались никого. Они спрашивали Мянти о трассе, о самочувствии, о палках и лыжах, о том, «попал ли он в мазь» и как ему это удалось...

Счастливым победителем отвечал, подобно автомату, не вдумываясь особенно в смысл того, что может означать сам ответ. Но, постепенно приходя в себя, он начал понимать, что слова, произнесенные сейчас, завтра станут известны всему миру. И внезапная значимость того, что он говорит, сразу лишила его, и без того не очень словоохотливого парня, красноречия. Теперь он больше думал, реже ронял слова и пытался определить, что принесет ему то или иное признание.

Горячо похвалил лыжи, зная, что фирма не останется в долгу и впрямь он будет не только иметь любое количество лыж, но сумеет войти в дело: часть дохода фирмы станет и его доходом. Не надо будет думать о куске хлеба ни ему, ни его детям, как пришлось думать всю жизнь его отцу.

Он сказал о тренерах сдержанно. Напомнил, что пережил немало волнений, прежде чем тренерский совет решил включить его в сборную. Сколько бессонных ночей провел он, прежде чем услышал «да» вместо невнятных и пространных рассуждений о его спортивной форме.

Как обычно, пресс-конференция вовремя не начиналась. И победителя и призеров держали в осаде журналисты и болельщики, которым удалось прорваться в это охраняемое пространство под трибуной. Мелочи, которые еще

вчера заботили лишь его, Мянти, стали значимыми, интересными для миллионов людей во всем мире. И он рассказывал, где родился, как жил, почему полюбил лыжи, как тренировался. Вопросы задавали и серьезные, и смешные, и глупые, и злые. Но таких было мало. К тому же он был слишком великодушен сейчас, чтобы обращать внимание на жалкие уколы тех, кто хотел бы видеть чемпионом не его, а кого-то другого. У каждого свои фавориты.

Через сомкнутый круг репортеров к нему с трудом пробился тренер — высокий, худой. Он будто сложился вдвое над Мянти и, обхватив за плечи, громко крича, стал вытаскивать из толпы, подталкивая к выходу. Но не в сторону зала для пресс-конференций, а назад, к раздевалке.

И на это Мянти не обратил внимания. Он послушно, но без удовольствия расставался с объективами и микрофонами. Подобно крепкому напитку, всеобщее внимание пьянило, и так жадно хотелось глотнуть хотя бы еще немножко.

Наконец наступила тишина. Они оказались только вдвоем в раздевалке, и тренер тщательно запер ее на ключ. Он не пустил сюда ни врача, ни массажиста. Еще раз проверил, крепко ли закрыта дверь, и повернул к Мянти загорелое, напряженное лицо.

Мянти благодушно лежал на деревянной лавке, привалившись к стене, наслаждаясь неподвижностью и тишиной.

— Мянти, — как можно мягче сказал тренер, — ты не пугайся. Но я обязан тебя спросить: что ты принимал перед гонкой?!

— Выпил немного апельсинового сока... — с удивлением ответил Мянти, еще не понимая значения вопроса.

— У тебя плохой анализ... — сказал тренер как можно тише.

— Ну, а я-то тут при чем?! — спросил он, вдруг осознавая всю глупость своего вопроса.

Тренер покачал головой.

— Никто не говорит, что ты при чем. Но пойми, твой анализ плох.

— Может быть, это ошибка? — Радостное возбуждение начало потухать, и Мянти ощутил холодок плохо натопленной раздевалки, и желтые стены, покрытые лаком и только мгновение назад казавшиеся ему солнечными, потемнели и сдвинулись.

— Сейчас делается контрольный анализ.

— Все уже знают об анализе?! — Мянти ужаснулся.

— Пока не все. — Тренер развел руками. — Но такое не скроешь. Потом, если повторный анализ подтвердит результат первого...

— ...золотую медаль отдадут другому, — как эхо, откликнулся, продолжив его мысль, Мянти.

— Боюсь, что тебя могут еще и дисквалифицировать. — Тренер говорил так, словно вопрос о допинге уже не вызывал сомнения.

Переход от радости к удрученности был слишком резок и внезапен. Происходившее с Мянти напоминало падение в глубокую пропасть. Он сидел, опустив голову, не слыша резких и бесконечных ударов в дверь. Тренер тоже не обращал на них внимания. Подошел к Мянти, сел рядом, обнял.

— Скажи, Мянти, ты принимал что-нибудь из лекарств?

— Вчера таблетку от головной боли, которую дал врач.

— И больше ничего? — В настойчивости тренера Мянти уловил недоверие.

Он вскинул на него глаза, полные слез, и не ответил.

— Ничего, так ничего, — сказал сам себе тренер. — Но нам надо крепко подумать, чтобы объяснить всем этим, — он кивнул головой в сторону запертой двери, за которой слышались и топот, и говор, и стук, — как попали в твой анализ бензодроловые.

— Ошибся контроль?

— Возможно. Хотя маловероятно. Парни в белых халатах знают свое дело.

— Но это медаль моя, понимаешь, медаль моя! Я честно ее выиграл! — истощенно закричал Мянти, сжимая кулак, словно и впрямь там была зажата медаль.

— Твоя, парень, твоя. Если повторный анализ не подтвердит результаты первого. — Тренер был безжалостным. Наверно, надо было промолчать, но он не мог. Ведь столько и его труда вложено в этого парня из Лапландии. И с него руководство команды спросит за случившееся. Кто поверит, что он, тренер, не знал, будто гонщик принимает допинг? Такой ошибки ему не простят. Уже давно ходят слухи, что он слишком стар для сборной.

В однообразном грохоте за дверью тренер наконец различил только ему понятный стук. Приоткрыв на мгновение дверь, впустил в комнату врача команды. Взглянув на лицо вошедшего, Мянти понял, что все кончено.

— Ну?! — не веря своему предположению, спросил он раньше, чем успел задать вопрос тренеру.

— Повторный анализ дал тот же результат... — угрюмо сказал врач.

Мянти замер, тупо уставившись на обоих мужчин. Тренер закачался на своих длинных ногах, словно вот-вот упадет, но только никак не может определить, куда падать.

— Они сделали повторный. И контрольную порцию отправили в институт медицины.

— Значит, пока медаль моя?! — хватаясь за последнюю надежду, спросил Мянти. — Идем на пресс-конференцию!

Тренер покачал головой и пояснил:

— Не надо туда ходить. Победителем объявят итальянца. Все места сдвинутся на одно.

И словно подтверждая слова тренера, из-за легкой стены раздевалки ударил глухой, но мощный гул восторга — это толпа приветствовала нового чемпиона, сразу же забыв о старом.

Олимпийский пресс-центр открывался в семь утра.

Был он еще пуст: дремали абонентные ящики, выстроившись в ряд, было чисто между рабочими столами, на которых еще в идеальном порядке, как на торжественном параде, замерли пишущие машинки с разными шрифтами, а в зеленых подносах уже лежали цветные листы первых утренних информационных.

Вошедший направился к подносам и начал равнодушно, жуя резинку, набирать листы, пробегая их наметанным взглядом. Он взял почти чистый белый лист, в центре которого стояло всего несколько фраз:

«Судейская коллегия приняла от швейцарской команды новую стартовую заявку. Вместо Ганса Цоллера, повредившего вчера на прикидке плечо — врачи категорически запретили ему выступать в этом сезоне, — в швейцарской команде стартует Генрих Шварц».

Вошедший пошамкал губами и, задумавшись на мгновение, бросил информацию в корзину для мусора — горные лыжи его мало волновали. Он был специалистом по конькам.

Александр ТКАЧЕНКО

МОЯ ОЛИМПИЯ

Скульптура Зевса покачнулась.
Но в крайней точке амплитуды
она от забытья очнулась
в де Кубертэне...
И он задумался о мире,
о том разрушенном тираном в Риме,
не потому, что бог в него вселился,
а потому, что человек с пути не сбился.
А потому, что он всегда хотел
живую цель не изводить копьеюметаньем
и волю рвущихся к победе тел
усилить разумом и чувством сострадания.
А потому, что он всегда стоял на том,
что можно стадион разрушить,
как это сделал римский легион,
но только лишь не то,
что сохраняет души,
не то, что их ведет на стадион!

Медлит эллин и руку отводит.
Меч и факел лежат за спинойю.
Примеряется к миру,
к современной свободе,
переглядывается со мною.
Медлит эллин
и факел с земли поднимает.
Малый факел Большого огня.
Понимает размах и разбег понимает,
понимает меня...
Понимает, что жду, и моя ждет ладонь.
Медлит эллин, как в торжественной оде
малый факел он макает в огонь
и с огнем уже руку отводит.
И, прицелившись точно, описав полукруг
на две тысячи с половиною лет,
мне дает малый факел не вдруг,
а единственно верно —
свет в свет!

Каждый раз возвращенье огня
из оливковой роци Гомера, Сократа —
каждый раз воскрешенье меня,
человека —
из камня, из дыма —
стократно!

Каждый раз я готов даровать
то, что предок добыл мой с трудом,
только без моих дополнительных ватт
малый факел погибнет,
не возникнет в другом!

Вновь покачнулась скульптура Зевса.
Будь проклята рука, что хочет побороть
святые и возлюбленные с детства
дух олимпизма, олимпийца плоть.

Скульптура Зевса покачнулась вновь.
Уверен, каждый ей плечо подставит,
в ком разноликие Отечество, Любовь —
синонимы,
как их ни поменяй местами.
И каждому позволено с рожденья
открыть себя, чтобы и в нем очнулись
высокая судьба, высокие стремленья,
что покачнулись...

Грядущее усиливает наши голоса,
как рупор,
отыскивает доброе в веках.
Остановить бы занесенные руки,
остановить бы сталь в стволах!
Нас тысячи разных
сошедших на станции
метро «Ленинские горы», —
выходим мы сразу, приходим не сразу,
кто через секунду, а кто через годы.
И вот оно, поле!
И, тысячи разных, мы сходимся к центру,
и левое справа
и правое слева
сердце подходит к сердцу.
И тысячи разных, пришедших не в ногу,
стоят, словно шрифт
гигантской машинки.
И буквы, рожденные в лицах,
читаются:
жизнь — друг другу мы так подошли,
что если и разоидемся,
то лишь для того,
чтобы снова и снова сходиться!

В июле тепло.
В московское небо влетает
истмийская птица.
Полет — это признак признания всеми
того, что свершается в тысячелетиях
и лицах, —
светлеют улыбки, трава и деревья.

Что было усталостью, стало улыбкой,
улыбкой, прощающей мелочь во имя
Большого объятья в равненье великом —
на память фотографа

Олимпию снимет.
На память не только в четыре
устойчивых года
Так здравствуй, Московская, светлая
в любую погоду —
Олимпия вечная,
Олимпия летняя!

Юрий КАРТАШОВ

Секунда

Секунда в беге — вечность.
На старте — лишь мгновенье.
Дорожка — бесконечность.
Лишь к финишу стремленье.
Спортивный шаг не шалость,
Секунда — доля света.
Секунда в жизни — малость,
На финише — победа.

Штангист

Замками скреплены
И гриф стальной и диски,
И плечи склонены
К земле — движеньем быстрым!
Упругий гриф обнял
Руками, что устали,
Он, в небо сталь подняв,
Сам стал прочнее стали.

Вячеслав ЕГИЗАРОВ

Мальчишки

Приходят в спорт мальчишки.
Из года в год растут.
Их по короткой стрижке
Пока что узнают.

В бассейн, на ринг, на вышки,
На корт, ковер, батут —
Приходят в спорт мальчишки —
Мужчинами растут!

МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ

ПОВЕСТЬ

Волнуясь, он продолжал говорить о своем страхе, о мотивах своего поступка, а я смотрел на девочку и думал о том, как могла бы сложиться моя встреча с Иваном Матвеевичем Вышемирским, останься он в живых. Мне было бы о чем поговорить с ним. Не как следователю с потерпевшим — нет. Как человеку с человеком, как отцу с отцом. После юношеских рассказов Юрия, после встречи с Песковым многое стало понятным. Много, но, к сожалению, не все. В общих чертах можно было представить отношения Юрия с отцом. Но что значит «в общих чертах»? К тому же в этой семейной истории оказалось задействовано много других участников, в том числе Черпаков, и я уже не мог позволить себе «представлять в общих чертах», домысливать. Я должен был знать и понять все. Даже если для этого придется доставить моему собеседнику несколько неприятных минут...

— ...случился инфаркт, — продолжал Сергей Сергеевич. — Кто мог предполагать, что у него слабое сердце?

Я перебил его:

— Вы можете сказать определенно, последствием чего был сердечный приступ?

— Собственно говоря, приступов было два. — Черпаков даже не заикнулся о том, что в прошлый раз ни слова не сказал об этом. — Первый — сразу, как только он узнал о взятчике. Проболел Иван Матвеевич около месяца. Лежал в больнице, а я, несмотря на запрет, навещал его.

— Запрет?

— Да, он категорически запретил приходить к себе.

— Почему?

— Не знаю. Я объяснял это его состоянием.

— Но вы приходили к нему, следовательно, пользовались его особым доверием?

— Так получилось. — Он поправил съехавшие с переносицы очки. — Как-то Иван Матвеевич попросил меня навести справки о сыне: был ли Юрий в той группе, где вступительные экзамены принимали Головна и второй взятчик. Я выполнил его просьбу и установил, что при поступлении в институт Юрий попал в другую группу.

— То есть он поступил честно?

— На общих основаниях, — поправил меня Черпаков.

— Как отнесся к вашему сообщению профессор?

— После выписки из больницы он в моем присутствии говорил с сыном.

— Разговор происходил дома?

— Нет, в служебном кабинете профессора. Иван Матвеевич категорически потребовал от сына, чтобы он перешел в другой вуз, ссылаясь на то, что ему не хотелось бы, чтобы на факультете было два Вышемирских: преподаватель и студент. Юрий сказал, что он занимается добросовестно, сдает экзамены в срок и уходить не собирается. Тогда профессор предупредил его: «Студент Вышемирский, имейте в виду, что я лично буду следить за вашей успеваемостью, не как отец, а как заведующий кафедрой, и не обижайтесь, если я буду слишком крут».

— Неужто в этом была необходимость? — спросил я.

— Профессор во всех вопросах оставался принципиальным, — сухо ответил Черпаков.

— Любая крайность больше похожа на предвзятость, чем на принципиальность, — возразил я, хотя чувствовал — спорить бесполезно.

Черпаков пожал плечами.

Теперь я не сомневался, что наш разговор с профессором вряд ли прошел бы гладко — ведь Черпаков был всего-навсего его учеником! Мне оставалось принять это к сведению и спросить, что послужило причиной второго сердечного приступа.

— Он случился через год, — ответил Сергей Сер-

геевич. — На втором курсе я вел проблемную журналистику. Дисциплина сложная, на экзамене многие засыпались. Среди несдавших оказался и Юрий. Неудовлетворительная оценка по моему предмету была решающей: за ним числилось еще две задолженности.

— Вы дали ему возможность пересдать экзамен?

— А как же! Как и всем задолжникам. Прямо во время сессии. После третьей неудачной попытки Юрий решил переговорить со мной. Дождался после занятий на улице...

— Моя фамилия Вышемирский.

— Знаю.

— Я сын профессора Вышемирского.

— Это мне тоже известно.

— У меня две неудовлетворительные оценки. Ваша третья.

— Могу дать совет: подготовьтесь как следует и приходите сдавать.

— Мне не нужны ваши советы! — огрызнулся Юрий. — Я совершеннолетний.

— Простите, но в таком случае не совсем понятно, о чем вы хотите говорить со мной.

— Вы бывали у нас дома, Сергей Сергеевич. Вы ученик отца, вам я могу сказать то, чего не скажу ему... Я не могу просить его, понимаете...

— Вы пришли, чтобы, используя авторитет отца, принудить меня поставить вам фиктивную оценку?..

Юрий молчал, кусая губы.

— Вы неправильно меня поняли, — сказал он. — Мне от вас ничего не нужно... — Он повернулся, чтобы уйти, но в последний момент остановился и с вызовом крикнул: — Слушайте, вы! Сейчас я скажу все, что думаю о вас. Вы ханжа, лицемер... вы червяк! И через десять лет вы все так же будете копать в зачетных книжках, мучить студентов, тискать свои хилые статьи в сборниках, которые никто не читает. Мы встретимся на улице, и я не подам вам руки! Потому что вы ничтожество! Самовольное ничтожество!

7

— Он вел себя безобразно! Он был несправедлив! — При воспоминании о той встрече Сергей Сергеевич обидчиво вытянул в хоботок губы и несколько раз дернул себя за пуговицу. — Но я дал ему еще один шанс.

— Еще одна пересдача?

— Да. Он этим шансом не воспользовался, даже не пришел. Мне оставалось поставить в известность профессора.

— Я знал, что этим кончится, — сказал тогда Вышемирский. Внешне он оставался совершенно спокоен. — Сергей Сергеевич, свяжите меня со Стаднюком, пожалуйста.

— Вы хотите...

— Да, приказ об отчислении, — жестко отрезал профессор.

— Иван Матвеевич, я не могу советовать вам, я просто прошу вас: не торопитесь с приказом. Отчислить Юрия вы всегда успеете. Он хочет учиться... Вышемирский с любопытством посмотрел на Черпакова.

— Что вы предлагаете?

— Дайте ему возможность реабилитироваться.

— У него три задолженности.

— Но достаточно ликвидировать одну, и мы можем в порядке исключения отложить переэкзаменовку до осени.

— Вы, конечно, имеете в виду задолженности по своему предмету?

— Да, по моему.

— Он пересдавал вам уже три раза, а на четвертый просто не явился. У вас есть уверенность, что он сдаст успешно?

Черпаков замаялся:

— Уверенности нет, но...

— Что «но»?

— Иван Матвеевич, мне лично жаль Юрия. Мне лично — понимаете? — Черпаков не мог набраться смелости, чтобы поставить все точки над «i». — Мне лично... лично мне, — мямлил он. — Мне думается, он сдаст экзамен.

— Вот как? И когда же, по-вашему, он его сдаст?

— Не позднее чем завтра. — Сергей Сергеевич уже решился, и терять ему было нечего.

Лицо профессора мгновенно посерело. Черпаков посмотрел на него, и ему стало страшно.

— Вон отсюда, — тихо сказал Вышемирский. — Я не хочу вас видеть.

Черпаков взмахнул рукой, будто отгоняя от себя неприятное видение.

— После того случая, — устало сказал он, — наши отношения с профессором изменились в худшую сторону. Он, конечно, понимал причины, толкнувшие меня на постыдное предложение, но не простил... — Сергей Сергеевич вздохнул и продолжал без всякого выражения: — В тот же день был издан приказ об отчислении Юрия Вышемирского из института. А вечером Ивана Матвеевича прямо с факультета увезла «Скорая помощь».

— Бедный профессор! — вырвалось у меня.

Черпаков удивленно вскинул глаза.

— Не кощунствуйте! — сказал он сердито.

И поделом: думать надо, прежде чем говорить.

Черпаков окликнул девочку. Она побежала к нам, но на поддороге споткнулась и с разбега упала в траву. Раздался громкий плач.

— Не подавайте вида. — Сергей Сергеевич даже не посмотрел в ту сторону. — Надо воспитывать в детях самостоятельность. Пусть выплачется, боль утихнет, и она сама успокоится.

Сложная наука — педагогика. Возможно, Черпаков смыслит в ней неизмеримо больше, чем я, — у меня не было времени выяснить это.

Я подбежал к девочке, поднял ее с земли, отряхнул платице.

— Не надо плакать, Анечка, а то... — Что бы пострашнее придумать? — А то все бабочки разлетятся и больше никогда не прилетят. Ты ведь не хочешь, чтобы они разлетелись?

— Не хочу. — В ее глазах еще стояли слезы.

— Тогда иди и поймай вон ту, с желтыми крыльшками. — Я легко подтолкнул ее в спину. — Только не торопись, а то снова упадешь.

Вернувшись к лавочке, я застал Черпакова в той же позе.

— Теперь я кое-что понимаю, Сергей Сергеевич, — присаживаясь, сказал я. — Позавчера, когда вы вошли в дом и увидели, что Иван Матвеевич мертв, то сразу уязвили его смерть с бегством Юрия. Вы и до сих пор думаете, что...

— А что бы вы подумали на моем месте? — выдавил из себя Черпаков. — У него были причины не любить отца.

— Да, причины у него были, — согласился я.

Издали донеслись тягучие, траурные звуки музыки.

— Нам пора, — устало сказал Черпаков.

— У меня еще один, последний вопрос, — остановил его я. — В прошлый раз мне показалось, что вы знаете, куда мог уехать Юрий. Это так?

— Я не хотел путать вас своими домыслами. Юрий часто ездил в Ригу. Кажется, у него там есть знакомые.

Сергей Сергеевич кивнул на прощание и пошел к дочери. Она подпустила его поближе, но в последний момент увернулась и отбежала в сторону. Черпаков сказал что-то резкое, протянул руку, но она снова отбежала...

Стоя в сторонке, я ждал, пока схлынет встречный поток людей, возвращающихся с гражданской панихиды.

Сначала прошли студенты. Они сдержанно переговаривались, делая при этом излишне строгие лица, но молодость брала свое: кто-то вполголоса уже спорил с товарищем, прямо на ходу заглядывая в конспект, кто-то смеялся шутке. За студентами отдельными группками по два-три человека чинно проществовали преподаватели. Последними шли музыканты.

Логвинов, когда я подошел к нему, стоял спиной ко мне и, приподнявшись на цыпочки, смотрел в сторону церквушки. Услышав мои шаги, обернулся.

— Не было Юрия, Владимир Николаевич, — сообщил он, но по его сияющему виду я понял, что это не все новости.

— А что ты там высматривал?

Он не ответил, пока не убедился, что поблизости нет ни души.

— Считайте, что магнитофонная кассета у нас в кармане. — Он поманил меня за собой. — Пойдем поближе, сами все поймете.

У металлической ограды, сплошь заставленной пыльными венками, мы остановились.

«Маркин приходил», — подумал я, заметив большой букет желтых роз у мраморного надгробия с надписью «Вышемирская Елизавета Максимовна».

— Внимательней смотрите, Владимир Николаевич, — предупредил Логвинов.

«Что за чертовщина! Ну, венки, ну, надписи на лентах...» Я детально осмотрел пространство за оградой и в непосредственной близости от нее.

— Сочиняешь ты что-то... — начал было я, но в это время в глаза бросились полевые ромашки — небольшой, с десяток цветков букетик. «Да это же точная копия того самого, с веранды! И девушка, встречавшая Юрия после работы, тоже пришла с ромашками!»

Я не силен в геометрии, и совсем недавно, когда дочь зубрила очередную теорему, мне стоило большого труда втолковать, что через две точки можно провести только одну прямую. В ту среду, двадцать шестого сентября, я бы обязательно привел наглядный пример с цветами. Не знаю, помогло бы это ей понять логику древних греков, но я лично проникся к ним еще большим уважением.

— Интересно, — сдержанно заметил я. — Ты видел, кто их принес?

— Для чего же я здесь стоял? — сказал Логвинов. — Девушка, на вид лет девятнадцати-двадцати...

— Блондинка?

— А вы откуда знаете? Она подошла минут через пять после того, как вы с Черпаковым ушли. Я сразу обратил на нее внимание: держалась как-то особняком, хотя кое-кто из студентов с ней поздоровался. В руках цветы. Когда стали расходиться, Сотниченко увел ее с собой.

Девушка заинтересовала меня, но раньше, чем через пару часов, вестей от Сотниченко ждать не приходилось.

— Когда тебе на вокзал? — спросил я.

— К половине восьмого.

— Тогда пойдем со мной. Надо покопаться в записной книжке Вышемирского. В ней должен быть записан один рижский номерок.

Мы направились к выходу, и по дороге Логвинов рассказал о том, что удалось узнать в школе, где в свое время учился Юрий.

Глава 5.

СРЕДА, 26 СЕНТЯБРЯ (продолжение)

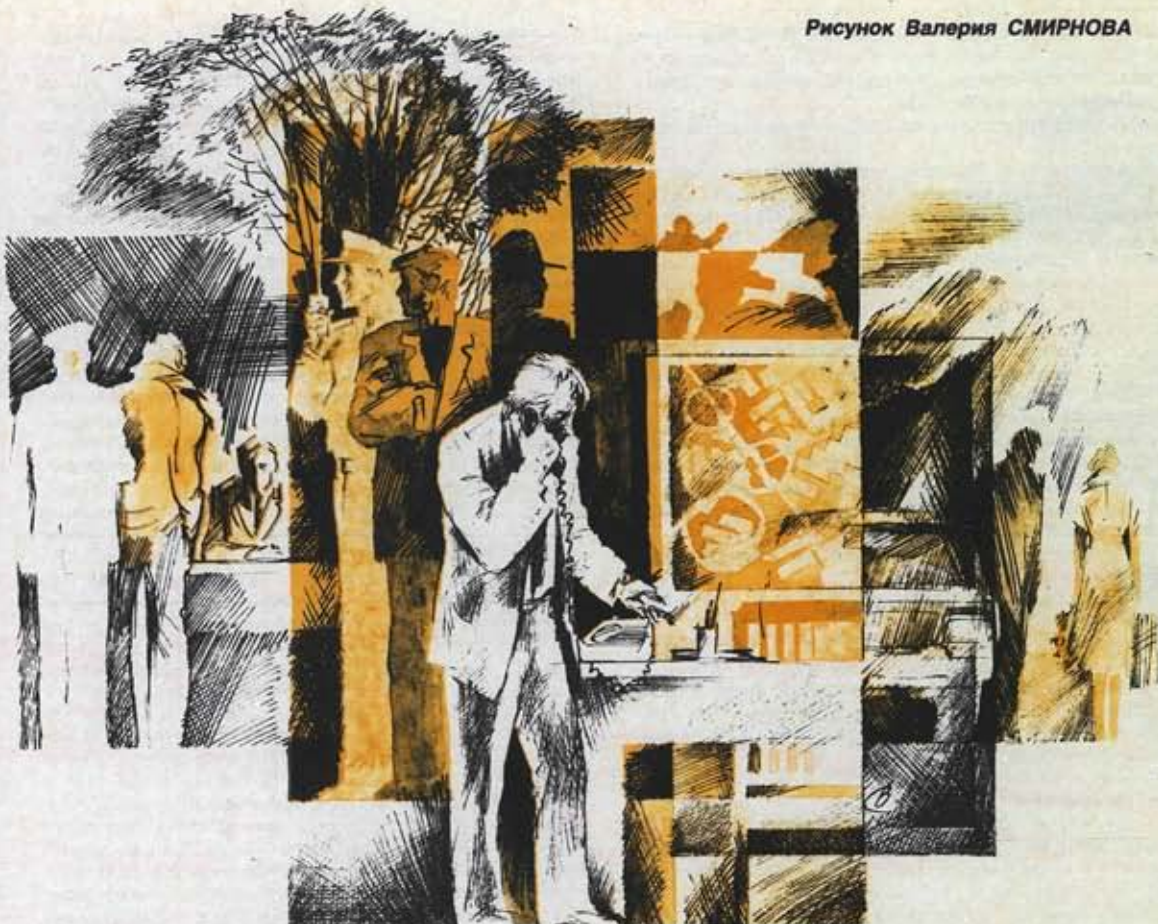
1

День назад Юрий выбежал из своего дома и больше туда не возвращался. Он ушел из дома, в котором остался труп отца, из дома, в котором была совершена кража. Чего он боялся? Ответственности? Допустим. Но ответственности за что? За кражу? Маловероятно. Отчего же он убежал? Куда и зачем? Второй день мы бились над этими вопросами. Что-то сказал Черпаков, что-то Корякин, что-то Песков, но в общей сложности это мало что дало.

Оставалась тонкая белая папка с рассказами Вышемирского. Я был близок к тому, чтобы согласиться с мнением Андрея Васильева. В отличие от меня он встречался с Юрием, говорил с ним, а известно, как часто слово, тон, которым оно сказано, выражение глаз при живом общении с человеком дают во сто крат больше, чем тщательное изучение его биографии или встречи с десятком свидетелей. Не вызывало сомнений, что в своих рассказах Вышемирский описывал события, происшедшие в его жизни, людей, лично ему знакомых. Существовало, правда, маленькое «но». Оставалось неизвестным, какую роль при это играло авторское воображение. Реальность и вымысел в его рассказах переплетались настолько тесно, что отличить одно от другого было трудно, если вообще возможно.

Так мы пришли к необходимости проверить, насколько догадка Андрея Васильева соответствовала действительности.

«Щелчок был самым тщедушным мальчиком в классе». Эта фраза из рассказа «Второй раунд» привела Логвинова в школу, где с первого и до последнего класса учился Вышемирский. Инспектор начал с директорского кабинета, и ему повезло: на фотографии, которая в числе других украшала стены кабинета — среди выпускников десятого класса «Б» самым худеньким был мальчик, под овальным снимком которого стояла фамилия, устранявшая последние сомнения: Щелканов В. Никак иначе, как Щелчком, его, по ребячьим законам, в школе окрестить не могли. По воле случая бесстрастная рука фотографа поместила рядом с ним двух других персонажей «Второго раунда»: по одну сторону Юрия, по другую — скучающего светловолосого паренька с глубоко посажен-

ными бусинками глаз. «Зотов Е.» — свидетельство-вала подпись.

Классную руководительницу бывшего десятого «Б» разыскать не удалось: она была давно на пенсии и уехала к дочери то ли в Воркуту, то ли в Великие Луки. Остальные преподаватели не сообщили Логвинову ничего существенного, если не считать смутного воспоминания о Вышемирском, как о мальчике из «интеллигентной семьи», «хорошо успевающим» и «в общем, положительным». Упрекать двух-трех учителей, оставшихся в школе с тех пор, было не за что: прошло без малого девять лет.

Оставалось прибегнуть к последнему, но зато безотказному средству — адресному бюро. Спустя четверть часа Логвинов знал домашний адрес Щелканова Валерия Федоровича, а еще через полчаса сидел в тесном кабинете врача плавательного бассейна «Спартаковец» и удивлялся тому, как сильно иной раз меняется внешность человека за сравнительно короткий срок. Худенький, нескладный мальчишка стал высоким плечистым мужчиной. Даже необъятно широкий медицинский халат не мог скрыть атлетических пропорций его фигуры. Опытным глазом инспектор определил: плавание, гимнастика и немного штанга. Мало что осталось от десятиклассника по кличке Щелчок, разве только мягкий взгляд карих глаз придавал ему отдаленное сходство с фотографией школьных лет.

Костя дал Щелканову рукопись рассказа Вышемирского и, пока он читал, с интересом следил за его реакцией. Но пища для размышлений не получил: лицо Щелканова оставалось спокойным. Несколько раз он отрывался от чтения, но лишь затем, чтобы коротко ответить на телефонные звонки. Читал внимательно, не торопясь, а закончив, передал рукопись инспектору.

— Что скажете? — спросил Логвинов.

— Хороший рассказ. — Щелканов повернулся к стеклянной стене, сквозь которую был виден пустой трамплин для прыжков в воду.

— И только?

— А что вас интересует?

— Ну, например, меня интересует, вымышленный случай описал Вышемирский или нет.

— Нет, это правда.

— А детали?

— Детали тоже.

Логвинов понял, что имеет дело с человеком, привыкшим больше слушать, чем говорить.

— Вы учились в одном классе?

— Да, в десятом «Б». И Зотов, и Вышемирский, и я.

— И тогда, на практике в колхозе...

— Мы ездили в совхоз, — поправил его Щелканов.

— Я понимаю, прошло много лет, вспоминать не всегда приятно, особенно если... — Логвинов не договорил, решив, что лучше спросить напрямик: — Вы-

шемирский действительно присутствовал при вашем избении?

Лоб Щелканова прорезала глубокая складка. Видимо, время нанесения обид никак не соотносится с обычным календарем. Неважно, сколько прошло дней, месяцев, лет, — сильная обида всегда нанесена только вчера.

— Я знаю, вы не задаете праздных вопросов, — мягко, но решительно сказал Щелканов. — И все-таки какое может иметь значение, присутствовал при драке Вышемирский или нет?

Логвинов сообразил, что его собеседник не из тех, кто откажется помочь, но для этого его надо убедить, что в его помощи нуждаются.

— А если я скажу, что для нас это важно?

Валерий молчал.

— Я не шучу. Это действительно очень важно, — повторил свою попытку Логвинов.

— Ну, хорошо. — Щелканов оказался отходчивым человеком. — Если вы находите нужным разбираться в этом спустя столько лет, спрашивайте.

На этот раз Логвинов начал издали:

— Вы знаете, как сначала назывался рассказ, который я вам дал почитать?

— Нет, я прочел его впервые, — ответил Щелканов.

— «Мальчик на качелях».

— Почему?

— Ну, во-первых, герой рассказа, как и сам Юрий, любил качели, а во-вторых, он представлял свою жизнь как чередование взлетов и падений.

— Ну, в какой-то мере это справедливо. В медицине есть даже понятие «биоритм»...

— Э, нет. Он вкладывал в название несколько другой смысл, но не это сейчас важно. Мне с вашей помощью хочется выяснить, чем на самом деле был для него эпизод с Зотовым. Не по рассказу, а так, как было в жизни. Взлетом или падением? Как вы полагаете?

Щелканов не сразу ответил на вопрос.

— А вы не допускаете, что и тем и другим одновременно? — спросил он. — Юрий не вмешался в драку, не стал на сторону слабого, струсил. Плохо, конечно. Но почитайте рассказ внимательней, в нем сам Юрий дает рецепт от страха. Вспомните концовку. Он ударил Зотова. Разве это, как вы выражаетесь, не взлет?

— Это в рассказе.

— Но желание у него было. Я знаю Юру, уж чем-чем, а чувством справедливости он был наделен в достатке.

— Абстрактным чувством. Оно отказало ему при первой встрече с реальным злом. Вы, например, верите, что он ударил Зотова?

— Я верю, что он хотел это сделать.

— Между хотел и сделал есть разница, согласитесь.

— Вы забываете, что тогда ему было всего пятнадцать лет. Сейчас нам легко рассуждать...

— Не так уж легко,—подхватил Логвинов.— Вот вы сказали, что он присутствовал при драке, в то время как в рассказе речь идет об избивении. Драка и избивание—разные вещи.

— Я оказывал сопротивление,—пояснил Щелканов.

— Получается, Вышемирский стусил краски?

— Силы были неравные, и со стороны могло показаться, что Зотов избивает меня. На самом деле пару сняжков я ему тоже наставил.—Щелканов впервые улыбнулся.

— А с чего у вас началось?

— Зотову показалось, что я «не так» посмотрел на него.

— Вышемирский при этом присутствовал?

— Без зрителей Зотов не стал бы задираться.

— Это почему же?

Щелканов опять засомневался:

— У меня такое ощущение, что мы с вами занимаемся ерундой. Ведем чуть ли не настоящее расследование, копаемся в подробностях, а речь идет всего-навсего о мальчишеской стычке. Несерьезно это как-то...

— Скажите, Валерий, для чего вы, доктора, прослушиваете у больного пульс?

— Как для чего?—удивился Щелканов.— Это помогает установить диагноз.

— Видите, у вашей профессии свои методы борьбы с болезнью, у нас—свои. Чтобы знать, способен ли Юрий совершить преступление, нам необходимо установить, чем он переболел в детстве. Так что считайте, что наш сегодняшний разговор носит диагностический характер.

Довод, приведенный инспектором, кажется, убедил Щелканова.

— Ну, что ж, вам виднее,—сдается он.— Вы спросили, для чего Зотову нужен был зритель. Дело в том, что в классе его не любили за вечное стремление показать свою силу, быть лидером. А он жаждал слепого поклонения, хотел, чтобы все подчинялись ему. Он желал самоутвердиться. Для этого нужен был тот, кто послабее. Выбор пал на меня и Юру.

— Почему же никто не заступился за вас?

— Зотов был не настолько глуп. Тогда, на практике, он выбрал время и место, когда поблизости никого из ребят не было.

— Кроме Юрия,—добавил Логвинов.— Он-то был рядом.

— Рядом,—подтвердил Щелканов.— Но в том-то и суть, что зрелище было рассчитано на то, чтобы запугать обоих. Быть подлецом—тоже, наверное, целая наука, и в ней есть свои законы. Зотов дрался ожесточенно, при этом ругался, кричал, нагонял страха. А страх, между прочим, парализует, особенно в детском, юношеском возрасте. Исход драки был предрешен с самого начала, мои шансы равнялись нулю. Он мог свалить меня одним ударом, но в таком случае пропадал весь эффект, из игры выпадал Юрий.

— А если бы Зотов бил не вас, а Юру, вы бы заступились?—спросил Логвинов.

Вопрос был в некотором смысле провокационным. Щелканов провел руками по столу, будто искал, чем их занять, но стол был пуст. Тогда он включил вентилятор, направив струю воздуха в сторону.

— Трудно сказать.—Он подумал и выключил вентилятор.—Для этого нужно было обладать волей...

— Которой у Юрия не было.—закончил за него инспектор.—Вот мы и выяснили, чем для Вышемирского был эпизод с дракой.

— Напрасно вы думаете, что Юрий не понимал этого,—возразил Щелканов.—Он переживал случившееся не меньше, а, возможно, и больше меня.

— Вы имеете в виду «Второй раунд»?

— И его тоже. В рассказе он все поставил на свои места.

— Теоретически,—поправил Логвинов.—Кстати, он не давал вам читать свои произведения?

— Нет, но я знал, что он пишет.

— А в разговоре вы никогда не касались драки с Зотовым?

— Однажды он пришел ко мне в мединститут, я тогда учился на первом курсе, и мы заговорили о школе. «Я предал тебя,—ни с того, ни с сего сказал Юрий.—Ты прекрасно это знаешь. Я предал и себя тоже и не имею права писать». Еще он сказал, я это хорошо помню, что боксер, которого нокаутировали в первом раунде, во втором не участвует. Тогда я понятия не имел о рассказе, но догадался, что он говорит о себе, и возразил: зато он участвует в следующей встрече...

— Вы часто встречались после окончания школы?

— Не очень. Учились в разных институтах, у каждого появились свои дела, новые друзья. Но изредка он заходил ко мне.

— Рассказывал о себе?

— Иногда. Как-то, помню, пришел расстроенный. «Знаешь,—говорит,—я думал, у меня призвание, а выходит, что право писать тоже не дается просто так». Я спросил: «Тебе, наверное, рукопись вернули?» Он ответил, что, наоборот, последний рассказ понравился, и его могли бы опубликовать. «В чем же дело?—удивился я.—Радоваться надо». «Недавно я понял,—сказал он мне,—что врать нельзя ни в жизни, ни в литературе. Туда пути мне отрезаны». Ни переубедить его, ни даже понять толком, в чем дело, я не смог. Он сказал, что бросает писать,—и все.

— А в следующую вашу встречу настроение у него не изменилось?

— Настроение?—Щелканов задумчиво потер чисто выбритый подбородок.—Изменилось не настроение. Пожалуй, изменились наши отношения. Немного по-детски вышло, глупо, но, раз вам интересно, слушайте. Совершенно случайно я увидел его на улице вместе с Зотовым. Ну, думаю, недоразумение, быстро выяснится, а вышло все не так просто. Когда Вышемирский пришел ко мне в следующий раз, я спросил, что связывает его с этим подонком. «Наивный ты человек, Щелчок,—сказал он мне.—Не хотел я тебя расстраивать, да ты сам нарываешься. Мы с ним встречаемся почти каждый день, и ничего зазорного в этом не вижу. Так уж получилось. Гуляем, выпиваем вместе. И не говори, что набьешь ему морду, силенок не хватает». Я думал, он шутит. «Ты что ж,—говорю,—забыл, что это за тип?» «Не знаю, Щелчок,—отвечает он.—Все запуталось, и распутывать поздно. Я все понимаю, все вижу, но с тобой мне трудно. Стало трудно после той idiotской драки. А Зотов... он, в сущности, не так уж плох, надо только понять его». «Понять!»—возмутился я, но он не хотел меня слушать. «Ты мрачный идеалист. А Женя просто веселый малый. Ты только хочешь стать сильным, гири вон тягаешь, а он в любой момент тебя сделает. Когда я с ним, все проблемы решаются сами собой. И не делай трагического лица, Щелчок. Не обижайся—друзей не выбирают...» Он дал понять, что не нуждается в моей дружбе, а навязываться я не хотел. Больше мы с ним не виделись.

Похоже было, что это конец разговора, но Логвинов был не из торопливых. Он дождался, когда Щелканов переговорит по телефону, и спросил:

— Вы не знаете, встречался с кем-нибудь Вышемирский?

— Он любил одну девушку. Звали ее... Силась вспомнить, Щелканов потер лоб рукой.—Кажется, ее звали Рита. Я никогда ее не видел, но как-то, уже после окончания школы, Юрий жаловался мне, что она встречается с другим парнем.

Логвинов не пожалел, что проявил настойчивость.

— В одном из рассказов Юрия встречается подобная ситуация. Он не называет девушку по имени, но зато упоминает, что соперника главного героя звали Мендозо. Вероятней всего, это кличка. Вам она незнакома?

— Может быть, он был соседом Юры,—неуверенно предположил Щелканов.—Ребят с таким прозвищем ни в нашем классе, ни в школе не было. Это точно.

2

Сотниченко вернулся в половине седьмого вечера и успел узнать подробности о встрече с Щелкановым, как говорится, из первых уст. Когда очередь дошла до девушки по имени Рита, и я и Логвинов, не сговариваясь, вопросительно посмотрели на него: оба питали, пусть и слабую, надежду на то, что девушка, которую он увел с кладбища, и Рита—одно и то же лицо.

— Хотите слишком вы много,—сказал Сотниченко. В плохом настроении он имел привычку менять слова местами, за что ему не единожды доставалось от начальства.—Нет, не она. Когда Вышемирский школу заканчивал, Оле было одиннадцать лет.

Так к неизвестной доселе Рите прибавилась еще и малоизвестная Оля. Час от часу не легче!

Втроем мы спустились в гараж, подождали, пока Логвинов заведет машину, и пожелали ему ни пуха ни пера, после чего он с присущей ему педантичностью не забыв послать нас к черту.

Мы с Сотниченко вышли на улицу. Погода была безветренная, воздух—теплым и свежим, луна—полной. Над дорогой стлался туман. Если бы спросили, чего не хватает мне в этот идеальный вечер, я бы, не задумываясь, ответил: семи дней отпуска, который вместе с коротенькой резолюцией на моем заявлении безвозвратно пропал в потоке других, более важных дел, бумаг и резолюций.

— Ты ужинал?—спросил я у Сотниченко.

— Перехватил в буфете.

— Тогда полный вперед.

Отпуск отпуском, а дело делом. В нашем распоряжении было как минимум час-полтора, и мне

предстояло выслушать, чем закончилось знакомство инспектора с девушкой по имени Оля.

— На третьем она курсе учится,—начал Сотниченко, но я тут же пресек его попытку жонглировать словами.

— Ты не на эстраде. Или говори нормально, или вообще не говори.

Замечание подействовало, и в дальнейшем он говорил сравнительно гладко.

Девушку звали Ольга Верещак. Она заочно училась на третьем курсе, прекрасно знала профессора Вышемирского. Знала и Юрия. «Профессор умер своей смертью?»—спросила она у Сотниченко по дороге с кладбища. «А у вас что, есть основания сомневаться в этом?»—на всякий случай поинтересовался инспектор. «Ну, раз милиция занимается...»—уклончиво ответила девушка. Далее он выяснил, что с Юрием девушка познакомилась в январе этого года и до последнего времени встречалась с ним.

— Странная она,—говорил мне Сотниченко, когда мы спускались по широкой лестнице, ведущей от центральной улицы к стадиону.—Спрашиваю ее: не знаете, где он сейчас? Не отвечает. Спрашиваю второй раз. Снова молчит. А на третий расплакалась. Не знаю, говорит.

Так вот отчего у Сотниченко испортилось настроение!

— Ты не спрашивал, может, они поссорились?—Спрашивал. Она говорит, что любят друг друга.

— А ты, значит, сомневаешься?

— Что же это за любовь, если он смотался в неизвестном направлении!—Он пригладил шедеюру—предмет своей особой гордости, и закончил.—Жалко девчонку.

— Красивая?—спросил я.

— Ничего, интересная. Глаза синие, большие. Чуть полновата. Часто шурится, наверное, близорукость, а очки носить стесняется.—Сотниченко подумал и добавил:—Домашняя она какая-то. Врать совсем не умеет—краснеет сразу.

— Выходит, не сказала она тебе, куда Юрий делся?—вернулся я к прежней теме.

— Я так думаю: знает, но не говорит.

— Ну, а представь на минутку, что он вообще никуда не уезжал. Собрал свой чемодан и скрывается все это время у нее на квартире.

— Да что я, Владимир Николаевич, первый день в розыске работаю?—обиделся Сотниченко.—Да я уже метраж знаю в квартире Верещаков. С мамой она живет и с отцом. В новом доме на улице Космической. Нету в квартире никакого Юрия! И соседка подтвердила, знаете, из этих, что всегда в курсе.

— Ладно, ладно,—успокоил его я.—Убедил. Расказывай дальше.

Мы шли под трибунами стадиона. Здесь было сумрачно и тихо. Футбольный сезон еще не закончился, наша команда где-то на выезде терпела очередное поражение. Высоко над головой нависали мощные бетонные подпорки. Я подцепил ногой камешек, и эхо гулко отозвалось под пустыми сводами.

— Давайте поднимемся,—предложил Сотниченко.—Оттуда видик открывается—пальчики оближете!

Я представил себя стоящим на трибуне и облизывающим пальцы. Нет, на сегодня с меня хватит лазания по чужим заборам.

— Здесь недалеко парк имени Чкалова,—сказал я.—Идем лучше туда.

У меня не было ни хитрого плана, ни определенной цели—просто сказал первое, что пришло на ум. Парк действительно находился в двух шагах от стадиона. Мы свернули на петляющую между деревьями тропинку и пошли, ориентируясь на мигающую в тумане рекламу «Спортлото».

— Значит, познакомилась она с Юрием в январе,—сказал я в спину идущему впереди Сотниченко.—А ты спрашивал, когда они виделись в последний раз?

— Спрашивал,—уныло ответил он.—Не сказала.

— А с профессором?

— Тоже не хотела говорить. Плачет—и все. Тогда я впрямую спрашиваю: «Зачем вы приходили к Вышемирским двадцать четвертого сентября?» Она отвечает... Нет, вы послушайте, что она отвечает! Профессору, говорит, очень понравились мои курсы, он поручал мне делать доклады во время сессий, просил даже заранее выбрать тему дипломной работы. «Ну и что?»—спрашиваю. «В августе,—отвечает,—я получила курсовую с рецензией Вышемирского. Пришла, говорит, в институт, там сказали, что он болен. Я и решила проведать.—Сотниченко сделал вывод в присущей ему манере:—Чтобы правдой быть, сложно слишком. Так думаю, Владимир Николаевич.

Перебравшись через низенький паранет, отгораживающий парк от улицы, мы оказались в несколь-

ких десятках метров от здания бывшего пожарного депо.

У настезь открытых ворот гаража знакомый мне парень вхолостую гонял двигатель новенького «ЗИЛа». Через открытую дверь было видно, как он изо всей силы давит на педаль газа, отчего мотор иступленно ревел, как самолет на взлетной дорожке.

— Привет!—Он тоже узнал меня и, перекрывая шум своим могучим басом, крикнул:—Мыслителя нет, не поднимайтесь напрасно!

— А где он?—спросил я, хотя никаких особых дел к Головне у меня не было.

— В дирекции. Увольняться решил.

— Это было что-то новое.

— Скоро придет?

Парень свесился с сиденья, чтобы услышать, о чем я спросил.

— С полчаса как ушел. Вот-вот зайвится.

Мы с Сотниченко отошли в сторонку.

— Это тот самый мыслитель—Головня?—спросил он.

— Тот самый,—кивнул я.—Ну что, подождем?

— А зачем он вам?

Откровенно говоря, я не знал, что ответить. Ну, увольняется Леонид Осипович, ну и что? Нашел, наверное, вышку побольше. На встречу с ним я не рассчитывал, да и времени у нас оставалось совсем немного: скоро с вокзала должен был вернуться Логвинов, а мы договорились, что будем ждать его в райотделе, чтобы узнать, как прошла встреча с Клавдией Степановной—отправительницей телеграммы на имя Вышемирского-старшего.

— Ладно, пойдём,—поразмыслив, сказал я.

Но недаром, видно, говорится: чему быть, того не миновать. Не успели отойти от гаража, как впереди послышался шорох и хруст веток. Прямо на нас двигался коренастый, плотный человек. На его голове белела большая панамы типа тех, что были в моде у курортников лет пятнадцать назад, так называемые «санаторки». Мы посторонились, чтобы пропустить его, и он стремительно прошел мимо. Сделал несколько шагов, потом остановился и круто обернулся.

— Владимир Николаевич?—Это был Головня.—Вы ко мне?

— Да нет. Гуляем вот с товарищем.

— Все равно рад вас видеть!

«Так-таки рад?»—хотел сказать я, но воздержался.

— Вы, я слышал, увольняетесь?

— Это потом, потом.—Он дотронулся до моего плеча.—Отойдемте в сторонку, мне пару слов сказать надо...

— Слушаю вас.

— Я сам к вам собирался, Владимир Николаевич... Вы, конечно, думайте обо мне все, что хотите, но Головня честный человек! Я свое отсидел и снова попадаю туда,—он соорудил квадратик из четырех пальцев,—не собираюсь. Вчера, только вы ушли, заявился ко мне один человек и сделал одно заманчивое предложение. Вам это должно быть любопытно... Человек этот не поленился газетки поднять за тот период, когда о нас писали, о продолжал он,—вычитал в судебном очерке о взятках, мою фамилию разыскал. Ему, видите ли, показалось, что я типичный уголовник и горю желанием отомстить Вышемирскому.

— Вышемирский мертв,—напомнил я.

— То же самое сказал ему я, слово в слово.

— Что же предложил вам этот человек?

— Украсть,—коротко ответил Головня.

— Фамилия его как, если не секрет?—спросил я.

— Фамилии он не назвал, но внешность описать могу.—И Леонид Осипович горячо зашептал мне в самое ухо.

— Я знаю, кто это. Спасибо большое,—искренне поблагодарил я.—Вы нам здорово помогли.

— Правда?!—Он нашел в темноте мою руку и крепко ее пожал.—Вот и хорошо, мне даже легче стало. А вы его не упустите?

— Постараемся,—успокоил его я. Вчерашний гость Головни уже сутки, как находился под нашим пристальным наблюдением.—Вы действительно увольняетесь, Леонид Осипович?

— Да вот, решил,—помявшись, ответил он.—Может, в библиотеку пойду, еще не знаю точно... там все-таки книги...—И спохватился.—Только не подумайте, что вы меня переубедили.

— Ну что вы, конечно, нет,—заверил я, и мы попрощались.

Весь обратный путь Сотниченко тактично молчал, а я осмысливал происшедшее.

Похоже, под моими смутными подозрениями начал появляться твердый фундамент. Стал неопровержимым факт: кое-кому понадобился слепой исполнитель. За фактом, как это обычно бывает, потянулась целая цепь предположений: роль исполнителя предназначалась Юрию, но он не захотел (этим при желании можно было объяснить его

побег!), тогда предпринимается попытка использовать Головню. И тоже осечка. Вывод: дело Вышемирских приняло неожиданный оборот. В том случае, если мои догадки близки к истине, мы находились накануне неожиданных событий.

Последняя версия выгодно отличалась от той, самой первой, но и в ней были слабые места: она никак не объясняла пропажу денег, исчезновение кассеты с пленкой...

Перед тем как подняться ко мне на второй этаж, мы с Сотниченко заглянули в гараж. Машина была уже на месте.

Наверху нас ждал Логвинов. Кабинет у меня тесноват, и ему пришлось устроиться на подоконнике. Зная его привычку рассказывать подробно и обстоятельно, не упуская ни одной детали, вопросов не задавали...

3

Серую служебную послушно он припарковал у привокзального скверика, между блоком телефонных будок и тыльной стороной багажного отделения. Прохаживающийся вдоль сквера милиционер искоса посмотрел на него, потом на машину, но ничего не сказал,—вразвалку направился к зданию вокзала.

Логвинов посмотрел на часы. До прибытия поезда оставалось две минуты. Через зал ожидания мимо буфета, книжных и аптечных киосков он прошел на платформу.

Объявили, что поезд Кисловодск—Москва прибывает на первый путь. Пестрая толпа встречающих пришла в движение.

Логвинов остановился под вокзальными часами и еще раз перебрал в уме сведения о Клавдии Степановне: фамилия ее Клейменова, возраст тридцать семь, незамужняя, детей не имеет, кандидат наук, преподает на факультете журналистики, с двадцать третьего августа по двадцать пятое сентября находилась на отдыхе в пятигорском санатории «Красная Роза» по путевке, выданной местным комитетом профсоюза. За этот период из Пятигорска никуда не выезжала.

Кроме перечисленных сведений, он успел досконально изучить фотографию из личного дела Клейменовой и теперь не боялся разминуться с ней в толпе.

Пронзительный гудок оповестил о приближении состава. В этот момент, как уверял Логвинов, он вспомнил слова, которыми напутствовали его мы: «Оттязывать нет никакого смысла. Лучше, чтобы о смерти профессора Клейменова узнала от нас. И постарайся привезти ее в райотдел, если, конечно...»

Показался электровоз. Его передняя часть с провалами окон и раскрашенными бамперами была похожа на лицо усталого человека. Девятый вагон остановился как раз напротив вокзальных часов. Проводница соскочила на платформу, протерла поручни, и ее отгнали встречающие.

Клейменову он узнал сразу. Выйдя из вагона, она долго смотрела вдоль перрона, потом отошла в сторону, остановилась почти рядом с Логвиновым и, поставив у ног клетчатый чемодан, снова посмотрела вдоль состава. Лицо, сначала радостное и возбужденное, по мере того как она искала и не могла найти Вышемирского, становилось озабоченным и растерянным. Проходили минуты. Она не решалась уйти, но и оставаться не было никакого смысла. Перрон опустел.

Логвинов сделал шаг вперед.

— Клавдия Степановна, разрешите вас проводить?

Как ему самому показалось, он неуклюже предъявил свое служебное удостоверение.

Ее тонкие брови вопросительно поднялись вверх, губы автоматически сложились в дежурную улыбку, но глаза все еще жили другой мыслью; она не видела инспектора и вряд ли слышала, о чем он говорит.

— Пойдемте, у меня здесь машина.—Логвинов поднял чемодан.

— Не понимаю,—пробормотала Клейменова, но послушно пошла за ним к выходу. Так же послушно, не задавая вопросов, дождалась, пока он откроет заднюю дверь машины, и лишь перед тем, как опуститься на сиденье, попросила:—Подождите минутку.

Посмотрела в сторону троллейбусной остановки, потом в сторону стоянки такси, надеясь в последний момент разглядеть в сутолоке знакомую фигуру.

Сотниченко сел за руль, подождал, пока Клавдия Степановна захлопнет за собой дверь, и включил зажигание. В зеркальце прямо перед собой он увидел повернутое в профиль женское лицо. «Удобная позиция»,—мельком отметил он.

Машина развернулась на привокзальной площади, нырнула в проезд под железнодорожной веткой и выехала к развилке. Логвинов еще раз взглянул в

зеркальце. Он решил ехать в объезд и свернул направо. Улица шла параллельно оживленной транспортной магистрали, и встречные машины попадались сравнительно редко.

— Я слушаю вас,—напомнила о себе Клейменова.

— Клавдия Степановна, два дня назад скончался Иван Матвеевич Вышемирский...

Сзади не раздалось ни звука, но посмотреть в зеркало Логвинов не решился. «Вот тебе и позиция!» Он прислушался к глухому урчанию двигателя.

Пауза длилась бесконечно долго. Их с грохотом обогнал огромный грузовик. Из выхлопной трубы вырывались стутки черного дыма, над правым колесом тревожно мигал малиновый фонарик.

— Он не успел получить вашей телеграммы.—Слова повисли в воздухе.—Она пришла на главпочтамт, когда профессора уже не было в живых. Сегодня его похоронили...

Снова молчание. Логвинов, словно делая что-то запретное, скосил глаза на прямоугольник зеркала. В темноте смутно белели пальцы, закрывающие верхнюю часть лица.

— Как это случилось?—раздался хриловатый голос.

— Сердце. Через несколько дней после вашего отъезда ему стало плохо.—Логвинов переключил скорость.—Есть подозрение, что после его смерти в доме совершена кража. Существует много неясных моментов, которые мы сейчас выясняем.

— А его сын?

— Он исчез, уехал куда-то.

Логвинов ждал реакции Клейменовой. Она молчала.

В зеркальце вспыхнул огонек сигареты, на мгновение осветив красноватым светом мокрое от слез лицо.

— Мы ждали вашего приезда.—Он притормозил на желтый свет.

Светофор успел перейти на красный, затем на желтый и зеленый, когда раздался неровный голос Клейменовой:

— Это он! Его вина! Его вина! Он всю жизнь приносил отцу одни неприятности!

Она замолчала.

— Понимаю, вам нелегко, Клавдия Степановна,—мягко сказал инспектор.—И наши вопросы не принесут облегчения. Но поговорить нам необходимо.—Он уже принял решение: в таком состоянии нельзя везти ее в милицию.—Я задам вам несколько самых необходимых вопросов, хорошо?

Следующая вспышка на кончике сигареты была ему ответом.

— Когда вы последний раз виделись с Иваном Матвеевичем?

— Перед отъездом,—донеслось сзади.

— В день отъезда?—переспросил он и, скорее догадавшись, чем услышав ответ, уточнил:—Значит, двадцать второго августа. Он вас провожал?

— Да, на вокзал.

— Вы не получали от него писем?

— Нет.

— А сами писали ему из Пятигорска?

— Нет, только дала телеграмму.

— «Если сможете, встречайте»,—это из вашей телеграммы, Клавдия Степановна.—«Если сможете».—Он подчеркнул эти два слова.—Вы сомневались, что Вышемирский вас встретит?

Огонек в зеркале переместился куда-то вниз.

— Это важно?

В колеблющемся свете Логвинов заметил две глубокие складки, перечеркнувшие ее лоб. «А черт его знает, что тут важно, а что нет»,—подумал он.

Они проезжали мимо ярко освещенной витрины продуктового магазина, и Логвинов отчетливо увидел сморщившееся, как от боли, лицо Клейменовой.

— Остановите машину,—попросила она.

Он резко вывернул руль вправо и остановился.

— Вы расскажете нам только то, что сами сочтете нужным...—начал он, но в это время с заднего сиденья послышались приглушенные рыдания.

До него доносились лишь отдельные слова, обрывки фраз.

— Я любила его,—всплиывая, говорила Клейменова.—Это был красивый, сильный человек. Лучший из всех, кого я знала... Я была счастлива, когда находилась рядом с ним... Господи, ну почему я не настояла на своем! Пусть бы он был недоволен первое время, зато потом... Ему казалось... Я уверена, что он внушил себе, будто до сих пор любит свою покойную жену. Он был в плену привычки. Фантазер... Нет, она, наверное, была неплохой женщиной, была достойна любви. Но ведь все это в прошлом...

Продолжение следует.

Рисунок Александра МОРЕВА

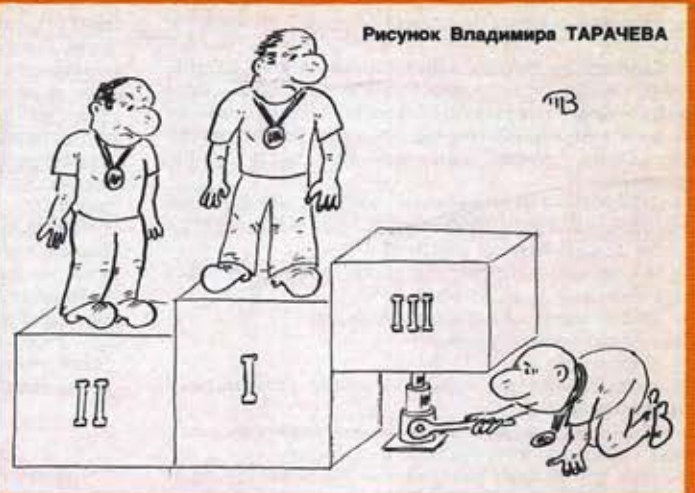

Рисунок Владимира ТАРАЧЕВА

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунок Александра УМЯРОВА

Рисунок Александра КОНОВАЛЕНКО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

КОНКУРС «СМЕНА-80»

(Продолжение. Начало см. в №№ 12 и 13 журнала.)

Олимпийским играм в Москве посвящается это традиционное массовое заочное соревнование наших читателей.

ТРЕТИЙ ТУР

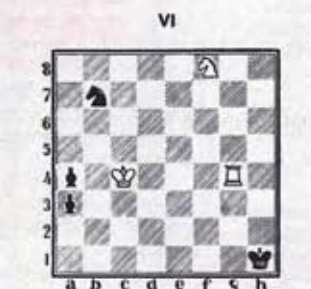
IV

Белые начинают и дают мат в три хода (2 очка).

Белые начинают и дают мат в три хода (3 очка).

Ход черных. Укажите путь к достижению ими победы (2 очка).

Ответ на каждое из трех заданий нужно прислать на отдельной открытке (без конверта). На лицевой стороне почтовой карточки вы аккуратно указываете адреса редакции и инципиалы. Слева сверху делаете пометку «Шахматный конкурс «Смена-80», третий тур». На обороте, открытки сообщаете решение со всеми необходимыми вариантами, раскрывающими содержание позиции. Здесь же справа сверху обязательно проставляете свой конкурсный регистрационный номер.

Запомните, пожалуйста, что письма в редакцию на третий тур нужно посылать не позднее 30 сентября 1980 года (согласно почтовому штемпелю вашего отделения связи).

ЧЕЙ ТУРНИР ЛУЧШЕ?

В летнюю пору многие тысячи любителей шахмат соревнуются в турнирах, организуемых в различных коллективах, здравницах, стройотрядах, пионерских лагерях. По просьбе читателей шахматный отдел «Смены» в случае присылки официально оформленных итоговых таблиц проведенных турниров сможет участникам, выступившим успешно, оформить присуждение спортивного разряда (от четвертого до второго). Все отличившиеся шахматисты получат справки о разряде, а лучшие организаторы летних турниров будут отмечены специальными дипломами. Таблицы результатов наш шахматный отдел принимает к рассмотрению в июле — сентябре этого года.

ЕСТЬ ДВА ГРОССМЕЙСТЕРСКИХ БАЛЛА!

Весною прошлого года блестящим успехом на международном турнире в югославском городе Банья-Лука порадовал нас 16-летний бакинский школьник Гарик Каспаров. Опередив на солидную дистанцию 14 (!) гроссмейстеров из разных стран, он завоевал первый приз и первый гроссмейстерский балл. Превосходную игру юный советский шахматист продемонстрировал после этого в ряде ответственных соревнований, в частности, выступая в составе сборной СССР, одержавшей победу на командном первенстве Европы в Скара (Швеция).

Прошел всего год, и на недавнем международном турнире, проведенном Центральным шахматным клубом СССР в Баку, Гарик

вновь стал выше всех соперников, значительно перевыполнив норматив на получение второго гроссмейстерского балла. Ожидается, что на ближайшем конгрессе ФИДЕ (Международной шахматной федерации) талантливому комсомольцу из столицы Азербайджана будет присвоен титул гроссмейстера.

В том, как весомо, ярко Гарик «заработал» свои «проходные» баллы, читатели «Смены» могут убедиться на примере его партий, фрагменты из которых мы ниже приводим.

К этому положению пришел после 17-го хода черных поединок Г. Каспарова (у него были белые фигуры) с гроссмейстером из Югославии Славолюбом Марьяновичем на турнире в Банья-Луке. Энергичным выпадом коня белые овладевают инициативой и умело ее развивают.

18. Kf3—e5! Ce7—f6 19. Fd1—g4 Fd8—e8.

Не давало черным удовлетворительной защиты продолжение 19. ... Fd6 20. Lad1! C:e5 21. Ch1 Fe7 22. C:e5 и т.д.

20. Ke5—g6! Cf6:a1 21. Kg6:f8 Ca1—b2 22. Kf8:e6 h6—h5 23. Fg4—e2! Cb2—f6.

Малоприятным для черных выглядит вариант 23... C:a3 24. Kg5! 24. Ke6—c7 Fe9—f7 25. e4—e5! Ff7:c7.

Победной цели белые могут добиться по-разному. Гарик, и это обстоятельство характерно для его высокого класса, избирает оптимальный план реализации преимуществ.

26. Fe2:h5! Fc7—c6 27. f2—f3 Cf6—e7 28. Cd3—h7+ Kpg8—f8 29. Fh5—f5+ Kpf8—e8 30. Ch7—g6+ Kpe8—d8 31. Lf1—d1+.

Становится ясным, что атаку черные могут отбить лишь ценою невосполнимых материальных потерь.

31. ... Fc6—d5 32. Ld1:d5+ Cb7:d5 33. Ff5—d3! Lc8—c1+ 34. Kpg1—f2, и черные сдались.

Здесь перед вами отображена позиция, возникшая после 13-го хода черных во встрече Г. Каспарова (и в этой партии он играл белыми) с гроссмейстером из Венгрии Иштваном Чомом на турнире в Баку. Стремительным пешечным штурмом на королевском фланге белые ставят перед партнером нелегкие проблемы.

14. g3—g4! Cf5—e4 15. Ke2—g3 Ce4:g2 16. Kpg1:g2 Kd7—f8 17. g4—g5 Kf6—d7 18. h3—h4 Kd7—e5?

Внешне активный ход на поверку только льет воду на мельницу наступающего противника. Обороняться следовало посредством 18. ... Cb6 и активизацией ферзевой ладьи по вертикали «с».

19. h4—h5! f7—f6 20. Kc3—e4 f6:g5 21. Cc1:g5 Fd8—b6 22. h5—h6! Ke5—f7 23. h6:g7 Kf8—d7 24. Ke4—f6+ Kd7:f6 25. Cg5:f6 Fb6—b5 26. Lf1—h1!

Динамичные действия Гарика необычайно зрелищны и эмоционально впечатляют шахматиста любого ранга.

26. ... Cc5—b6 27. Fd1—f3 Kf7—e5 28. Kg3—f5! Ke5—f7 29. Lh1:h7!, и черные пошли на капитуляцию.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.06.80. Подписано к печати 18.06.80. А 05276. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1160000 экз. Изд. № 1535. Заказ № 2541. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МАРАФОН

Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ
Стихи Николая ДОБРОНРАВОГА

*Это сердце стучит сквозь года и века.
Эта трасса нигде не бывала легка...
И победная весть, и усталости стон,
Это все — марафон, марафон, марафон.
Он под грохот литавр волей славы рожден,
Древнегреческий марафон.
Марафон, марафон, марафон, марафон...*

*Только мир не знал беспощадной пути,
Что пришлось нашим людям в Европе пройти,
Где наградою стало Спасенье Земли,
Где к победному финишу все не пришли.
Но запомнил весь мир свет победных знамен —
Героический марафон.
Марафон, марафон, марафон, марафон...*

*Все как в жизни: надежда, и радость, и боль,
И терпения хлеб, и усталости соль.
В майке лидера Новое время спешит.
Вечный двигатель — сердце людское стучит.
Продолжается жизнь. Связь людей и времен.
Продолжается марафон.
Марафон, марафон, марафон, марафон...*

КРОССВОРД ОЛИМПИЙСКИЙ

Составил победитель конкурса
Г. ПЕТРОВ,
Рига

По горизонтали:

5. Гребная спортивная лодка.
6. Документ, составляемый спортивными судьями.
9. Большие состязания на спортивных судах.
10. Советский штангист, чемпион XXI Олимпийских игр.
12. Двукратный олимпийский чемпион по парусному спорту.
13. Конькобежец, чемпион IX зимней Олимпиады.
14. Страна — организатор XVI Олимпийских игр.
17. Советский баскетболист, чемпион XX Олимпиады.
18. Велосипедист, неоднократный чемпион Советского Союза в индивидуальной гонке преследования.
19. Прыжок в фигурном катании на коньках.
21. Спортивный судья.
27. Скоростные состязания на спортивных машинах.
29. Советский лыжник, чемпион XI зимней Олимпиады в эстафете.
30. Класс олимпийских парусных судов.
31. Конькобежка, чемпионка X зимней Олимпиады.
32. Класс олимпийских яхт.
33. Советская гимнастка, неоднократная олимпийская чемпионка.
34. Советский дзюдоист, чемпион XXI Олимпийских игр.

По вертикали:

1. Волейболист, чемпион XVIII Олимпиады.
2. Советская легкоатлетка, чемпионка XX Олимпийских игр в беге.
3. Советская пловчиха, чемпионка в стиле брасс XX Олимпиады.
4. Советская гимнастка, чемпионка XV Олимпиады.
7. Советский конник, чемпион XX Олимпийских игр.
8. Футбольная команда в высшей лиге СССР.
9. Высший результат, достигнутый в спортивном состязании.
11. Специальная цинковка для схваток в дзюдо.
15. Советский хоккеист, двукратный олимпийский чемпион.
16. Город, где дважды проходили зимние Олимпийские игры.
20. Советская гимнастка, чемпионка двух Олимпиад.
22. Город, где состоятся состязания спортивных судов XXII Олимпийских игр.
23. Спортсменка ГДР, чемпионка XXI Олимпиады по прыжкам в высоту.
24. Футляр для стрел.
25. Успех в спортивном состязании.
26. Советский хоккеист, чемпион VII зимней Олимпиады.
27. Страна — организатор IX и XII зимних Олимпийских игр.
28. Советская конькобежка, многократная победительница всесоюзных и международных состязаний.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 13

По горизонтали:

7. Стахова.
10. Рутений.
11. Пятница.
12. Уланова.
13. Наречие.
14. Находка.
15. Калинин.
18. Анафора.
21. Комуз.
22. Адвокат.
23. Свирель.
24. Эстрада.
27. Окулист.
28. Фотон.
29. Генерал.
33. Автокар.
36. Маршрут.
37. Сватово.
38. Орешник.
39. Никитин.
40. Аксиома.
41. Одиллия.

По вертикали:

1. Столица.
2. Бородин.
3. Папанин.
4. Граната.
5. Сторона.
6. Цилиндр.
8. Стаханов.
9. Гиндукуш.
16. Левитан.
17. Имандра.
19. Новиков.
20. «Обелиск».
25. Контракт.
26. Модерато.
30. Ежевика.
31. Рядовой.
32. Лимонад.
33. Антонов.
34. Тюленин.
35. Актиний.

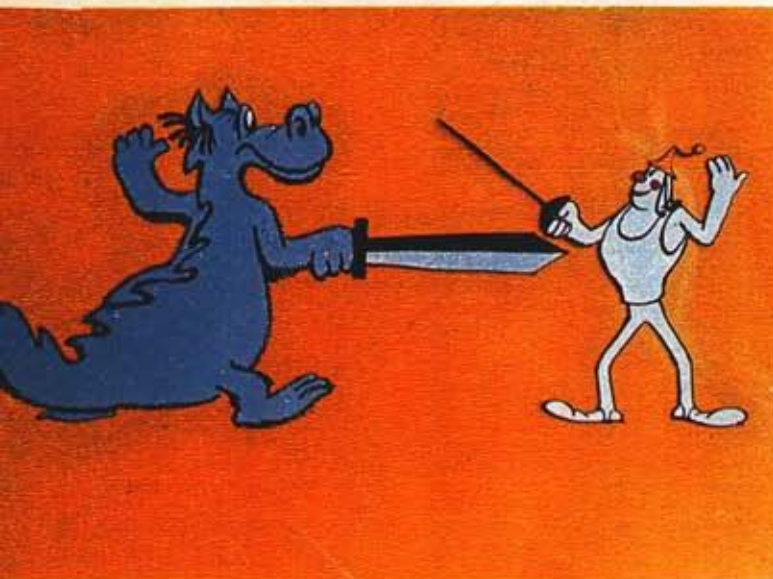
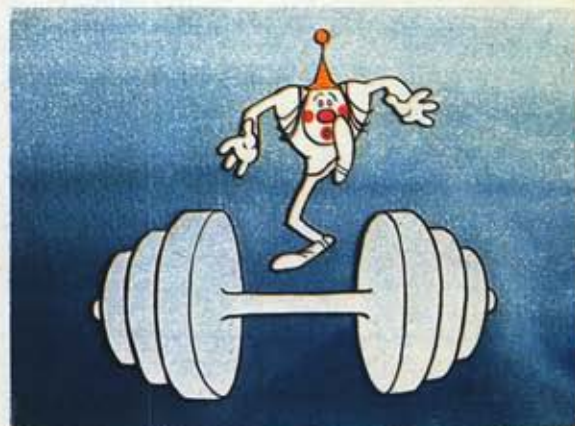
ПРО ФОМУ И ПРО ЕРЕМУ

Как в цирке, где паузы между выступлениями гимнастов и жонглеров, акробатов и дрессировщиков заполняют клоуны, так и на олимпийском телеэкране не будут пустовать промежутки между спортивными «номерами» программы. Нам помогут отвлечься от напряженного и драматического зрелища олимпийских турниров два забавных персонажа: Фома и Ерема, два разных характера — хитрец и простак.

Эти два героя будут состязаться между собой во всех олимпийских видах спорта. И займет это соревнование 26 небольших мультипликационных лент — новую серию, созданную мультипликаторами телевизионного объединения «Экран». Над серией работала большая группа сценаристов, режиссеров, художников: Игорь Макаров, Сергей Тюнин, Эдуард Успенский, Аркадий Хайт, Юрий Бутырин, Анатолий Резников, Владимир Самсонов, Раса Страутмане, Олег Чуркин и другие.

Итак, в перерыве между трансляциями соревнований Олимпиады-80 не стоит выключать телевизор — вас ждут веселые приключения Фомы и Еремы, которые фехтуют и плавают, бегают и прыгают, играют в футбол и катаются на велосипеде.

В этих мультипликационных соревнованиях нет традиционного победителя, в них торжествует фантазия сценаристов и художников. Тем не менее герои фильмов стремятся к победе каждый

по-своему. Простак Ерема — напрямик, надеясь на силу мышц и молодецкую удачу, хитрец Фома — изыскивая для этого самые невероятные, не лишённые остроумия способы. К примеру, чтобы победить соперника в метании молота (простак уже заранее упивается победой), хитрец устанавливает далеко за рекордной отметкой заранее припасённый магнит...

Нет нужды, пожалуй, пересказывать, что же произойдет с героями мультисериала, тем более что она вот-вот появится на экране. Заметим лишь, что все 26 фильмов, соединяющих в своих сюжетах фантастику и реальность, не просто развлекательны, но в чем-то и поучительны и лиричны. И главное, они пронизаны олимпийским оптимизмом, дружелюбием, улыбкой, спортивной солидарностью.

И еще одно. Не исключено, что приключения Фомы и Еремы не закончатся встречами на олимпийском экране. Конечно, при условии, что они понравятся зрителям.

